

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
АЛЬМАНАХ
"ПОЛЯРНОЕ СИЯНИЕ"

2001

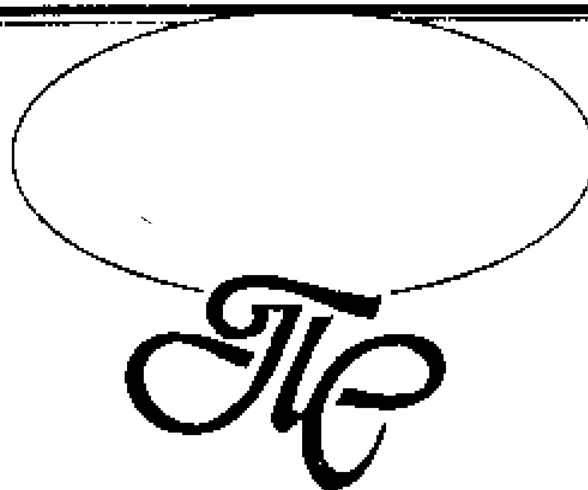
ЛТ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
АЛЬМАНАХ
“ПОЛЯРНОЕ СИЯНИЕ”

Орган Таймырской писательской организации

Таймырская региональная писательская организация.
Литературно-художественный альманах «Полярное сияние –2001»
Альманах издан по заказу комитета по культуре управления
образования и культуры администрации Таймырского автономного
округа.

Издание альманаха ставит своей целью
популяризацию творчества прозаиков и
поэтов, драматургов и литературных критиков,
проживающих на полуострове Таймыр
или пишущих о нем.

Составитель Наталья Бояринова.
Редактор Юрий Градинаров.

*«Во всяком деле лучше немного,
но хорошего, чем много, но плохого.*

То же и в книгах».

Л.Н.Толстой

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭЗИЯ

Огдо АКСЕНОВА	
Дудинка	5
Жду самолет.....	5
Любовь НЕНЯНГ	
Устремленность	6
Губы шепчут.....	6
Евгений ТОЛМАЧЕВ	
Так в пути случается.....	7
Сердце.....	7
Любимая не пишет.....	7
Геннадий МЕДВЕДЕВ	
Апрель.....	8
Красно яблочко.....	8
Сергей ПОПУГАЕВ	
Садится солнце, удлиняя тени...9	
Осенняя грусть.....	9
Нина КОВАЛЬЧУК	
На Хатанге ледоход.....	10
Северный полюс.....	10
Владимир КАНТАРИЯ	
Сухие губы.....	11
Блеск холодный ножей.....	11
Валентина ЗАВАРЗИНА	
Приглашение в тундру.....	12
Как выяснилось.....	12
Возраст осени.....	12
Алевтина ЩЕРБАКОВА	
Неужели тупик.....	13
Оттого, что зябко мне.....	13
Анатолий ЛЕВЕНКО	
Казачке	14
Я прежних тем ошеломил.....	14
Я люблю тебя взаимно.....	14
Так гармоничен твой вкус.....	14
Не целуй ее милый мой	14
Дмитрий ВАСИН	
Дай бог сил пережить.....	15
Русские танки.....	15
Ася РУДИНСКАЯ	
Детство	16
Жизнь моя.....	16
Песня егеря.....	16
Сергей ЛУЗАН	
Другу о подруге.....	17
Барду Виктору Луферову.....	17
Людмила ЗНАЕВА	
Снег и чайки.....	18
Норильску	18
Увы, пустая канитель.....	18
Наталья БЛОХИНА	
Сыну	19
Надежда МОРДАСОВА	
Наш век окончен будет днем.....	20
Бродила по мокрой тундре.....	20
Марк ХАСДАН	
Айсберг.....	21

Елена ЯГУМОВА	
Вот город.....	22
Галина ЛЕТЯГИНА	
Устал?.....	23
Николай ОДИНЦОВ	
Откровение.....	24

ДЕБЮТАНТЫ

Юля ЛИСИЧКИНА	
Дорога домой.....	25
Елена МОРОЗОВА	
Витязи России.....	26
Илья ПОГУДИН	
Не надо.....	27
Это ты.....	27
Посвящение	27
Светлана САЛАЙКИНА	
Стою на берегу, смотрю закат.....	28
Точнее так сказать.....	28
Рука выводит неумело.....	28
Владислав РЕШЕТОВ	
Мне снилось, что я ветер.....	29
Владимир ЛЕОНЕНКО	
Детство.....	30

ПОЭЗИЯ ЮНЫХ

Ольга ЛОШКАРЕВА	
Земной рай.....	31

Проза

Николай ОДИНЦОВ	
На перепутьях тернистых дорог	
<i>Окончание повести.....</i>	32
Елизавета БАРСУКОВА	
Прощальная симфония	
<i>Продолжение повести.....</i>	46
Владимир ЭЙСНЕР	
72 параллель... рассказ	53
Николай ПОПОВ	
Чанарда... рассказ.....	69
Никандр Елагин	
ПростоФилия... рассказ.....	72
Алевтина ЩЕРБАКОВА	
Подлинная история рассказ.....	75
Ирина ДУБОВИЦКАЯ	
Казино... рассказ.....	87
Владимир СОЛДАКОВ	
Ножик с перламутровой ручкой...	
Рассказ.....	91
Юрий ГРАДИНАРОВ	
В низовье Енисей могуч.	
Фрагмент из романа.....	94

Виктор САМУЙЛОВ	
Знак равенства... повесть.....	115
Анатолий САВИНОВ	
Станция дурных снов... рассказ.....	129

ФОЛЬКЛОР НАРОДОВ ТАЙМЫРА

Казимир ЛАБАНАУСКАС	
Соседи, ушедшие в нижний мир...140	
<i>Загадка в истории ненцев</i>	
Оксана ДОБЖАНСКАЯ	
Хенсира сойбаму. Сказка.....	146
Огонь- санка... Сказка.....	148

Поэзия

ОГДО АКСЕНОВА (1936-1995)

Родоначальница долганской письменности, сказочница. Первая профессиональная поэтесса из долган. Автор литературных сборников: “Бараксан” (1973г), “Таймырские сказы” (1982г), “Признание в любви” (1996г) и других.

Дудинка

Стукнулось солнце
о землю как мячик.
Впрыгнуло в небо
и больше не прячет
рыжих лучей.
В голубые дома
Свет загрузив,
как зерно в закрома.
Вмиг гребешки
у сугробов слизнуло.
К каждому в доме
окошку прильнуло.
Льдинки смахнуло,
как полотенцем.
Поцеловало
люльку с младенцем.
Всюду проникло.
Всех обошло.
В городе нашем
стены – стекло.
Видно, кто лишний,
кто посторонний.
Солнце косматое
на крыльцо
вкатывается,
зная любого в лицо.

Жду самолет.

Я за небом, за ветром слежу,
Прилетит или нет, ворожу.
Моя шея, как чимка давно
Притомилась, а жду все равно.

Все стемнело. Нахлынула грусть.
Самолета никак не дождусь.
Вдруг увидела – звездам сродни
Загорелись на мачте огни.

Как соринки, бывает, к рукам,
Так прилипли глаза к огонькам,
В красной лампочке, тьму распыля,
Продолжает морзянка свой пляс.

Самолетам сигналият огни,
Провожатыми стали они.
Звезды шлют им привет в вышине
Или, может быть, радостной мне.

ЛЮБОВЬ НЕНЯНГ (1931-1996)

Известная ненецкая писательница, собирательница фольклора. Ее стихи, рассказы, повести и очерки печатались в газетах, журналах, коллективных сборниках, альманахах. Ее перу принадлежат книги «Я читаю следы» (1980), «Огненный суд» (1981), «Зов тундры» (1997), «Ходячий ум народа» (1997) и многие другие.

Устремленность

А я - все шла...

Все шла и надеялась, -
хоть мне в лицо кричало воронье.
И ветер с ног валил! И, как иголками,
пронзала стужа все лицо мое...

А я - все шла!
Все шла и надеялась,
что сквозь болота одолею путь,
и распрощаюсь навсегда с обидами,
которые мою терзают грудь.

А я - все шла
Все шла и надеялась,
Что все в пути преграды сокрушу!...
Вот-вот хребет поднимется вершиною,
Взойду и там свободней задышу.

И я – пришла!
Взошла на возвышенье.
Пинки, ушибы - канули вниз.
Здесь - даже ветер псом незримым ластится.
Здесь - я одна и недоступна злу!
И вот – стою:
Восторженная, гордая...
С ресниц упала радости слеза, -
Теперь и я могу быть вровень с тучами,
и даже солнцу посмотреть в глаза!

Так пусть же
под ногами ощущается
моей победы вечный пьедестал!
... И вдруг хребет еще одной вершиною
сквозь дымку далей предо мною предстал.

Но к ней дорога прорастает скалами,
Ущелье тьмою раскрывает зев!...
И все же я
Опять иду с надеждою –
Достигнув цели, все преодолев.

***

Губы шепчут: «Алыкель!...»
Тундры северной озера –
нашей юности пароль,
свет души и ласка взора.
По весне мы шли сюда,
не сказав об этом маме,
зыбкого коснуться льда
прямо с берега пимами...
Летом изумрудный взгляд
у воды, трава - ресницы.
И вокруг озер сидят
На своих гнездовьях птицы...
Губы шепчут: «Алыкель!...»
Как давно и кто впервые
распознал хворь,
видя кочки моховые?
Кто предвидел уж тогда:
обернется имя былью –
изумрудная вода
почернеет, станет гнилью?
Видел кто сквозь
Бездну лет
их судьбу,
что смерти хуже,
как мазута черный след
превратит озера в лужи?...
а в душе гнездится боль.

Алыкель – в переводе с долганского
«Гнилые озера»

Евгений ТОЛМАЧЕВ

Родился в Донецкой области. На Таймыр приехал в 1981 году. Работал на строительстве газопровода Южно – Соленинское, Мессояха - Норильск. Живет в Дудинке, работает в «Норильскгазпроме». Публиковаться начал с 1996 г в газетах «Таймыр», «Заполярный вестник», в журнале «Факел Таймыра», в альманахе «Полярное сияние» 1998 и 2000 г.

***

Так в пути случается порою
На закате гаснущего дня,
Молчаливо вдруг сойдутся двое
И рядком присядут у огня.
Как светлы они, минуты эти
Память, словно лезвие остра,
Но уйдут. Останутся лишь ветер
Да холодный пепел от костра.

Сердце.

Кому какое в жизни дело,
Что волны плещут сединой,
Что ты до срока ослабело
Всю жизнь прошедшее со мной.
И я грущу под шум прибоя
Но говорю тебе – Держись!
Нам ничего еще без боя
Не отдала скупая жизнь.

Любимая не пишет.

Звезда взошла и, как во сне,
Крылами стылými колышет,
Ледышкой мир застыл в окне
Любимая моя не пишет.
Приму, как рок, и смерть, и жизнь,
Печаль мою, ведь кто услышит?
Назойливо стучится мысль,
«Любимая моя не пишет!»
Еще живу надеждой, сном
Луна украдкой раны лижет,
Но нет тебя и мертв мой дом
Любимая моя не пишет!..
Листком засохшим оторвусь,
Чтоб вознестись к небесной крыше,
И я на землю не вернусь,
Любимая моя не пишет.

Геннадий МЕДВЕДЕВ

Родился в Челябинской области. На Таймыр приехал в 1972 году по комсомольской путевке. Стихи начал писать в сорок лет. Публиковался в периодической печати Челябинска, Норильска, Таймыра, в альманахе «Полярное сияние», в сборнике «Город белых ромашек».

Апрель

Апрель так переменчив и капризен.
То солнце светит, то вдруг невпопад
Пурга свирепо застучит в карнизы.
То вдруг капли льется водопад.

На севере свои законы у природы.
Зима еще баюкает весну.
И в Енисее сонно бродят воды
Лишь ветер нарушает тишину.

Но улиц вид, какой-то непривычный:
Сосульки на домах. Синеют берега...
И шеи нежные, девичьи,
Волнуют взор, сквозь мех воротника.

***

Красно яблочко, да не спелое,
Лишь оскомина на зубах...
Что ты, милая, со мной сделала,
Знать счастливым быть, не судьба

Видно, «бес в ребро» - больше нету сил
От людей, тайком, гулять-бразничать.
Уезжай совсем, я ж тебя просил,
Тебе весело – все куражишься!

Поцелуи твои, как подпалины,
На губах горят все тревожнее,
И от этих встреч – след окалины.
Ведьма ты! Чудь безбожная!

Не кружи метель фатой белой,
Не дойду домой этой ночью
Что ты милая, со мной сделала,
Колдовством каким изурочила?

Сергей Попугаев

Родился в 1958 году. По профессии обувщик – модельер. В Дудинке с 1972 года. В 1983 году после травмы потерял слух. Публиковался в альманахе «Полярное сияние».

Северный мотив.

Садится солнце, удлиняя тени
Над сопками дрожит прощальный свет,
Летят, как птицы резвые олени,
И за собою тянут звездный след.

В снегу петляют узкие тропинки,
И в небо направляя дивный след,
Как чудные столбы вокруг Дудинки,
Отбрасывают «сириусы» свет.

Висит на небе облако, синяя,
Поскрипывают нарты на бегу,
Наращивает скорость свист хорея...
И две полосы в звездах на снегу.

Осенняя грусть.

Осень золотоволосая,
Одинокая слезливая,
Разметалась над покосами,
Растуманилась над нивами.

Журавлиный крик тоскующий
Затухает в небе пасмурном,
В желтой рожице пустующей
Дремлет пруд в наряде атласном.
По ветру листва гонимая –
Заблудившая бездомница...
И щемит душа ранимая,
И осенней грустью полнится.

Нина Ковальчук

Родилась в 1949 году на Полтавщине. С 1980 года живет в п. Хатанга, работает инженером-синоптиком на метеостанции. Публиковалась в окружной газете, в альманахе «Полярное сияние».

На Хатанге ледоход.

Когда осевшие снега
 Растопит солнышко июня,
 Спешим к высоким берегам,
 Стоим часами в карауле.

Застыл высокий небосвод,
 Реки дыханье наблюдая...
 Не пропустить бы ледоход!
 Не прозевать его начало!

Когда за несколько минут,
 Сдвигаясь, ледяные глыбы
 Враз величаво поплывут...
 Не прозевать! Не пропустить бы!

И устремятся, не спеша,
 Зимы ледовые поляны
 На север, где реки душа
 С душой сольется океана.

Река пошла! Река идет,
 Теченьем холод увлекая.
 Ах, как прекрасен ледоход!
 И тает лед, и сердце тает...

Северный полюс - 2000

Пока весенняя свирель
 Не разлилась капелью строгой,
 Как манит хатангский апрель
 На полюс белою дорогой!

Зажав в ледовом кулаке
 В тугой пучок меридианы,
 Он дремлет в снежном далеке
 Над темной бездной океана.

И устремляется сюда
 Народ со всех концов планеты,
 Родные бросив города
 На теплых южных континентах.

Доплыть, допрыгнуть, доползти!
 Пусть по торосам и по кочкам,
 Но, как же хочется достичь
 Той, севернейшей в мире точки!

Сверкает среди царства льдин,
 Незрим его зовущим голос...
 И пусть он на земле один,
 Всегда у каждого свой полюс.

14.03.99

01.04.2000

Владимир Кантария

Родился в Грузии. Печатался в окружной газете «Таймыр», в альманахе «Полярное сияние». Автор сборника стихов «Верните мне мое...»(1994).
Лауреат литературной премии имени Огдо Аксеновой.

***

Сухие губы. Северная бредь.
Искрится ночь и стелется куницей.
Ржа на душе и потемнела медь
На лике ангела или самоубийцы.

Собачий вой. Бессонницы псалмы.
Осыпалась пророчества позолота.
Я был богат, хватало мне сумы,
Чтобы дожить до следующей субботы.

Среди бродяг, поэтов и бичей
Витийствовала жизнь как Иудея.
Но вдруг иссяк поток ее речей,
Сломалась чуть надломленная шея.

Я знаю, друг в потертых башмаках
К звезде своей мне долго еще шаркать.
Одно страшит, кровь на моих клыках,
И на тебе изодранная парка.

***

Блеск холодный ножей
Я увидел сегодня во сне.
Поцелуем Иуды
Гвоздика алела в петлице.
И зубные протезы
Вставляла старуха весне.
И стоял сатана
Со свечою в руке у божницы.
Грустный инок мял шапку
И мямлил о скором конце.
И под сводом висели мозги,
Как осиные звезда.
Шестиглазый паук
Сети плел на терновом венце.
И святая Елена
Несла на подносе мне гвозди.
И по вене вел бритвой
Уставший от жизни поэт.
Одиночество било фарфор
В Эрмитаже и Лувре
И на рынок мешочник
Волок на спине белый свет.
И блаженный вопил,
Что пришествия больше
НЕ БУДЕТ.

Валентина Заварзина

Родилась в 1947 году на Алтае. Закончила Киевский Государственный Университет. Профессиональный журналист. В Дудинке с 1981 года. Публиковалась в газетах «Красноярский рабочий», «Комсомольская правда», в сборниках «Белый олень Сэреко», «Город белых ромашек», в альманахе «Полярное сияние».

Приглашение в тундру.

Когда в голове суета от проблем
И мозг не находит решение –
Отправимся в тундру – Таймырский Эдем,
Лишь там обречем исцеленье.

Мы с тропки сойдем в бесконечную тишь
Меж нежных берез и осинок лохматых.
Чабрец и багульник. Завидуй Париж!
Не знать тебе тех ароматов!

На сопке присядем – полтундры у ног.
Дыхание тундры обсушит нам лица,
А солнечный, рдеющий цветом жарок
Заставит себе поклониться.

Мы красками лета напоим глаза,
Подышим простором широким.
Мы будем готовы обнять небеса!
Мы станем свободны, как боги.

***

Как выяснилось, жить я не умею.
Из горла рвать, толкать друзей локтями,
Шагать по тем, кто пал уже, немея,
Потребовать свое – и то нет тямы.

Как в эмиграции в родной стране.
Нет прошлого и будущее в дымке.
Вокруг, как призраки в бредовом сне
Дела и люди в сумасшедшем рынке.

Что было ценным – нынче стало прахом.
Высоких чувств растоптаны ростки.
И хочется порой единым махом
Уйти из жизни, чтоб не выть с тоски.

Не привлекая пулю, яд, иль саблю
Исчезнуть просто, как проходит в горле ком.
Но если я уйду,

то на кого оставляю
Россию под дождем,
детей,
и отчий дом?

Возраст осени.

Сумасшедшая юность –
Пир любви.
Отзвенела, как струны –
Рви, не рви.
Улетела как птица –
Не вернешь.
И теперь только снится
Сказка – ложь.
Не тужить и не плакать
Нам о ней,
Самобранкою скатерть
Новых дней.
Полновесность суждений,
Сочность слов,
Возраст осени – гений
И основа основ.
Спелых мыслей корзина –
Выбор твой.
Тонкость чувств и глубины –
Омут в зной.
И уверена поступь
Без сует.
Впереди еще россыпь
Лучших лет.

Алевтина Щербакова

Родилась в Норильске. Публиковалась в сборнике норильских поэтов «Гнездовье выюг», в альманахе «Полярное сияние». Лауреат литературной премии имени Огдо Аксеновой за 2000 год.

***

Неужели тупик?
Бью, как прежде в десятку, не целясь.
Но когда и зачем
Из брони кто-то отлил мишень?
В небесах мой костер,
У которого я отогреюсь,
И на убыль пошел
Мой полярный сияющий день.
Неужели тупик?
Разбегусь и как в детстве, с обрыва
Лишний шаг, лишний шаг...
И мгновенной свободы полет!
Белый флаг, белый флаг –
Это лошади белая грива,
Был в купели моей
Ее терпкий, но праведный пот.
Вновь автобус везет
Мимо глаз застекленные лица,
И кресты у дорог –
Или это опоры стоят?
Тот, в котором из нас
Бог сегодня захочет случиться,
Крутанет все сначала,
Сначала,
Но все наугад.

***

Оттого, что зябко мне,
По снегам бегут мурашки.
Дай же, господи, побряжки
От морозов в декабре.

Оттого, что грустно мне,
День короче и короче,
Вырос пик полярной ночи
И застрял в моем окне.

Оттого, что жутко мне,
Ветер воет, завывает –
Ну, конечно, так бывает
Оттого, что жутко мне.

Это все бы не беда.
Жили мы под общей крышей.
Ты однажды просто вышел.
Оказалось навсегда.

Анатолий Левенко

Родился в Черниговской области, закончил Киевский Государственный университет по специальности журналистика. Живет и работает на Таймыре с 1980 года. Вышли сборники его стихов: «Северная мудрость» (1991), «Вишня Арктики» (1992), «Тридцать три», «Млечный путь» (1996). Печатался в коллективных сборниках, в альманахе «Полярное сияние».

Казачке

* * *

Укорительно бросила
 Одним взлетом бровей:
 «Я же женщина взрослая...
 Мне растить сыновей...»
 Да, ты взрослая, мудрая.
 И расти сыновей.
 Да, ты ходишь к заутрене.
 Я – слепой снеговой.
 Да, ты ходишь к заутрене,
 Ты свята и чиста.
 А стремлюсь к тебе даже внутренне.
 И отнюдь неспроста.
 Ты вишневая, вешняя.
 И посулам не верь.
 Ты пресветлая женщина.
 Суть моя – круговерть.
 Ты моя предрассветная.
 Поднимай сыновей.
 Не по мне жизнь оседлая.
 Я бродячих кровей.
 Наведу чары-кружево, -
 Пусть поют соловья
 Предлагаю руку замужней
 И с двумя сыновьями!
 Чары-кружево наведу.
 Украду. Да не на беду.
 Пусть мечта воплотится,
 Смело глянем родителям в лица.
 ...Ты не зря укорительно бросила
 Одним взлетом бровей:
 «Я ведь женщина взрослая...»
 Нам растить сыновей!

* * *

Я прежних тем
 ошеломил,
 что прям всегда.
 И, видно, не был
 мил,
 раз не услышал:
 «Да!»

Я люблю тебя взаимы.
 Расплатиться разве нечем?!
 Хочешь, весь возьми Таймыр
 Белым платьем подвенчным?

Я люблю тебя взаимы.
 Быть в чести – быть смельчаками!
 Хватит серебра зимы
 Твои профили чеканить.

* * *

Так гармоничен твой вкус и наряд,
 Что отвертели мы шеи, кролики – братцы.
 И даже планеты все встали в ряд,
 Чтобы тобой любоваться!

Пусть о конце света скептики
все говорят
 Я опровергну их вкратце:
 Ведь даже планет парад,
 Чтобы тобой любоваться!

* * *

Не целуй ее, милый мой мальчик!
 Ты ведь влюбчив, горяч и запальчив.
 Ты ревнив, горделив и обидчив.
 Тебе хватит кукольных личек.

Не целуй, если сердце не хочет.
 И себя, и меня измучишь.
 Ты, что правда, то правда, - отходчив.
 Милый мальчик, нечаянный случай.

Не целуй, если так, между прочим.
 Не играй мной, как будто я мячик.
 Бог другую женой тебе прочил,
 Милый, ночи сжигающий мальчик!

Ты же вечности точно захочешь.
 Здесь обидчик – попутчик маячит.
 В твоём списке удач я не точка,
лишь росчерк.
 Не целуй меня, ветренный мальчик!

Дмитрий Васин

Живет в Дудинке с 1976 года. Закончил Санкт-Петербургский университет культуры и искусства, факультет режиссуры. Работает режиссером Дудинского народного Камерного театра. Публиковался в окружной газете, в сборниках, в альманахе «Полярное сияние»

***

Дай бог сил пережить, что нельзя изменить
Дай удачи продёрнуть меж бритвами нить.
Разбирая завалы разрушенных грёз,
Всё понять и простить, распрямится и жить
И не пасть, как подмытый волною утес.

Помоги мне, Господь, не пропасть и не пасть
Не попасть в целиком всех жующую пасть.
В куче щебня найдя обгоревший кирпич,
В основание нового здания класть
И при этом услышать о помощи клич.
Стены снова сложить. От торца до венца.
Чтоб прекрасно смотрелось с любого конца.
И на башне бессменную вахту нести,
Чтоб от рук разрушителя, лап подлеца,
Постараться на этот раз дом свой спасти.

Русские танки

Кто- то глядит вверх,
Другой смотрит на поле,
Каждый сам знает
Что ему обозреть,
Чем себя успокоить.

Танк гремит траком,
Вминает траву в глину.
Но время пройдет,
Превратив в прах железо,
А трава будет расти.

Ася Рудинская

Родилась в 1959 году на Таймыре. Закончила Восточно-Сибирский Государственный институт культуры. Живет в Хатанге, работает методистом отдела просвещения заповедника «Таймырский». Печаталась в окружной газете, в сборниках, в альманахе «Полярное сияние».

Детство

Было детство... У всех оно было,
Только разное было оно,
И оно в нашей жизни было,
Как в цепи золотое звено.
Мое детство – счастливые годы.
Помню братьев, сестреноч своих,
Помню птичек, совсем возле дома
Свивших гнезда для деток своих.
А еще помню чум наш высокий,
Дерна крепко прижали полы
И очаг из камней посередке,
Медный чан был подвешен над ним.
Мне запомнился запах березы,
Тальника – так у нас говорят,
Как у всех лились горькие слезы
От его озорного дымка.
Нас, детей, по тальник отправляли,
Обвязавшись ремнем от седла,
Мы бежали туда без оглядки,
Где погуще листва тальника.
Не жалея набухших ладоней,
Только б ловкость свою показать,
Набирали охапки поболе,
Чтоб тебя не сумели догнать...
Не забудутся детские годы,
Хочешь, чаще о них вспоминай,
Только пусть на земле нашей горе
Не увидят ребячьи глаза.
Пусть играют они в догоняшки,
Строят чум из песка, из камней,
Собирают цветные стекляшки
И пускают бумажных змей.
Я прошу охраняйте детство,
Берегите его от невзгод,
От ударов неожиданных, от бегства,
Пусть оно без болезней живет.
Ведь оно превращается в память
И в твоей затихает груди,
Как снежинки мгновенно растаяв,
Превращаются в капли воды.
Только вот, когда холод настанет,
Вновь вода превращается в лед,
Наше ж детство вдали растаяв,
Не воротится, вновь не придет.

Жизнь моя.

Жизнь моя, не суди меня строго,
И не требуй признанья в любви,
Ты не бойся не выйду из строя,
Хоть какие ты беды не шли.
Я не рухну, не съеду с дороги
И других я с пути не собою,
Только ты не суди меня строго,
Как умею по жизни иду.
Ты не балуй меня удобствами,
Через реки мосты не клади,
Дай самой мне своими средствами
По тебе, моя жизнь пройти.

Песня егеря.

Этот путь выбрал я не случайно,
С детства я помню голос земли,
Были в нем откровенье и тайна,
Что меня за собой увлекли.

Я искал, находил, удивлялся,
Нет предела мечтаньям моим,
С заповедной землей общался,
На ее языке говорил.

Плач гагары и гогот гусиный
Струны сердца затронут не вдруг,
Мы с природой слились воедино,
Для меня все родное вокруг.

Крики чаек и вздох океана,
Робкий шепот ворчуньи реки,
Отголоски бывшего приданья,
Свой приют в моем сердце нашли.

Альбатросом взлететь и на землю
Посмотреть, чтоб понять с высоты,
Что бесценным богатством владею, -
Я охранник земной красоты.

Сергей Лузан

Родился в 1946 году в Благовещенске. В Норильск приехал в 1970 году. Член Союза российских писателей, автор сборника прозы “Кубок ветра” и книг стихов “Волчьи звезды”, «Долина семи солнц». Лауреат литературной премии имени Огдо Аксеновой за 1997 г. Председатель правления Таймырской писательской организации. Живет и работает в Норильске

ДРУГУ О ПОДРУГЕ

Холодней и звонче стало небо.
 Угол дома в седину поплыл.
 Два окурка, брошенные ветром,
 фонари запеленали в пыль.
 Докурили и махнем за вечер.
 Там торгует бабка-темнота.
 Ты считаешь: юность – это вечность.
 Брось шутить: и вечность – суета.
 На ветру времен промерзли кости.
 Вот уже последний поворот.
 Свежим ветром пахнет эта осень.
 Ничего... И седина пройдет.
 А пока тревожно и упруго
 С женщиной мы падаем во мглу.
 Жизнь моя – случайная подруга
 В кофточке прозрачной на ветру.

Барду Виктору Луферову

Я не пулей пришит,
 не капканом зажат.
 Мне знаком плеск волны,
 блеск луны и ножа.
 Белый ветер годами в окно мое пел.
 Родову растерял.
 И любить не умел.
 Синей кружки эмаль.
 Спирт холодный горчит.
 Да прищурилась даль,
 как с похмелья бичи.
 Да безглазые дни.
 Да беспутно печаль
 Тоже щурится долго
 В холодную даль.
 Я очнулся – дома,
 а над ними дымы.
 По Москве март ползет –
 Чешуя на губах.
 Ты, гитара и я –
 Значит, мы не одни.
 На троих хороша, в синей кружке судьба.
 Небо в красном пальто. Купола да покой.
 Хочешь, - пей, хочешь, - нищим на струны
 подай.
 Наша юность святая была не святой.
 И седые года – не святая вода.

1999 год, Москва, театр «Перекресток»

Людмила Знаева

Живет и работает в Норильске психологом-консультантом.
Публиковалась в «Заполярной правде», «Красноярском комсомольце»,
альманахах «Кодры», «Енисей», «Полярное сияние». Лауреат
литературной премии им. Ю. Бариева за 2000г.

СНЕГ И ЧАЙКИ

Как необычны и случайны
в краю неистовых снегов -
как чья-то поздняя любовь –
стрелой взметнувшиеся чайки,
сквозь снегопад, в седое небо,
за дальним солнечным теплом...
А мир уже наполнен снегом,
звонящим тихо над крылом.
И взлет их дерзок и отчаян,
туда, где в толще серых туч
вдруг вспыхнет коротко случайный,
от снега отраженный луч.

НОРИЛЬСКУ

Я опять сюда вернулась –
в мой суровый рай земной.
Вновь к Норильску прикоснулась
взглядом, сердцем и душой.

Эти голоса и лица,
эти улицы твои
снились, снятся, будут сняться
вечным символом любви.

Я смотрю, смеюсь и плачу,
и хмелею от пурги.
Я люблю тебя горячей
правдой боли и тоски.

Только здесь могу согреться.
Только здесь – пожар в крови,
и не страшно, если сердце
разорвется от любви.

***

Увы, пустая канитель –
в заботы давние
вернуться,
как не дано нам окунаться
в позавчерашнюю метель.
Как не сумеем мы войти
в одну и ту же реку
дважды,
как в ночь сгоревшего
от жажды
уже на утро не спасти.
Печатью вечности на лбу
законов этих
непреложность.
А кто-то верует тревожно
в иную песню и судьбу.
В предчувствии чужой
беды,
он вызов истинам
бросает.
Сгоревшего, глотком
спасает,
одним глотком живой
воды

Наталья Блохина

Психолог –консультант, живет и работает в Норильске. Публиковалась в альманахе «Полярное сияние» 2000 г.

С Ы Н У

На волю отпусти свой страх,
что мир тебя не любит,
взлетай свободно на крылах –
тебя научат люди.
И память о родном гнезде
ты сохрани за далью –
к далекой маленькой звезде
бесслезной, беспечальной.
Неуголимой жаждой рук
все светлые объятья
в твой вечный устремятся круг
и буду вспоминать я,
как ты меня избрал из всех
в минуту откровенья,
как подарил и смысл, и грех,
и научил терпению.
Как ты куда-то убегал,
терялся, находился...
Как до начала всех начал –
мне до рожденья снился.
В жару бредовом сухость губ
глоточек влаги просит, -
рассудок холоден и пуст,
любовь лишь в сердце носим.
Гвоздем пробитую ладонь
задую – исцелится.
Как ты когда-то, так огонь
под сердцем будет биться.
И ты припомнишь, может быть,
слова из колыбельных
двух душ связующую нить
в пространстве беспредельном.
И смысл откроется иной –
глубокий, сокровенный.
Лети, – освобождай, родной,
стесненный дух свой пленный.

Надежда Мордасова

Живет и работает в Норильске. Публиковалась в альманахе «Полярное сияние», в газете «Заполярный вестник».

***

Наш век окончен будет днем,
как знак (плюс – минус бесконечность)
с тобою порознь в мир уйдем,
где миг один рождает вечность.

Ты, заходя в чужой альков,
еще не знаешь о печали,
о том судилище веков,
где не таких, как ты, распяли.

И я, летая по ночам,
краду куски чужого счастья,
кромсаю боль свою на части,
гуляя по пустынным снам.

А судьи зоркие в углах
следят за мной, следят за телом,
любую мысль и каждый шаг
дотошно вписывают в «Дело».

Не стоит никого прощать
и обвинять себя – напрасно.
Нас время сможет оправдать –
помилует страшнее казни...

1997г.

***

Бродила по мокрой тундре,
губами ловила капли:
с холодным дождем мы пили
одну на двоих тоску...
Небо в свинцовой пудре
резко скользнуло к виску –
рыжие прелые листья
волосами твоими пахли...

2000 г.

Марк Хасдан

Родился в Гомельской области в 1926 году. С 1943 года живет в Норильске. Кандидат технических наук. Публиковался в сборнике «Гнездовье вьюг», в альманахе «Полярное сияние». В 1999 г вышла книга его стихов «Айсберг». Лауреат литературной премии «Вдохновение» за 2000 г.

АЙСБЕРГ

Все то, что подносит мне жизнь
     в своей неминуемой чаше -
 Сухим заматывается снегом,
     смерзается льдом крепчайшим.
 Белея снежным покровом,
     сияя солнечным гляncем,
 Сползает медленно в море
     тяжелый ледовый панцирь.
 Под волнами скроется тело
     вьюги и стужи творенья,
 Вершина его небольшая -
     все, что доступно зренью.
 А в теле этом теченья
     незримой подводной работой
 Прорежут хрустальные щели,
     промоют хрустальные гроты...
 Но ты избалована лаской
     морского солнца и соли,
 Тебе приближаться опасно
     к великой холодной боли.
 Ведь ты и представить не можешь,
     что пережить придется,
 Когда, обезумев от боли,
     айсберг перевернется...
 Увидишь старые тайны,
     ты к ним себя не готовишь,
 Не смеешь о них и думать...
     И в страхе невольно ловишь
 Вмерзшие в лед скелеты
     остановившимся взглядом...
 Когда опрокинется айсберг,
     горе тому, кто рядом.

***

О мое полунощное солнце!
 Расточай свое золото щедро.
 Мое скоро забудешь оконце
 И уйдешь ты в железную зиму,
 в мертвый гипс уплотненного снега,
 под разбойничий посвист незримых,
 тщетно теплого ждущих нчлега.
 Надо снова терпенья набраться
 В ожидании дня и рассвета,
 когда снова ты сможешь приняться
 расточать щедро золото лета.

23 июля 2000 г

Елена Ягумова

Родилась в 1949 году. В Норильске с 1986 г. Автор поэтического сборника «Апокалипсис». Печаталась в альманахах «Енисей», «Полярное сияние», в журналах «Новый мир», «Москва», «Октябрь». Лауреат литературной премии имени Огдо Аксеновой за 1999 г.

***

Вот город,
вот дом мой - железобетонный сундук.
Вот окна мои
под бетонною плоскою крышей.
А хочешь, мой ангел, узнать,
что творится повыше:
для неба над дверью моей
есть незапертый люк.
Вот лампа Психеи,
вот масло, смотри, не пролей.
А вот уронила перо для стихов Филомела.
О, это она
мне в младенчестве ритмы напела,
до самой зимы
дед ни разу не запер сеней.
Там жили коровы и овцы,
и царственный бык.
Он плыл по ночам, на хребте убаюкав Европу.
Теперь она празднует войны,
готовясь к потопу,
навекы забыла и землю свою и язык.
Давай убежим от ее избалованных псов.
Построим ковчег,
припасем тамариск для голубки,
перо Филомелы в яичные спрячем скорлупки,
очнется певунья и выведет новых птенцов...
А мы доплывем, протаранив веслом пустоту,
расколем пространство
в реторте библейского зверя.
Вернется к нам голубь с гончарною глиной во рту.
Ты вылепишь Бога, а я в его разум поверю...

Галина Летягина

Живет и работает в Норильске. Член Союза российских писателей, автор двух поэтических сборников: «Акварели, нарисованные дождем» и «Белая пристань». Публиковалась в местной печати, в альманахе «Полярное сияние».

Устал?

Я просто молча посижу.
Закрой глаза
И будет всё как надо.
Ручьи под снегом!
Слышишь?
Это правда.
Я за ручьями иногда слежу.
Они следят за мной,
Мы с ними дружим.
Какая дружба?
Талая вода?
Она уходит от меня всегда,
Вливаясь в океаны или в лужи.
И, страшно признаваться,
Вместе с ней,
Я бегала в берёзовую рощу,
Смотреть,
Как ветер облака полощет,
В небесной синеве,
Среди ветвей.
Всё отойдёт.
И ясные глаза твои,
И мягкая улыбка
Отгают.
И серебряною рыбкой
Твоя усталость просто ускользнёт.
Всё отпусти
И нечего ловить слова и мысли –
Это день вчерашний.
Вода уходит в небо
Или в пашню,
Не сможем мы её остановить.

Какая сила нас с тобою водит
По краешку сознания моего?
Ты тихо спросишь:
- Что-то происходит?
И я тебе отвечу:
- Ничего.

Николай Одинцов

Родился в Ивановской области в 1923 году. На Таймыре с 1946 г, ветеран
Дудинского морского порта, с первого и до сегодняшнего дня работает на лесо-
заводе. Первый лауреат премии им. Огдо Аксеновой за 1996 г. Печатался в
окружной газете, альманахе «Полярное сияние». В 1999 г вышла книга
воспоминаний «Святые берега»

Откровение

Моей супруге
Александре Афанасьевне

Распорощавшись с мирской суетою
Я уйду не оставив следа.
Отйду в жизнь иную с мольбою
Обрести там покой навсегда.
Примирившись с недоброй судьбою
Никого и ни в чем не виня
Лишь прошу за чертой роковой,
Чтоб никто не тревожил меня.
Верный друг! Для тебя исключенье
Ты как ясного солнца восход
Приносила всегда избавленье
От тяжелых душевных невзгод.
Навещай, когда сердце запросит
Или в душу вкрадется печаль.
Не тужи! Время быстро уносит
Боль и горе в неизвестную даль.
Не горюй! Если снежной поземкой
Заметает дороги - пути
И с своей неразлучной котомкой
Ты не сможешь в тот день подойти.
Милый друг! Не кручинься! Не надо!
Все равно я дождуся тебя.
Только ты в дни разлуки печальной
Вспоминай и молись за меня.
Вспоминай дорогие минутки
Луговые как рвали цветы
Нам казались тогда незабудки
Лучше роз неземной красоты.
Как в полярную лютую стужу
Столб огня посредине небес
Обжигал обомлевшую душу
Торжеством несказанных чудес.
Помечтай будто в юности снова
По заросшей тропинке идем
И промолвив заветное слово
Задушевную песню поем.
Обойди только в памяти годы
Что на сердце как камень легли.
И ухабы житейской дороги,
По которым с тобою прошли.

Растворилось бывшее в туманах
Все ушло. И печаль. И любовь.
И теперь никакие обманы
Не тревожат остывшую кровь.
Друг ты мой! Дорогой! Незабвенный!
Что поделывать! Коль всем суждено
Упокоиться в недрах Вселенной...
Вечно жить никому не дано.
А пока наслаждайся природой
По полям, по лесам походи
И вечернею теплой порою
На мерцание звезд погляди.
Посиди под пахучей сиренью
Ароматом цветов подыши.
Побеседуй с богами смиренно
Чтоб утихло волнение души.
Если вдруг в день ненастный, осенний
Ветер холодный навевает тоску
Позови! Из таинственной сени
Силой духа тебе помогу.
У небес испрошу позволения
Ежедневно тебя навещать
В изголовье незримою тенью
Твои чуткие сны охранять.
Добрый друг! В день години печальной
В обветшалом своем зипуне
Рано утром дорогою дальней
Побредешь на свиданье ко мне.
Побредешь чтоб у Храма святого
Помолиться за мой упокой.
И в моленьях пред Господом Богом
Упросить вожделенный покой.
По дороге слезами омытой
Словно ангел хранитель пойду
И тебя до ограды чугунной
Под охраной святых доведу.
И когда путь осилив недобрый
Совершая священный обет
Поклонившись на купол церковный
За могильный ступив парапет
Положи на мой крест деревянный
Незабудок любимых букет.

Июль 1997 г

ДЕБЮТАНТЫ

Юлия Лисичкина

Родилась и выросла в Дудинке. Член дудинского клуба авторской песни. Неоднократный лауреат Таймырского фестиваля авторской песни в Норильске. Публиковалась в местной печати.

Дорога домой

Из всех путей, что выбираем сами,
Один, который манит и зовет.
Из всех дорог, какие только знаем,
Всего одна нас к дому приведет.
Боясь не совершить былых ошибок,
Уже не рыщешь только по прямой,
Пытаясь отыскать среди тропинок
Дорогу возвращения домой.
Когда тоску меняешь на отчаяние,
Одна дорога кажется родной.
И выбираешь видно, не случайно
Дорогу возвращения домой.
Идешь, когда кругом пурга и стужа,
Идешь, когда палит нещадно зной.
Фарватером проверенным послужит
Дорога возвращения домой.
Надежда впереди, покой, отрада.
Печаль оставь, сомнения – долой!
Твой поиск завершен, твоя награда –
Дорога возвращения домой!
Сродни дыханью, новому рождению!
Как зренье обретает вновь слепой!
Пылает ярко факелом спасенья
Дорога возвращения домой!
Ну как же просто все – забыть тревогу
И не искать у вечности ответ.
Где ж отыскать всего одну дорогу,
Когда родного дома просто нет?

Елена Морозова

В 1971 году закончила Новосибирский Государственный медицинский институт. По профессии - врач. Живет и работает в Дудинке. Публикуется впервые.

Витязи России

Огнем войны вам юность опалило
И часть души страданьем обожгло
Тайком не раз о Боге говорили
И он услышал: пулю пронесло.

Не жаль войною выпитую кровь
Погибших жаль и в горести живущих.
Нужна вам лишь Россия и любовь,
Да счастья малость позади идущим.

Обида душу мыслями терзает
Когда не пуля – черствость бьет в уклон.
С калеченых ладоней ввысь взлетает
Копеечно – медальный перезвон.

Так хочется колени преклонить
К стопам приникнуть, витязи седые!
И богатырским шеломом испить
За ратников и воинство России!

Илья Погудин

Живет и работает в Норильске. Автор поэтического сборника «Колодец памяти». В альманахе публикуется впервые.

НЕ НАДО

Не дыши в лицо морозом.
Чайник, зашипев, согреет.
Растекаются по стенам
отфильтрованные слезы
незадуманных желаний,
неоправданных рождений,
неописанных скитаний,
не твоих стихотворений.
Не дыши в лицо словами,
смысла их не понимая.
Прикоснись, прижми губами
лик святого Николая.

ЭТО ТЫ

Ты – не туман пред глазами неба.
Ты – не мельканье пустое, звездное.
Ты – не богатство готового хлеба,
не стихотворное, сладкое, слезное.
Ты – это плач по родному Северу.
Ты – навсегда, как Луна, как Истина.
Ты – это Ты – босиком по клеверу...
Ты – это я - так мертва... Так жизненна.

ПОСВЯЩЕНИЕ ГЛАВНОЙ БОГИНЕ МОЕГО ПАНТЕОНА

Милое, единственное солнце
На закате гаснущего мира!
Сквозь очков разбитое оконце
Свет в моих глазах ты воскресила.
Нежная моя ты орхидея,
В джунглях умирающих сугробов
Расцветаешь памятью о феях
Над пустынным лесом некрологов.
Поле, распростертое под небом,
Лишь во сне забыто суетою.
Вспоминаешь беззащитным телом,
Как умыться свежею луною.
Харакири свято для японца.
Кровь соседа – блюдо для вампира.
Дайте мне единственное солнце
На закате гаснущего мира!

Светлана Салайкина

Живет в Норильске, работает на Норильской обогатительной фабрике.
Публикуется впервые.

***

Стою на берегу, смотрю закат,
сегодня там такое написали лучи
своим прикосновением к слоистой сфере.
Какие мириады живого света
спешат на землю
в безумном танце вечного движенья.
Все это – отраженье, преломленье,
игра фотонов с атомом воздушным.
Подружки – облака застыли в изумленье.
И ветер стих от этой красоты.
И в сердце тишина...
Сейчас зажгут Венеру.

***

Точнее так сказать:
что месяц юный
уже готов явится в Небеса,
но чуть заметен будет
его лучистый серп,
(Ведь ночи еще белы),
а солнце нам не дарит звезд.

***

На севере все чудно иль не чудно
не знаю, право,
как объяснить тоску
по звездной ночи летом,
ну, а зимой
по солнечному свету.

***

Рука выводит неумело
рисунок ночи:
звездный купол неба,
поющего сияния разбег,
и тонких игл его струящуюся ленту;
и озера чуть слышный сонный плеск.
Костер

и мы...

С восторгом и волнением,
принявшие крещение Небес.

Владислав Решетов

Родился и вырос в Дудинке. По специальности электромонтер.
Сочиняет песни, стихи. Публикуется впервые.

***

Мне снилось, что я ветер
Свободой опьянен,
Лечу ко всем на свете
И таю, словно сон.

Мне чудилась улыбка
И блеск призывных глаз,
И не было ошибкой
То, что было у нас.

Мне грезились напевы
Пленный слушал я.
Любовь далекой девы
И в ней вся жизнь моя.

И плавных, нежных линий
Изгибы, завитки,
Привиделись и стынут
И ждут моей руки.

Как сладко быть летящим
В ночи над тьмой парить,
Во сне, и в настоящем,
В обыденном – любить.

20.08.1996г.

Владимир Леоненко

Родился в 1947 году в Тбилиси. На Диксоне с 1970 года работает в Диксонском морском порту.

Детство

С тем парнишкой встречаясь часто,
Взгляд ловлю – в нем доверчивость, грусть.
Не накормлен порой, не обласкан,
Сам малыш ищет в жизни свой путь.
Он стучится в сердца людские,
Незавидною долею своей.
Боль ты наша! Ведь мы не чужие!
Прослезится вдруг кто с матерей.
Кто обновку ему подарит,
Кто усадит к себе за стол
И смышлен не по возрасту парень
Все «кликбезы», до школы прошел,
Он сидит у окна, не плачет
В день полярный,
Всю ночь светло.
Ждет сидит, может быть, замаячит,
Мамы тень, что с утра унесло,
По знакомым, волной запоя,
Холодильник оставив пустой.
Детство, детство мое золотое!
Почему ж ты прошло стороной!?

ПОЭЗИЯ ЮНЫХ

Ольга Лошкарева

Родилась и Дудинке в 1982 году. Пробует себя в разных журналистских жанрах. В 2000 г стала победителем конкурса «Моя снежная родина». Публикуется впервые.

Земной рай

На лугу свежий ветер веет.
Шелестит листва молодая.
Где-то здесь, в темноте деревьев,
Скрыты двери земного рая.

Я пойду по траве, по кочкам,
Я пойду, я смогу, я знаю.
Ясным днем или темной ночью
Отыщу дверь земного рая.

Под мохнатую лапой ели
Молодые грибы открывают,
А в траве на своей свирели
Беспокойный сверчок играет.

Здесь в глуши, отыскать желая
Чудо - ключик от чудо - входа,
Я, задумавшись, понимаю:
Этот ключик сама природа.

Вот он - рай! На земле на грешной
Уголок неземных мечтаний.
Здесь, катаясь по травинке нежной,
Золотая росинка тает.

Здесь стрекочет шалун – кузнечик,
Ковыляет медведь неловко.
По листочку, у сонной речки,
Тихо божья ползет коровка.

От природы души не скрою
И под маску, шутя, не спрячусь.
Здесь могу я побыть собою,
Не кривляясь и не дурачась.

Здесь и плакать могу от горя
И от счастья могу смеяться,
Не скрываясь, и на пригорок
С вольным ветром могу подняться.

А кузнечик трещит упрямо.
В травах ветер поет: свобода!
Боже мой, мне не надо храма,
Во сто крат мне милей природа.

Как далекого детства призрак,
Как тропинка, что скрыться может
Этот рай нереально близок
И далек нереально тоже

Чтоб сломить не могли помехи
И гроза не настигал злая,
Я в себе сохраню навеки
Чудо – ключ от земного рая.

ПРОЗА

Николай Одинцов**На перепутьях тернистых дорог.**

Окончание повести

Судьба фронтовика

Утром, когда бригадники ушли на работу, после завтрака я спросил у Петра Фомича:

- А за что Андрея посадили? Весь фронт прошел. И - на тебе!

Этот вопрос с самой встречи с Петром Фомичом не давал мне покоя, но задать его как-то не хватало смелости: вдруг окажется, что Андрей совершил какое-то грязное преступление, а мне не хотелось развеивать сложившееся у меня о нем хорошее мнение.

Петр Фомич помолчал и сказал:

- Долго рассказывать. Натерпелся Андрей за годы войны не меньше нас с тобой. Да и тех, кому довелось с ним горе и беды мыкать, тоже не обойдешь. Так что времени на это уйдет уйма, не успею. Много он о себе мне рассказывал. Как-никак, а я ведь тоже ленинградец.

- Ну, а что сейчас делать? Идти некуда и делать тоже, - сказал я и попросил:

- Давай, начинай! Может, и этапа не будет вовсе.

- Ну, ладно! – согласился Петр Фомич, - а если не успею, сам домыслишь.

Андрей Бушуев – коренной ленинградец. Его мать Дарья Савеловна тоже ленинградка. Рано лишилась родителей. Родных в этом большом городе у нее не было. Была двоюродная сестра, но жила где-то на Волге. Несмотря на трудности и свалившееся горе, Даша не растерялась. Перебивалась случайными заработками, научилась шить, вечерами училась на медицинских курсах и стала сестрой милосердия. Нанялась в больницу санитаркой, но вскоре за прилежность в работе, добросовестность и знания перевели ее на должность дежурной медсестры в палату.

Понемногу успокоилась. Как-то раз в больницу пришел часовых дел мастер. Его, по просьбе главного врача прислали из мастерской отремонтировать какой-то уж очень сложный прибор. Главврач, глядя на него, спросил:

- Сумеешь ли? Уж не первый ты берешься за это дело. По твоей выправке тебе бы лучше коней ковать, а приборчик-то уж очень хрупкий. Как звать-то тебя?

- Степаном, - ответил мастерской и тут же прибавил: - Действительно, приходилось мне ковать лошадей в деревне, не обижались сельчане на мою работу. А теперь уже три года, как работаю в мастерской. Один раз мастер дал починить английские часы. Хозяин по пьяному делу изуродовал. Половину деталей пришлось вновь изготовить. И пошли часики не хуже прежнего. Так что не беспокойтесь, управлюсь с вашим прибором, - успокоил Степан главврача и принялся осматривать прибор, который ему указали.

- Ты, Даша, помоги ему, если что понадобится, - сказал главврач и ушел.

Степан раскрыл чемоданчик, разобрал весь прибор, взял с собой изломанную деталь и сказал Даше:

- Дня через два приду снова. Изготовлю поломанную часть, и ваш прибор будет работать.

Через три дня Степан вернулся, собрал механизм воедино, и к великой радости главврача он снова стал исправно служить людям. С этого дня мастер стал частым гостем в этой больнице, бескорыстно выполнял кое-какие заказы, особенно если о том просила Даша. Через несколько месяцев Степан и Даша поженились. За два года до войны у них родился сын. Назвали его Андреем. Жили в мире и согласии. На германскую войну Степана не призвали, уж больно хорош был специалист, а когда пришли большевики, то взяли его на ремонт воинского вооружения, да так и остался он до самого конца революционных бурь на военном заводе. А как подрос Андрейка, отдали в ученье в школу.

Там же, по Лиговке, недалеко от их дома жила еще одна семья. Глава семьи Аркадий Поликарпович происходил из богатого рода. Но, будучи «вольномдумцем», со студенческих лет связал свою судьбу с революционным движением. Его с первых курсов из университета два раза исключали. И только благодаря заступничеству отца, богатого промышленника, дело закрывали.

Несмотря на многие неприятности Аркадий Поликарпович окончил обучение с успехом. Мог свободно разговаривать на двух иностранных языках.

Революционный пыл к этому времени укротил, но связи с революционно настроенной молодежью не прекращал. Сразу же после университета был принят на работу в департамент иностранных дел. Вот тогда-то его отец, видя, что сын остепенился и отошел от революционной «кутерьмы» (а Аркадий в это время навсегда связал свою жизнь с большевиками), купил для него довольно приличную квартиру на Лиговке, совсем недалеко от дома, в котором жила Даша.

Аркадий Поликарпович взял в жены Клавдию Петровну, девицу образованную, прекрасного воспитания, но набожную и суеверную. Вскоре у них родился сын в тот же год и почти в том же месяце, что и Андрей. Назвали Владимиром.

По стечению обстоятельств Андрей с Владимиром пришли в школу в один и тот же день. Они сразу же подружились и до последних дней были неразлучными друзьями. Сначала учителя называли одного Андрюшей, другого Володей. Когда подросли, то к ним обращались:

- Андрей Бушуев, пожалуйста, к доске, расскажите, как выучили урок.

А если к Володе, то – Владимир Батулин...

Андрея интересовала механика, Владимира гуманитарные науки. Имея неугомонный характер, Владимир всегда был в гуще молодежной жизни. К концу учебы его избрали секретарем комсомольской организации.

Андрей в общественную жизнь не лез, но после уговоров Володи в комсомол вступил. Оба поступили в один институт, только на разные факультеты. На 2-ом курсе Владимир вступил в партию. А впоследствии его избрали секретарем парторганизации. Все шло хорошо. Но судьба всегда дает перекося.

В начале 30-х годов отца Андрея, Степана Матвеевича, направили в составе группы механизаторов в далекие кубанские степи на подъем сельского хозяйства. Им предстояло доставить три трактора и наладить работу по весенней поре на вспашке.

Не довелось. Все вместе со Степаном Матвеевичем погибли от кулацких пуль. Трактора сожгли и изломали. После гибели отца Андрей заметно повзрослел. Стал во всем помогать матери. Ходил на подработку. Дарья Савеловна, хотя осталась еще довольно молодой вдовой, но второй раз замуж не вышла. Тяжело перенесла утрату. Чтобы заполнить душевную пустоту, пошла на курсы повышения квалификации. Там между горем и делом сделалась лечащим врачом, в той же больнице, в которой работала с первых лет и где познакомилась со Степаном.

Всю себя отдала воспитанию сына. Как стал он входить в годы, так все больше и больше тревожилась: «Ты, Андрюша, всей статью похож на отца, а лицом вроде бы на меня. Поопасись, поберегись, сынок, не к добру такое». А Андрей давно обошел силушкой своего папашу. Бывало на первых курсах студентом возьмет лом, да и согнет через шею. Скажет парням:

- Выпрямляйте!

Ухватятся те по двое за каждый конец, а сделать ничего не могут. Усмехнется Андрей на материны тревоги и, чтобы успокоить, скажет:

- Я ведь и по вечерам-то никуда не хожу.

Хотя в те годы не надо было бояться ночной темноты. Это сейчас в наше «демократическое» время на каждом углу или в подъезде то бомж, а то хулиган поджидает.

Вроде бы становилось спокойнее на душе у Дарьи Савеловны, но не надолго. «Господи! Пошли ты ему жену добрую», - про себя молила она. Помогал Андрею и Володя. Он хорошо понимал, как тяжело его другу. Прибежит, растормошит, заговорит и уведет его с собой то на какие-нибудь соревнования, то в поход. Активист был отменный. Окончили оба институт в один год. Андрею сперва дали направление в Сибирь, но потом оставили в Ленинграде на заводе мастером, а Владимир остался при институте. Но там долго не задержался: взяли в райком инструктором. После 1934 года требовалось большое число грамотных работников, чтобы восполнить партийные органы. Владимир не упирался, да и отец, Аркадий Поликарпович, не советовал отказаться. Он хоть и не во всем был согласен с проводимой политикой, но в оппозицию не становился:

- Куда же мне старому?

Да и понимал бесполезность. Пару годков после института друзья ходили холостяками, а потом враз женились на сестрах: обе были пригожи, под стать парням. Владимир взял в жены Надежду, а Андрей – Ольгу. Те тоже совсем недавно окончили институты. Надежда работала второй год в школе, а Ольга в поликлинике врачом первый год.

Перед тем как жениться, привел Андрей Ольгу показать матери. Охнула Дарья Савеловна, увидев будущую сноху.

По всем статьям хороша, настоящая «княгиня», только уж больно красива. Когда же узнала, что у них с сестрой нет родителей (оба умерли в голодный год) и воспитал их дядя, теперь уже тоже покойник, совсем умилилась и успокоилась:

- От таких не уходят, с такими не расстаются.

Чтобы не мешать молодым (квартира-то была небольшой), Дарья Савеловна решила уехать к двоюродной сестре на Волгу.

Родственница давно звала ее навестить, да пожить у нее. Стара, стала, а близких и родных тоже никого. До глубины души тронули Дарью Савеловну слова Ольги, когда она перед отъездом подошла к ней и со слезами на глазах сказала:

- Дарья Савеловна, вы не надолго уезжайте, а то нам без вас будет плохо.

С тем и уехала:

- Пусть помилуются, а мне и там хорошо будет!

В жизни многое повторяется. У Надежды с Владимиром родился сын, назвали Васей. А у Ольги с Андреем чуть попозже появился Максимка. Все было, как должно быть. Но не бывает на земле бесконечно счастливых людей. Так уж устроена жизнь.

Умер в одночасье Аркадий Поликарпович. Не перенес тревожений и бед, что свалились на долю многих его друзей в 1937 году. Клавдия Петровна сникла, как опухнутый ледяным холодом садовый цветок. Будучи набожной, не корила, не кляла судьбу. Всю заботу и любовь перенесла на внука Васятку.

Хорошо рос парнишка. Тихо про себя поклялась, что наставит его на истинный путь, внушит ему веру и любовь к Богу. Не могла смириться, что муж и сын ее самые отъявленные безбожники. Так путь хоть Васятка станет другим, а Господь за это зачтет и отцу, и деду. Да и самой от этого станет легче.

В мольбе и тревоге (а вдруг и этот отступится по примеру отца) заполняла свою роковую пустоту. Как-то раз Надежда пожаловалась сестре:

- Не знаю, что и думать, как предотвратить.... Не испортила бы Клавдия Петровна Васятку. Уж больно набожна, и усердно внушает ему свою веру в господа, и делает это тайком. И он ей подражает.

Ольга рассмеялась и сказала:

- Да он же еще совсем глупыш, ему три годика недавно исполнилось. Пойдет в школу, все забудется, не расстраивайся, все будет хорошо.

Ненадолго пережила своего супруга Клавдия Петровна. Зимой, незадолго до войны, проболев немного, умерла она тихо и незаметно. Сильно переживали все. А Надежда больше всех. Не уходила из души укоризна к себе, что таила неприязнь к Клавдии Петровне за Васятку. Тайком от Владимира заказала панихиду, знала, что не согласится. А жизнь шла. Владимир быстро продвигался по служебной лестнице. В 41-м стал секретарем райкома. Андрея тоже все агитировал вступить в партию, тот отвечал однозначно:

- Не подготовлен.

На работе давили:

- Становись начальником цеха!

И здесь отказался. Не вилял, не врал: хлопотно очень. Видел, что приходилось его непосредственному начальнику работать сутками, без ночей и выходных. С тем и отступилось заводское начальство, а потом и партийные органы.

Так и текла у него жизнь без больших забот и тревожений. Молодые семьи зачастую собирались вместе, чаще у Владимира. Там квартира была больше. Приходили и соседи, что жили в одном подъезде. Особенно в праздники было многолюдно. В свободное время ездили по Неве. Много бывало народу в первые весенние дни на невских берегах и пляжах. И потому никто не думал, какая надвигается военная угроза. И она началась.

Великая Отечественная. Перевернулись людские судьбы. В первые дни поняли люди, какую разруху, а может, и гибель несет из немецкого логова коричневая чума.

Забылись распри, утихли раздоры. Встала огромная держава на свою защиту. Впервые же дни Андрей и Владимир отнесли заявления, чтобы пойти добровольцами на фронт. Долго отказывали обоим. Когда же немцы подошли к Ленинграду совсем близко, партийный комитет направил Владимира в самое пекло. Через несколько дней взяли и Андрея. Судьба и здесь не разлучила их. Они попали в одну часть, защищавшую город.

Владимир сразу стал политруком в полку, а Андрей сначала простым солдатом, а потом его перевели в полковую разведку.

Виделись редко, хотя были рядом. Иногда получали весточки из дома. От Оли и Нади. Знали, как тяжело в городе, а когда Владимиру довелось побывать в Ленинграде по воинским делам и удавалось заскочить на несколько минут к своим, возвращался всегда с

тяжелым настроением. С каждым днем немцы все сильнее зажимали, и казалось, что только чудо удерживает город от его полного истребления.

Вскоре Ольга уехала с санитарным поездом, увозя раненых. Захватила с собой и Максима. Надя с Васильком остались. Сколько ни уговаривала ее Ольга, хотя бы отпустить с ней Васю, не согласилась. Как будто дурманом затуманило ей голову:

- Будем дожидаться Володю, тогда уж и решим. Да и война не бесконечна.

...Видела Ольга, что исхудали до невозможности сестрица с Васяткой. Но как помочь, когда все такие? Так и расстались.

А война становилась все жестче и жестче. Тысячи людей погибали в боях, еще больше умирали в городе, зажатом в «железные тиски». Почти два года судьба берегла Владимира и Андрея. Из самых жарких боев выходили целыми и невредимыми. Однажды при авианалете немецкая бомба прямым попаданием угодила в бункер штаба полка. Почти все, находившиеся там вместе с командиром, были убиты.

Владимира ранило смертельно. В землянку разведчиков эта страшная весть донеслась сразу же. Еще немецкие самолеты сбрасывали последние бомбы, а Андрей уже бежал в полевой госпиталь, куда увезли Владимира. Его сначала не пускали. Но дежурный врач, спешащий по коридору, вдруг остановился, подошел к Андрею и спросил:

- Вы к кому?

Когда узнал, сказал, не глядя на Андрея, санитарам: - Пропустите, - и добавил, уже не обращаясь ни к кому, - он тоже просил.

Андрей не сразу узнал Владимира. Опустился на рядом стоящую табуретку и, глядя на него, подумал: «Может, не он, совсем не похож». Когда же Владимир открыл глаза, сомнение исчезло: он, преодолевая боль, Владимир повернул голову в сторону Андрея. Измученная улыбка передернула губы. У Андрея мелькнуло: «И тут не хочет показать себя поверженным». И вспомнилось, как приходилось Володьке отбиваться в школе сразу от нескольких сверстников, и когда прибежал Андрей на выручку, то выговаривал: «Ну, чего ты примчался, я бы и сам управился!». А у самого в кровь разбиты губы, и нос. И от этого воспоминания какая-то нестерпимая боль полоснула в груди, стало горько-горько. Защемило сердце. Понял, что последние минуты доживает его самый лучший друг. А Владимир чуть слышно, с перерывами, говорил:

- Все, Андрюша... Жизнь кончилась... Упрекать себя не в чем... Прошу тебя, расскажи Надюше все, как есть... Только сделай это не сразу и как-нибудь поаккуратней... Он замолчал. Потом, собрав последние силы, сказал:

- Жаль только...

Что хотел сказать Владимир, Андрей уже не услышал. Смерть опередила. Скупая слезинка скатилась из угла глаз по щеке и растеклась на закрытых губах...

Доблестно жили советские люди, когда пришла беда, все поднялись в роковую годину на защиту Отечества, мужественно и достойно умирали. Хоронили по-фронтовому. Сказаны скупые солдатские слова, прогремели залпы – закончился похоронный ритуал. И снова жесточайшие бои.

Тяжелым камнем навалилась на Андрея смерть Владимира. Нигде не находил себе места. Хорошо, что часто посылали в разведку. Там, среди смертельной опасности, порой в рукопашных схватках, на время забывалось горе. А когда возвращался в свою землянку, одолевала тоска. А мысль о том, что предстоит рассказать про смерть Владимира Надежде, доводила до изнеможения.

Однажды в завязавшейся с немцами перестрелке Андрея ранило. Рана была несерьезной, но с хромой ногой в тыл не пойдешь. И коротал он дни и ночи в печали и терзаниях. Когда рана стала подживать, и он уже мог свободно ходить без всякой помощи, вызвали его в штаб полка. Командир части из бывших комбатов хорошо знал Андрея. Разговор состоялся короткий.

- Нужно доставить из Ленинграда особый, очень необходимый груз.

Какой? Не сказал.

- Возьмешь шесть солдат, четыре грузовика. Где его получить и от кого, узнаешь в штабе армии. Все необходимые указания получишь завтра утром перед выездом. Задание серьезное. Кроме тебя никто ни о чем не должен знать. Солдатам объяснишь: едете за спецобмундированием.

Немного помолчав, спросил:

- Как нога?

- Все в порядке, - коротко ответил Андрей.

- Тогда свободен – можешь идти.

Он посмотрел на Андрея, что-то хотел сказать, но, видимо, передумал и добавил:

- Все.

Когда вернулся в свою землянку и начал собираться, ребята спросили: «Далеко?»
 Ответил:

- В Ленинград на недельку подлечится. Врачи что-то еще нашли в ноге. Завтра утром обещали подвезти на попутке.

Совсем скоро притащили разведчики целый, мешок продуктов. У них все было. Знали, что голодно живут ленинградцы. Потому ничего не жалели. Стал отказываться. Но как? Сам поступал так же в подобных случаях. Утром выехали. Фронт от Ленинграда был недалеко, но добрались туда только ночью. В штабе долго проверяли документы, куда-то звонили, переспрашивали. Потом приказали:

- Машины поставьте во двор, в них и переспите. Мест нет. Ваше дело будет завтра решаться.

На следующий день не скоро дошла до них очередь. Только во второй половине дня Андрея допустили к полковнику. Тот сказал, что ждать придется несколько дней. Андрей обратился к полковнику с просьбой навестить родных.

- Вот как? Так ты ленинградец? – спросил полковник. – А где живут?

Андрей сказал.

- Далековато, но ничего! Бери машину, доедешь, сам останься, а машину отправь назад. Накажешь, чтобы завтра за тобой пришли. Впрочем... - Он немного подумал, добавил: - Можешь еще день побыть. Все равно груз не будет готов. Уж очень ленинградцы слабы стали. Работают и падают.

Когда ехали по городу, сердце Андрея не находило покоя. До боли знакомые места. Только все казалось умершим. Вот и дом, где он прожил всю жизнь. Поднял голову и скорее представил, чем увидел дом, в котором жил Владимир и где сейчас ждет своего мужа Надежда. Что он ей скажет? Как передать эту черную весть?

Кровь прилила к голове. Лучше в бой, под самую страшную бомбежку. Казалось, что разорвется его могучая грудь, задохнется он от нахлынувших чувств. Подавив в себе тревогу, сказал шоферу:

- Поезжай, Федор, назад, а утром с рассветом вернешься.

Немного подумав, добавил:

- Не надо утром, приезжай к середине дня и жди меня здесь.

Направляясь к подъезду, немного задержался и указал Федору на окна своей квартиры. Поднялся на площадку своего этажа и подошел к двери. В подъезде сквозь выбитые стекла пробивался тусклый свет луны. Тронул дверь. Она оказалась запертой. Пошарил рукой за обналчником (иногда Ольга оставляла ключ, тогда воровства было мало, не то, что теперь), но и там его не было. Дверь ломать не хотелось. Пришлось поискать хоть кого-нибудь из соседей: может, топор или стамеску дадут. Обошел все квартиры на втором этаже, спустился на первый. Нигде никого. Неужели все пусто? Уже начал подниматься вверх, может, на 4-м или на 5-м кто-нибудь остался, как вдруг услышал мужской голос из угловой квартиры:

- Вы кого ищите?

Андрей подошел поближе и стал объяснять. Дверь сразу же отворилась, и знакомый еще с давних времен мастер с завода, где работал Андрей, с добродушным укором проговорил:

- Ну, что же ты, милый, так долго разглагольствуешь, сказал бы, что Андрей. Да заходи, заходи скорее, а то все тепло выйдет. Ключ-то Оля, как уезжала, оставила мне.

Андрей был несказанно рад этой встрече. Надо же! Степан Афанасьевич, милейший человек, любимец всего дома. И вот он стоит прямо перед ним. А тот меж тем ворковал своим простуженным баском:

- Как хорошо ты потрафил, а то я уж собирался на завод. По суткам работаем. Ушел бы и только послезавтра вернулся. Ну, ладно! Не буду тебя задерживать. Расскажешь, как вернусь. Надеюсь, что не уедешь до моего прихода? – спросил Степан Афанасьевич.

- Может быть, но времени у меня очень мало, - ответил Андрей и стал уходить.

- Может, ты у меня останешься, в вашей квартире холодина ужасная, - опять предложил Степан Афанасьевич.

- Нет, Степан Афанасьевич, у меня еще дела! - отказался Андрей.

- Ну, как знаешь, - мирно согласился Степан Афанасьевич.

Андрей взял ключ, поблагодарил и поднялся в свою квартиру. Холод могильный. Он обошел, все осмотрел. Раскрыл за чем-то шкаф, выдвинул из комода ящички. Они были пусты. Видимо, Ольга, что смогла, выменяла на продукты, остатки увезла с собой. Понял, что делает это, чтобы оттянуть время: уж очень страшился идти к Надежде. Сел. Задумался. И вдруг осенило: что же он ничего не дал Степану Афанасьевичу? Вскочил. Неужели уже ушел?

– подумалось. Схватил мешок, суетливо стал отбирать часть продуктов. В это время дверь отворилась, и появился Степан Афанасьевич.

- Андрюша, - начал он сразу с порога, - у тебя, наверное, и свечи-то нет. На вот небольшой огарочек. Разберешься при свете, а как буржуйку растопишь, то дверку чуть открой, и все посветлее будет. Тогда и затуши его. Сейчас все так делают, кто остался. Эх-хе! Когда-то еще придет электричество! А уж топить придется мебелью. Оля все променяла, а мебель берегла: вот придет Андрюша, разломает комод и натопит жарко-жарко. Все время в холоде жила. Ну, давай, обустраивайся. А как уезжать будешь, ключи снова могу взять. Хоть у нас и брать-то нечего, а присмотр все равно нужен!

Андрей достал из мешка две банки консервов, каравай хлеба, две пачки папирос (помнил, что мастер покуривал) и протянул стоявшему перед ним Степану Афанасьевичу. Тот сразу не сообразил, а когда понял, то стал отказываться:

- Нет, нет! Что ты, Андрюша, это такое богатство, не могу принять!

- Степан Афанасьевич, - Андрей мягко, но напористо давил, бери, сейчас все люди друг другу помогают.

- Что ты, Андрюша, мне такое счастье и во сне не снилось! Да и как это, ведь ты же с фронта, - упорствовал Степан Афанасьевич.

- На фронте плохо, страшно, но такого голода, как здесь, там нет нигде. И все это я привез отсюда, - сказал Андрей и положил снедь в задрожавшие руки Степана Афанасьевича. Тот, немного помолчав, сказал:

- Одну банку и половинку караваев возьму на завод, того радость будет товарищам. Здесь-то не с кем поделиться. Кроме меня – никого. Одни уехали, другие умерли.

Посмотрел на Андрея повлажневшими глазами и, попрощавшись, тут же ушел. Андрей чиркнул зажигалкой. Хотел зажечь свечу и не стал: от зажигалки светло, да и фонарь еще трофейный есть. «А свечку в целости верну Степану Афанасьевичу», - подумал Андрей. Осветил комнату и увидел на столе придавленный чернильным прибором листок бумаги. Вытащил. Сразу узнал почерк Оли. В глазах зарябило. Не сразу вник в суть, слова некоторые расплывались, видимо, когда она писала, не замечала капающих слез.

«Андрюша, милый! Спешу написать. Нас отправляют сопровождать раненных. Сколько ни просилась, не оставляют. Все ждала, ждала тебя, а от вас, ни от тебя, ни от Володи, нет даже весточки».

Андрей после гибели Владимира совсем перестал писать. Он и раньше писал редко, этим больше занимался Владимир.

«Нас перевозят в какой-то волжский городок. Но не говорят куда. Как приедем, сразу напишу. Максимка тоже будет со мной, а при возможности переправлю к твоей маме Дарье Савеловне. Она уж очень просила. У них не так плохо. А у нас хлеба давали по 200 граммов. Да и то не каждый день. Максим совсем исхудал. Андрюша, родной. Ну, ради нас останьтесь с Володей живыми, ну пусть хоть какими. Мы ждем, очень ждем вас. Целуем тысячи раз. Оля и Максимка. P.S. А Надя, ни в какую не хочет уезжать, говорит: буду ждать Володьку, без него никуда. Да и война не бесконечна, должна же закончиться. Я бы тоже осталась. Но со мной об этом и разговаривать не стали. Просила Надю: отпусти со мною хоть Васютку. Тоже не отдала. Еще раз целую. Твоя Ольга».

Письмо было написано больше трех месяцев назад. Оно и обрадовало, и еще больше растревожило. Что сказать, как объяснить Надежде, где найти такие слова? Душа не находила места. Надо идти! Превозмогая навалившуюся усталость, поднял мешок с продуктами и пошел по так хорошо знакомой дороге. Прохожих не было. Зимний день в Ленинграде короток, темнота наступила давно. В домах нигде не было ни огонька. Только из-за края горизонта вырисовывался двурогий серп луны. Небо было чистым. Кое-где виднелись звезды. Андрей подумал: «Хорошая погода для налетов авиации». И заспешил, хотя в последнее время немцы много меньше налетали.

Вот и знакомый дом. Прошел через парадный вход. Поднялся на второй этаж. Было совсем темно, ощупью пробираясь, подошел к знакомой двери. Вот она, та же самая, через которую с шумом и смехом входили с Ольгой много раз. Усмирив биение сердца, постучал тихо, потом громче. Никакого ответа. Взялся за ручку. Дверь открылась легко. Перешагнул порог, прошел в прихожую. Холодно, мрачно и оттого жутко. Никаких звуков. Спросил негромко:

- Есть кто-нибудь?

Чиркнув зажигалкой (фонарь лежал в мешке, не хотелось доставать), прошел в комнаты, потом в спальню. Там было чуть теплее. Приглядевшись, увидел: на кровати кто-то лежал, закрывшись одеялом. Подошел совсем близко. Отвернул край одеяла. В ужасе отшатнулся. Обняв друг друга, прижавшись, лежали Надежда и Василек. Андрей нагнулся совсем близко. Страшная догадка прожгла сознание: неужели? Может, ошибся? Может, это

не так? Но, взглядевшись в лицо Василька потом Надежды, понял, что они мертвы. В правой ладошке Василька, обнявшей шею матери, Андрей заметил какую-то дощечку.

Не сразу понял что это. Но, чуть отогнув ручонку, увидел маленькую иконку. Вспомнил: ту самую, из-за которой у Владимира с матерью часто разгорались размолвки. Если конфликты возникали в его присутствии, Андрей всегда принимал сторону Клавдии Петровны, и делал это так деликатно, что спор разрешался миром, и воцарялось спокойствие. Владимир часто говорил Андрею:

- Когда отец был жив, то ему досаждала за безбожие, а теперь меня корит без конца. Ну, как ей доказать, что нет бога. - Андрей советовал: - А ты не убеждай. Пусть себе верит.

- Да ладно бы мне! – возмущался Владимир. - А то ведь все это она внушает парнишке.

- А ты не расстраивайся, - говорил Андрей, - вот пойдет в школу, и все изменится, он же ведь еще ни в чем не разбирается (повторял он Ольгины слова. Приходилось и им беседовать между собой на эту тему).

Умерла Клавдия Петровна со своей неугасимой верой в святую церковь, так и не убедив ни мужа, ни сына в праведности своей небесной.

Андрей снова прикоснулся рукой к Васе, потом к Надежде. Они были холодны, как лед. Ему много приходилось видеть на фронте смертей и своих, и чужих. Хоть и тяжело, но что поделать. Война! Свыкся с этим неизбежным злом. Только гибель Владимира не отступала ни на минуту, а тут еще и Надя с Васильком лежат мертвые. Сердце сначала заколотилось, потом, будто оборвалось и, казалось, остановилось. Он уцепился за спинку кровати, чтобы не упасть, и стоял так, пока не пришел в себя. Наклонился. Оттянул немного ручонку с шеи матери. Положил ребенка рядом с ней. Ладонку с зажатой иконкой не стал разжимать. Решил про себя: похороню вместе с ней. Андрей хоть и не верил в бога, но ничего не видел в религии плохого.

Зажигалка потухла. Видимо, кончился бензин. Заправлять ее снова бензином или же доставать из мешка фонарь не было сил. Наступила апатия. Ему было страшно в темноте, но казалось, что еще страшнее будет, когда при свете снова увидит самых родных ему людей, умерших такой ужасной смертью. Сидел на самом краю кровати, мысли текли вяло, только изредка подталкивали: «Надо все равно что-то делать».

Сколько прошло времени, он не замечал. Не обратил внимания, как кто-то отворил дверь и зашел, тяжело шаркая ногами. В темноте вошедший зацепился за что-то ногами, ойкнул. Андрей, вздрогнув, спросил: «Кто там?». Сразу не ответили. Подумал: может, померещилось? Простуженный глухой голос заговорил:

- Соседка я. А вы кто и как здесь очутились? Темно. Хоть глаз выколи. Ничего не вижу.

Ответил скупое:

- Родственник я. Подождите, зажгу огонь.

Наощупь заправил зажигалку, пламя слабо осветило темные углы. Присмотревшись, увидел закутанную в старую истрепанную шаль старуху.

На ней была телогрейка и подшитые валенки. Ему показалось, что он видел когда-то эту женщину. Но кто она? Понимал, что кто-то из этого дома. Случалось, что они с Ольгой оставались у Владимира ночевать, а по праздникам гуляли по несколько дней, и потому знал всех соседей. Но сейчас он не мог признать никого из знакомых в этом «привидении».

Старуха спросила:

- Никак, видимо, не признал?

Андрей не ответил. Она продолжала говорить:

- Прасковья я, Филимоновна... Этажом ниже живу. Тебя-то я узнала сразу. Часто вы с женой бывали у них. Прямо с фронта, что ли?

Андрей утвердительно качнул головой. Прасковья догадалась и тихо сказала:

- Не успел?

Андрей ничего не сказал. Старуха продолжила: - Сегодня утром, чуть рассвело, заходила к ним. Еще живы были. Надя уже не вставала с кровати, а Васятка стоял перед ней босой.

Прасковья замолчала. Видимо, не хватало сил говорить. Потом продолжила:

- Одной ручонкой держится за ее голову, а в другой зажал иконку. Стоит, голыми ножонками переступает, холодно. Плачет. Прижмет иконку к губам, поцелует и приговаривает:

- Батюшка Бог, добренький, оставь маму. Ты и так забрал всех из нашего дома, у меня совсем никого нет кроме нее, только она, а папка где-то воюет.

Подняла его через силу, хоть и совсем худой, а мочи-то у меня нет, сама еле держусь на ногах. Положила рядом, хотела взять у него иконку. Не отдал. «Мне, - говорит, - баба наказала: как будет плохо, проси у Бога, он поможет».

И вспомнилось Андрею, как позвал их с Ольгой Владимир к себе перед смертью Клавдии Петровны. Ей совсем было худо. Подозвала всех и тихо проговорила:

- С миром живите, а меня простите, ухожу к Богу.

Василек стоял рядом. Совсем тогда маленький. Почему-то обратился не к отцу или к матери, а к Андрею:

- Дядя Андрей, давай не пустим бабу на небо. Пусть еще побудет с нами!

Ушла Клавдия Петровна. А наставления ее запечатлелись в детской головенке Васютки. Как же давно это было, и сколько прошло за эти страшные годы.

Перенесся в мыслях через них, и вспомнились времена счастливой поры со всеми радостями, тревогами, мимолетными разочарованиями. Даже слезы закипели на глазах.

А Прасковья говорит:

- Собрала последние чурочки, да еще кое-какие книжки, растопила буржуйку, согрела водички, напоила их. Я и раньше к ним ходила. Надежда уже не пила, а Васятка хлебнул глоток горяченького, да и говорит:

- Остальное оставь маме.

Пошла я к себе. Думала, может, докторша на счастье зайдет, что-то давно ее уже не было. Раньше-то, когда в подъезде много жило людей, часто заходила. Хоть немного, но помогала. А уж когда люди разъехались, кто куда, а больше умерли, совсем редко стала посещать. Сейчас до самого верха в доме остались только я одна да кочегар Илья. Теперь уж, наверное, врачаха совсем не придет. Помню, что твоя Оля приходила к Надежде, уговаривала ее уехать. Отказалась.

А как пришла я от них к себе, взяла корочку хлеба, думала отнести, хоть и знала, что ничто уж им не поможет, да хоть на душе будет легче, только шаг ступила и тут же свалилась на кровать. Не могла подняться. Весь день провалялась. Немного полегчало, поднялась их проведать, а тут и тебя повстречала.

Андрей плохо понимал, что говорила Прасковья. За все время ее рассказа не пошевелился. Он оцепенел. Глядя в застывшие родные лица, не мог верить страшной действительности. Для него время остановилось...

Меня уже много, много лет терзает горькая дума: сколько тягот и страданий выпало на долю нашего народа! Со всех сторон ползли железные орды. И больше всего с Запада, с немецкой стороны. Все муки ада испытал советский народ в Великую Отечественную войну. И оттого не укладываются в моей голове необъяснимые поступки наших верховных правителей и служителей церкви. Не могу уразуметь я, чадо убогое: во имя чего наш Московский патриарх Алексей II, совсем недавно приносил покаяние в Германии «за грехи и злодеяния» (причем от всего народа нашего), что совершили наши войска на германской земле при разгроме фашистских полчищ. Разве наши люди первыми пошли на них? Разве есть в чем-то вина Владимира, Надежды с их сыном Васей, тех миллионов погибших под снарядами и танками при защите Родины, или тех, что умерли от голода и болезней в тылу? Может, виноваты те, которых сожгли немцы в своих тюремных печах? Неприемлемо такое покаяние. У меня у самого брат погиб, защищая страну, другой остался инвалидом. Не вижу в делах церковных связи, по-иному поступали истинные святые угодники на земле христианской.

Издравле знаем, как благословлял преподобный старец Сергей Радонежский князя Дмитрия Ивановича на беспощадную битву с наглыми захватчиками. Отправил в его войско для укрепления мощи духовной и физической двух иноков, Ослябю и Пересвета, дабы молитвою и мечом вселяли непоколебимость, и крепость в души воинов русских. Достоинно исполняли свой долг послушники святые.

Одержал князь Дмитрий Иванович Донской великую победу. И не было пощады захватчиками иноземным, надругателям над землей русской. В великой сече рубили, рубили и кололи (сколько можно терпеть тиранию и надругательства!), пока хоть один нечестивец оставался на нашей земле. И за это причислили князя Дмитрия Ивановича к лику святых.

А у Сергия Радонежского и в помыслах не было приносить ханам далекой орды покаяния за излишне (может быть) порубанных разорителей. Так что же сейчас переменялось? За что мы стали хуже и недостойнее?

...Слово Прасковьи пригнули Андрея. Не хватало даже сил повернуть голову. Мысли остановились совсем. И вдруг показалось, поднимается Надежда с Васяткой, и как-то с укором смотрят на него: что же ты, Андрюша, как же так вы, мужики, допустили такое?

Андрей вздрогнул: «Надо что-то делать, иначе сойду с ума». Поднялся. С силой расправил затекшее тело, так что в суставах затрещало. Спросил у Прасковьи:

- Где кочегар-то живет? И как его величают?

- В самой угловой комнате, батюшка, на последнем этаже, ответила Прасковья. – А зовут Илья Ефимович.

- Ты побудь здесь, а я схожу за ним, - попросил Андрей Прасковью.

- В темноте-то не найдешь! – посочувствовала ему она.

- Ничего, сейчас достану фонарь, - сказал Андрей, порывлся в мешке и ушел.

Когда вернулся. Прасковья зажгла свечку. Она знала, что где лежит у Надежды: часто бывала у нее.

Кочегар долго не приходил. Старый был, пока собрался, потом перепутал этажи. И когда уже Андрей собрался снова идти за ним, тот, ворча, открыл дверь:

- Все по-старости перепутал!

- Илья Ефимович, - попросил Андрей, - помоги разобрать шкафы да два гроба сделать. Досок-то сейчас все равно нигде не достанем. А я схожу, скоро должны солдаты подъехать (хотя до утра было еще далеко), с ними могилу выкопаю.

- Струмент от у меня никудышный, но это бы ничего. Сил-то совсем нет, - отвечал Илья Ефимович.

- Ну, да ладно. Что-нибудь пособию, пока живы надо помогать, - досказал кочегар.

Андрей унес мешок в другую комнату. Достал там хлеба, банку консервов. Остальное спрятал, зная, что голодные люди теряют разум при виде обилия пищи и, потеряв всякое соображение, едят до тех пор, пока не случится беда.

- Натё, вот, съешьте. Да только не сразу, а то, как бы плохо не стало. А я еще, как вернусь, дам.

Каким-то неестественным светом загорелись у них глаза.

Я увидел сам такое выражение, вероятно, и у самого подобное бывало. Но рассказать словами о таком состоянии человека не смогу, да и вряд ли кто сможет. Это надо видеть. Голод и жажда – самые лютые истязатели.

На дворе была ночь. Андрей подошел к своей квартире. Надо было ждать грузовик с шофером. Облокотился на стол и впал в забытье. Очнулся от чьего-то легкого прикосновения к плечу. Это был тот же шофер, с которым приехал вчера. Федор был в годах, предусмотрительный, достал флягу, отвинтил крышку, налил и сказал: - Попей, горячий и крепкий. Андрей отпил и только тут понял, что не ел уж больше суток.

Рассказал Федору, как встретил его родной Ленинград. Тот покачал головой и сказал:

- Надо бы похоронить по-человечески, только где взять досок?

- У них в квартире шкафы сохранились, - сказал Андрей. Разберем их.

- Тогда давай поедем, я сам столяр. К вечеру сколотим. А уж хоронить придется завтра. Могилы-то сейчас копать нелегко, земля промерзла.

- Спасибо Федор...

Андрей ничего не смог сказать больше.

Уже давно рассвело, когда они с шофером зашли в квартиру Батуриных. Кочегар успел разобрать один шкаф. Второй не стал: досок хватало на два гроба. Надежда с Васильком были настолько исхудавшими и сделались такими тонкими, что казались какими-то мумиями.

Прасковья вытащила откуда-то чудом, уцелевшее голубое платье, чтобы в него одеть покойницу. Оно было любимым платьем у Нади. Владимир всегда говорил ей:

- Ты в нем, Надюша, похожа на весеннюю бабочку, - холодом и ужасом повеяло на Андрея от этих воспоминаний.

А Прасковья, меж тем, говорила:

- Берегла это платье Надя, (все отдавала на обмен, а его откладывала). Говорила: - Как вернется Володя, тогда и надену.

«Вот теперь они там и встретятся все вместе», - скорбно подумал Андрей, и отвернулся от Прасковьи, чтобы смахнуть набравшую слезу. На следующий день похоронили Надежду с Васей на Пискаревском кладбище. Могилу выкопали солдаты. Тот же полковник, что отпускал Андрея на побывку к родным, без колебания разрешил взять солдат («спецгруз») для доставки на фронт все равно не был еще подготовлен) с паупством:

- Исполняйте свой человеческий долг и знайте: у каждого ленинградца сейчас такое горе. Помните о неимоверных человеческих страданиях до конца жизни!

Через трое суток загруженные автомашины ушли в сторону фронта. Но ехать пришлось много дальше. За эти несколько дней советские солдаты разорвали фашистское кольцо, и воинская часть, в которой служил Андрей, продвинулась далеко вперед. Пришел в свой полк к прежним друзьям. Встретили радушно. Только заостенели у Андрея и сердце, и душа.

Петр Фомич долго молчал. Искурил одну сигарку, стал заворачивать другую. Я сказал:

- Что ты все смолишь, выпей лучше кружечку кипятку.
- И то верно, - согласился Петр Фомич и отложил закрутку.

Чайник уже остыл. Я быстро подхватил его и сбегал за кипятком. Напротив, в другой комнате, всегда на печи стоял бачок с горячей водой.

- На-ко вот, горяченького, - сказал я, возвратившись. Петр Фомич налил себе полную кружку и стал отхлебывать мелкими глотками.

На улице темно. Я не торопил Петра Фомича: пусть горло как следует, промочит, почти целый час говорил.

После некоторого перерыва Петр Фомич продолжал:

- Долго еще носила Андрея военная кручина. Много раз оказывались разведчики, казалось бы, в безвыходном положении, попадали в железное окружение, но прорывались с боями сквозь вражеские заслоны.

Война уже близилась к завершению, когда группа разведчиков, в которой был Андрей, на своей территории подорвалась на mine. Двоих убило сразу, а Андрея отбросило взрывной волной под откос дороги. В прифронтовом госпитале пролежал всего несколько дней, а когда пришел в сознание, отправили в глубокий тыл.

Врачи недолго осматривали:

- Ничего страшного нет, немного полежишь у нас, и выпишем.
- А сколько это – немного? – любопытствовал Андрей.
- Может, месячишко, может, чуть больше, - спокойно ответил врач.
- А как же война? – спросил Андрей. Медицинская сестра чуть улыбнулась, а врач как будто о давно решенном добавил:

- А вот войну закончат без тебя. Теперь уже недолго осталось.

Через три недели, выписавшись из госпиталя и демобилизовавшись, ехал Андрей Бушуев в Ленинград. На земле был мир. Напряжение отпустило его, а на душе была сплошная сумятица. Радость предстоящей встречи с Ольгой и Максимкой омрачали горькие спазмы при воспоминании о гибели Владимира и смерти Нади с Васяткой.

Какая же это тяжелая ноша – передавать скорбные вести самым близким, родным. Как воспримет Ольга это страшное известие? Ведь она еще ни о чем не знает.

Сколько раз он собирался написать обо всем в Саратов. И все время откладывал. А теперь? «И отчего сразу из госпиталя не поехал к ним в Саратов, а взял направление в Ленинград? – сетовал в душе Андрей. – Ну, ладно! Что сделано, того не переделаешь. Может, так лучше», - думал он, подходя к своему дому. Только бы Степан Афанасьевич был на месте. Глянув вверх, увидел в окнах своей квартиры свет. «Наверное, Степан Афанасьевич что-нибудь проверяет», - радостно мелькнуло у него. Он поспешно взбежал на свой этаж, открыл дверь и ... обомлел. За столом Ольга с Максимкой что-то перебирали, а Дарья Савеловна копошилась в комод.

Были выплаканы все слезы, сказаны самые сокровенные слова радости и умиления. Дарья Савеловна с Максимкой убралась в другую комнату. Одна на диване, другой на раскладушке досматривали третьи сны, когда Андрей, немного поворочавшись и глубоко вздохнув, сказал:

- Оля! Я...

- Не надо, Андрюша, - Ольга положила руку на его губы. Я все знаю, была там, видела Прасковью.

Андрей поцеловал ее ладонь, проглотил благодарные слезы и уснул глубоким сном тяжело уставшего человека. Немного деньков удалось отдохнуть Андрею. Как-то утром постучался в дверь и зашел Степан Афанасьевич. (Сильно сдал старик за последний год, и хоть совсем был слаб, но еще работал).

Передал Андрею записку от начальника завода. Всего три слова было в ней: «Приходи для переговоров». И закорючистая подпись: «Павлов».

Не надо было ломать голову, для чего понадобился Андрей Бурлаку двужилному (так называли за глаза, причем доброжелательно, начальника завода за его тяжелый и неблагоприятный труд в течение многих-многих лет). На следующий день состоялся у них разговор.

- Вот что, Бушуев, - сказал начальник завода, - людей нет, война многие подобрала, а кто уцелел, те еле ночи передвигают. А впереди еще труднее будет. Но все равно жить-то ведь как-то надо. Если не надумал от коллектива отрываться, то давай приходи работать. От прежних «стариков» почти никого не осталось. Принимай хоть прежнюю должность, а лучше, если пойдешь начальником цеха, - сказал Павлов. Андрей согласился.

- Вот хорошо! – приказ о твоём назначении подписываю с сегодняшнего дня. Чуть помедлив, Бурлак попросту заговорил:

- И вот что, Андрюша! Цеха как такового нет. Все разбил немец. Так что с первого дня, возьмешься за восстановление разрушенных корпусов. Правда, кое-что уже сделали. Но это только начало. Строительными материалами будешь снабжаться по первому разряду. Сам знаешь, завод у нас важный, - так закончил свой разговор Бурлак и похлопал Андрея по плечу.

И началась для Бушуева новая «страда». С утра и до позднего вечера. Ольга тоже много и подолгу работала. Всем приходилось разбирать завалы и залатывать послевоенные прорехи.

В трудовой суете шло время. Но не затягивались душевные раны, не утихала боль невосполнимой утраты у Ольги. Не могла простить себе, что не уговорила тогда старшую сестру уехать из Ленинграда. Или самой бы остаться, хотя и знала, что ей не разрешили бы этого сделать.

В первый раз, когда пришли они всей семьей на кладбище, упала Ольга на могилу сестры, вцепилась руками в землю и лежала, пока Андрей не поднял. С тех пор не находила она себе места. На все увещание и уговоры отвечала:

- Моя вина!

А в чем, и сама сказать не могла. Убеждать, что нет ее вины, было бесполезно. Не слушала никого.

Однажды вечером, когда вся семья собралась в одной комнате, каждый был занят своим делом, сидела Ольга, укрывшись шалью, и смотрела безучастно в окно. Максимка подошел, обнял мать за шею и тихо сказал:

- Не печалься, мама, это я во всем виноват. Я тебя уговорил уехать. Не уехали бы, тоже умерли, как тетя Надя с Васей?

Что-то прорвалось в груди Ольги. Хлынули неудержимые ручьем слезы. Максимка еще крепче прижался к матери и только твердил:

- Не надо, мама, а то и я заплачу...

Как после теплого весеннего дождя появляется на полях зеленая травка, и распускаются листочки на деревьях, так и у Ольги потеплело на душе, отпустила боль сердце.

Завод восстанавливался быстро: строительных материалов хватало в достатке. Да и рабочих рук тоже – солдаты работали круглые сутки.

Все складывалось хорошо. Одно тревожило руководство завода и цеха. Растаскивали рабочие на ремонт своих квартиры все, что только годилось в строительстве: гвозди, краску, стекла. Где в те годы можно было хоть что-то купить или достать? Что было делать? И тогда решил начальник завода (Бурлак двужилый) Андрею выписать по государственным ценам, хотя и не было у него на такие действия достаточно прав, особо нуждающимся работникам стройматериалы.

Но как всем угодить? Нашлись «доброжелатели», стоящие на страже государственного закона «блустители», что написали в соответствующие органы о «хищениях и разбазаривании» народного добра.

Реакция последовала незамедлительно. Нагрянула ревизия. Чего-то оказалось в излишках, другого – не хватало. Андрея арестовали. Вроде бы не виноват ни в чем, а срок все равно дали – 3 года. Начальник завода Павлов к моменту ареста Андрея уже два месяца как умер от сердечного приступа (и таких двужилых смерть быстро прибирает). Так что за Бушуева и заступиться тогда было некому. А может быть, и к лучшему. Могли и самого начальника завода прихватить.

Ведь и он не имел законного права на продажу лимитированных стройматериалов. Разрешение на продажу он взял на свою власть. А в те годы законы работали безотказно и неотвратно.

- Вот, собственно говоря, и весь сказ! – закончил свой рассказ Петр Фомич.

Я облегченно вздохнул. Такие поступки, за что был посажен Андрей, никто в лагере не считал за преступление. Заключение хорошо понимали благородство действий.

- И сколько же он пробыл всего-то? – спросил я.

- Вместе с тюрьмами и пересылками около двух лет, - ответил Петр Фомич.

«Слава богу, не так много», - подумал я и глянул в окно. Темнота уже давно опустилась на землю. В лагере не было видно никакого движения. Бригады возвратились с работы.

И опять, уже в который раз, я сказал Петру Фомичу:

- Может, ни в какие спецлагеря не повезут? Руководство порта со Стифеевым и Ксинтарисом в Норильскснабе хлопочут, чтобы не отправить этот этап. Где наберут таких первоклассных специалистов? Некоторые по 10 лет в управлении порта служили, без них все работы могут остановиться (это я уже философствовал, чтобы поддержать Петра Фомича, мне самому этого хотелось).

Но все надежды рухнули враз. К вахте бегом подбежал начальник и тут же выскочил назад. Вскоре за ним пришли два надзирателя. Через несколько минут они вместе с вахтерами вышли наружу.

Над вахтой загорелись все прожектора. Стало совсем светло. Откуда-то из дальних бараков сначала по одному, потом кучками потянулись люди к вахте. Каждый нес свои пожитки, у одних были мешки, другие несли деревянные чемоданы.

Мы смотрели в окно с Петром Фомичом. Чувство тревоги притушилось и ушло куда-то вглубь. Все стало понятно без слов. Петр Фомич стал собираться.

- Пора! Надо идти! Все равно от этого никуда не денешься.

Я открыл свою тумбочку. Там было у меня припрятано две пачки табака «Звездочка». Крепкий табак. Взял одну, потом подумал и протянул обе Петру Фомичу. У него задрожал голос.

- Что ты все отдаешь, себе-то оставь...

- Бери, бери, сказал я, - где ты там что добудешь?.. А я здесь и на окурках перебьюсь, да и бросить решил (наверное, в десятый раз).

А из окна было видно, как через вахту уже пропускали людей. Мы вышли на улицу. Во всех бараках горели огни. От самой вахты вверх по дороге метров на 100 растянулась колонна людей. Отовсюду приходили последние заключенные. Это нарядчики поторапливали задержавшихся, хотя этого можно было и не делать. Никто не прятался, не сопротивлялся. Это был совсем иной контингент заключенных – политические. Кое-кто улыбался, большинство, насупившись, молчали.

У каждого на душе была тяжесть: покидать обжитые годами места, пусть даже в заключении, всегда плохо. Все понимали: там лучше не будет. Мы стояли с Петром Фомичом у дороги. Говорить было не о чем. Начался снегопад. Сначала шел мелкими снежинками, потом целыми хлопьями. Заметно потемнело, хотя кругом горели прожекторы. Сквозь снежную пелену пробивался бледный свет луны. Петр Фомич нагнулся, стряхнул снег с выдавшего виды рюкзака, перекинул через плечо. Протянул руку:

- Прощай. Теперь больше не увидимся. Тебя не отправят туда, по статье не подходишь, да и срок почти кончился, а нас не вернут назад. Видимо, на такую «сортировку» нашего брата указание идет с очень «большого верха», раз никто не может его отменить (так оно, и было на самом деле). Спасибо за чай, а еще больше – за табачок, теперь есть чем душу побаловать. – Поглядел, улыбнулся и пошел к пропускной вахте. Незаметно растворился в толчее людской.

У меня неотступно стояло в голове: уходит этот пожилой, много повидавший на своем веку человек, простой и совсем обыкновенный, как и все мы, русский мужик. Уходит в неведомые спецлагеря без всяких жалоб и упреков. Что ждет его там? Дождется ли он своего светлого дня? А все остальные? Они такие же старые, и каждому отбывать еще сроки наказания не менее 5-8-ми лет. И оттого, что мне всего 24 года, а остается до освобождения чуть больше шести месяцев, не прибавилось радости, а стало как-то тоскливо и неуютно.

Я попытался в толпе разглядеть ссутулившуюся фигуру Петра Фомича, но мне так и не удалось его высмотреть.

Была ночь. Снег продолжал падать и падать. Начало сильно морозить. Погода, как будто спохватившись, наверстывала упущенное. Налетел порыв ветра, подхватил с земли снежную пыль, завертел, перемешал с падающими хлопьями и бросил снежное крошево на головы, спины стоящих людей, засвистел в темноте.

Людам неведомо грядущее. Не мог знать и я, что совсем скоро навалятся на меня еще большие испытания, и тягостные переживания заполнят мою душу.

Золото

Много лет подряд, каждый день утром и вечером прохожу я по одной и той же улице. Ее хорошо знает каждый дудинский житель. Она давно уже носит имя Горького, а до этого была просто безымянной.

В те далекие времена по ней проходила широкая натопанная дорога, с небольшими колдобинами от тележных колес, грязная в дождь и пыльная в засушливую погоду. С одной стороны к ней прижимался хлипкий тротуар. По ее обочинам в летнюю пору росли сочные ромашки. Их было много. Повсюду. Особенно густо они пробивались вдоль жилых барачков из-под завалинок в местах, где не ходили люди. Немного поодаль, на пригорке, как раз там, где сейчас установлен памятник павшим воинам в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов, был сквер, в котором благообразные и аккуратненькие старички старательно высевали разные травы и цветы. Центр лагерной зоны был ухожен.

Начальники лагеря менялись, а заповедный кем-то порядок чистоты и благоустройства не нарушался. И тогда любили люди цветы. Может быть больше, чем теперь.

Однажды утром, выкапывая ямку для посадки саженца, заключенный «садовник», сняв тонкий верхний слой земли, увидел небольшой ящик. Он ударил лопатой, полусгнившие верхние доски легко переломились. Нагнувшись, и приподняв за переломанный конец одну из досочек, старик увидел множество блестящих металлических кружочков. Он разобрал верхний ряд досок и увидел, что в ящике лежали монеты царской чеканки. Рядом никого не было. Лишь после некоторого раздумья заключенный пошел в барак КВЧ (культурно-воспитательная часть), находившийся совсем недалеко, и сообщил начальнику о пяти килограммах золотых червонцев. По этому случаю был проведен (небольшой, всего было человек 50) митинг о честности советских людей, даже заключенных. Самого же «садовника», нашедшего клад, поблагодарили прямо с трибуны и обещали, что будут просить вышестоящие власти о снижении ему срока наказания. Но! Кажется, все осталось без изменения. А золотые червонцы? Их все сдали в банк. Так говорили. И я этому верю. Никто бы не позарился на это золото: знали, что расплата будет куда дороже. А вот клад с червонцами лучше всяких слов подтверждает, что много раньше в этих местах проживали довольно богатые торговые люди.

В дневное время, когда лагерь становился безлюдным, опускалась сонная тишина, деревенская. Редко-редко пройдет надзиратель или кто-то из дневальных по своим хозяйственным заботам. Все изменилось, стала иной и жизнь. Исчезли последние избенки старинного русского поселения. Новые люди построили новый город, светлый, благоустроенный, теплый.

А вот дорога? Она и сейчас проходит там же, где была раньше. От старожилов, что ездили по ней еще до советской власти. Теперь ее расширили, покрыли асфальтом. Одно не изменилось: в дождь такая же грязная, в сухую - погоду пыльная. В какую бы сторону ни шел по ней, всегда мысленно возвращаюсь в прошлое.

В разорванной цепи памяти отдельными звеньями выплывают эпизоды иной жизни, иногда путаясь и опережая один другой. Когда же прохожу магазин «Орфей», на месте которого стояла пропускная вахта, будто наяву вижу колонну стоящих в тревожном ожидании людей. Воспринимаю это не разумом, а каким-то неосознанным внутренним чувством. Знакомые и незнакомые лица. Их много. И кажется, что снова вижу их глаза, из которых через напускное безразличие проглядывают тревога, печаль, а еще глубже прячется трепетная тень надежды. Сильные были люди.

Сколько раз заказывал себе не вспоминать про это. Но неподвластные разуму силы не признают моего «хотения». Видимо, уж с этим ничего не поделаешь. «Память сердца сильней печальной памяти рассудка» (Батюшков).

В долгие полярные ночи, когда неотступная бессонница изнуряет до изнеможения, а сполохи мыслей, спутавшись в сплошной сумбур, порождают страх и наваждения, я, чтобы хоть как-то обмануть себя, с робкой надеждой смиренно, обращаюсь к Всевышнему: ведомо ли Тебе то, Господи, что натворили? (Люди почти никогда не понимают, что творят). И черный призрак, словно из преисподней: «Ты не доволен прошлым, не нравится?» – подкатывает со всеми «прелестями» беспощадную действительность: вереницы нищих и убогих, бомжей, выброшенных из своих собственных квартир, морги, заваленные трупами, которые некому хоронить, а других не передают земле, потому что нет возможности, постоянные убийства, грабежи, изнасилования (скоро этот вид «спорта» станет правилом «хорошего тона»), межнациональные гражданские войны, гибель десятков тысяч людей, миллионы беженцев (куда равняться Афгану по масштабам с Кавказской войной!), обман властями всех уровней, и, самое страшное, - нарастающая колонизация страны державами империализма. Страшная тирания «собственного царя», но еще страшнее тирания и

угнетение иностранное. Все это встает в один ряд сплошной стеной с немим укором: посмотри и оцени сам.

И я, проживший уже долгую жизнь, повидавший многое, невольно задумываюсь: в какое время жизнь была лучше? Сейчас, когда всем все дозволено, или во времена сплошных запретов? Не надо ломать голову, ответ приходит сам: всегда было плохо, только теперь много хуже. Ибо нет у сегодняшнего дня будущего завтра. Впереди тупик. Для всех!

Узкий мостик, перекинутый через пропасть для немногих «избранных», все равно ведет в никуда: «Там хуже». Развал и разруха, сотворенные небольшой кучкой проходимцев из Германии, ЦК КПСС и Политбюро под представительством почетного гражданина, неприличного и непорядочного М.С. Горбачева (ведь надо же иметь такое нахальство, снова лезть в президенты), а затем непродуманная политика реформ – породили агонию огромной державы.

Великая Россия формировалась веками. Воссоединить разрушенное возможно при бескорыстном стремлении (которого пока ни у кого нет, кроме пустых слов) всех самых чистых сердец и светлых голов России.

Кому предстоит повторить подвиг библейского Моисея сплотить и вывести из трясины российские народы, ввергнутые в нее горбачевской перестройкой?! Повсюду ложь, клевета, доходящие до абсурда. И я, не уверовавший в Бога, вопреки себе снова и снова вопрошаю: ну, где же твоя, правда, Господи?

Пройдет еще много времени, прежде чем «тернистая дорога» приведет меня к светлой жизненной ниве, наступит время воскрешения надежд и ожиданий. На моем пути встретится много замечательных людей (мне в жизни просто везло на них), при поддержке которых я обрету уверенность, моральное удовлетворение. Наступит жизнь, полная тревог, беспокойства и бесконечных забот. Это самый длительный период в моей жизни. Он не менее сложен и труден, хотя в значительной мере отличается от первых лет. Я попытаюсь когда-нибудь рассказать о наиболее важных событиях, что удержала память, отдать должное людям, с которыми был долгие годы вместе. Я обязательно постараюсь, если хватит сил и терпения. Всегда тяжело писать о том, что непосредственно связано с собственной судьбой, особенно, когда не хочется ворошить.

Елизавета Барсукова

Родилась во Владикавказе. По образованию инженер-строитель. С 1985 года живет и работает в Дудинке. В 1999 и 2000 году вышли ее повести «Прощальная симфония» и «А птицы всегда возвращаются».

Прощальная симфония

продолжение повести

10

Ночь была теплая. Высоко в небе стояла луна. Ее свет скользил по верхушкам деревьев, зеркальной поверхности пруда, в котором плавали звезды, по крышам домов, проникая в открытые окна.

За одним из них спала молодая женщина, улыбаясь во сне. Изредка тишину ночи прерывал негромкий мужской храп.

Кирилл сидел на подоконнике, глядя в бескрайнее звездное небо. Эти две недели, прошедшие со дня рождения дочери в семье Кругловых, казались ему вечностью.

Каждый день он приходил в роддом и часами просиживал у колыбели своей любимой. Когда он первый раз вошел в ясли, ища ее, неожиданно чей-то голос остановил его:

- Я здесь. Ты что не узнаешь меня?

На Кирилла смотрел маленький человечек с большими синими глазами, протягивая к нему ручки со сжатыми кулачками.

- Здравствуй, моя маленькая! – Кирилл склонился над кроваткой.

- Маленькая! Скоро ты тоже будешь такой. Давай познакомимся. Меня зовут Маша.

- А меня зовут Кирилл! – Он рассмеялся.

- Ты не понял. Меня назвали так. Мария. Я сама выбрала себе это имя, - и девочка подробно рассказала, как это случилось.

На следующий день Марию отнесли в палату к Анне и оставили с матерью, которая нежно стала прижимать ее к своей груди, целовать, говоря много ласковых слов. А девочка смотрела то на мать, то на Кирилла и весело смеялась.

Утром, когда они просыпались, Кирилл уже был рядом и весь день они проводили втроем. А поздно вечером он возвращался сюда, надеясь, что именно сегодня наступит долгожданный момент.

Лариса тихонько застонала, не открывая глаз, погладила себя по животу, и вновь стало тихо.

Кирилл вышел в сад. Первые солнечные лучи ласкали землю. Легкий ветерок играл листвою деревьев. Откуда-то издали донесся крик петуха.

В стремительно распахнувшейся двери появился Борис. Он пробежал по тропинке, перепрыгнул через ограду, на мгновение скрылся в соседнем доме и вернулся назад.

Через несколько минут у калитки остановилась машина. Олег, на ходу застегивая рубашку, пробежал в дом.

И только когда Лариса, опираясь на руку мужа, прошла мимо него, Кирилл вышел из оцепенения, охватившего его в последние минуты, бросился к отъезжающей машине и на ходу заскочил в нее.

Девочка чему-то хмурилась во сне. Маленькая ямочка на подбородке стала еще заметнее. Она открыла глаза и сразу заплакала потому, что солнечный луч, пробивавшийся сквозь неплотно задернутую штору, падал ей прямо в лицо. Она потерла кулачками глаза и посмотрела на букет роз, стоявший на тумбочке около кровати Анны.

- Не надо плакать, маму разбудишь! – Кирилл нежно погладил Марию по головке, - доброе утро!

- Доброе утро, – ответила девочка, не отрывая взгляда от цветов. – Посмотри, какие красивые розы. Это папа мне принес.

Кирилл подошел, взял с тумбочки опавший розовый лепесток и положил его на ладошку девочки.

- Когда мы немножко подрастем, я подарю тебе много цветов, и буду дарить тебе их всю жизнь.

Мария заулыбалась и потянула лепесток ко рту.

- Его можно только нюхать, - серьезным тоном сказал Кирилл.

- Неужели ты подумал, что я собираюсь его есть? Я нюхаю.

Кирилл смотрел на девочку и в который раз с ужасом подумал: «А вдруг ошибка?»

- Мне надо уходить, - дрожащим голосом сказал он. – Скоро увидимся.

Он наклонился, поцеловал девочку и, не оглядываясь, вышел.

Анна открыла глаза.

- Ты уже не спишь? Что это у тебя? – Анна взяла из рук дочери розовый лепесток. – Как он у тебя оказался?

«Это моя женская тайна» – девочка посмотрела на мать и подмигнула.

11

- Она уснула?

- Нет. Целый день не спит.

- Ты покормила ее?

Анна отрицательно покачала головой.

- Вот так целый день. Лежит с открытыми глазами и молчит, - женщина тихо заплакала.

- Успокойся, - Олег обнял жену за плечи, поцеловал и подошел к кроватке дочери.

- Здравствуй, родная!

Он взял Марию на руки и, спрятав ее кулачок в своей ладони, стал ходить по комнате, показывая ей игрушки. Они были всюду. На стене, на ремнях, обхватывающих ее передние лапы, висела большая обезьяна; надувные шары в форме зверюшек, облепили потолок; большая говорящая кукла на полу в окружении «мягких» и резиновых игрушек; гирлянда погремушек висела над кроваткой.

Девочка не реагировала ни на что.

Прошло уже десять дней, как Анна с дочкой выписалась из больницы и вернулась в городскую квартиру. Все это время Мария была очень скучной. Она не улыбалась, но и не плакала, плохо спала, мало ела. Врачи не могли определить, что с ней.

Анна дни и ночи проводила у постели ребенка.

- Родная, ну расскажи папе, что у тебя болит? – Олег прижимал дочку к своей щеке.

«Что я тебе скажу, ведь ты не понимаешь меня!»

- Маленькая моя, ну что с тобой?

«Вот видишь, ты не слышишь меня», - Мария посмотрела на отца глазами, полными слез.

У Олега сжалось сердце.

В соседней комнате зазвонил телефон. Анна вышла.

- Борис привез Ларису из больницы, - сказала она, вернувшись. – Они ждут нас, но я не пойду. Сходи один.

- Нет, я останусь с вами. Сходим потом вместе.

- Знаешь, они назвали малыша Кириллом. Странно, ведь даже не думали об этом имени. Все время говорили, что будет Саша, Александр Борисович.

Мария закрутилась в руках отца. Глазки у нее высохли, улыбка осветила ее лицо.

- Ура! – закричала она, но родители услышали лишь громкое «уа».

Через час все трое отправились в гости.

12

Виножник торжества сидел во главе стола на высоком стуле. На нем была белая нарядная рубашка, черная бабочка и настоящие мужские брюки, со стрелками. У него были черные глаза, длинные ресницы, вьющиеся, цвета спелого каштана, отливающие рыжиной, волосы.

Слева от него, на таком же стуле, расположилась синеглазая гостья в кружевном голубом платье, с большим, такого же цвета, бантом в пепельных волосах.

Перед ними стоял большой торт с тремя горящими свечами. Вчера Анна весь вечер трудилась над его украшением – елочками и цветочками из цветного крема; посередине торта и по его краям расположились шоколадные гномики. Их было ровно столько, сколько гостей за столом.

Кирилл, конечно при помощи и поддержки Марии, задул свечи. Под аплодисменты детей и взрослых Лариса и Анна исполнили песню, специально написанную Борисом для этого дня, после чего взрослые удалились в другую комнату, а дети принялись за сладости.

Лариса с Анной ухаживали за детьми.

Мария всегда плохо ела. Вот и сейчас от своего кусочка торта она съела лишь шоколадного гномика и выпила стакан апельсинового сока. Прихватив с собой гроздочку винограда, она покинула стол и на правах хозяйки, коей чувствовала себя всегда в этом доме, занялась подарками. Прежде всего, она принялась за те из них, которые были упакованы в коробочки. Тем более, если эта коробочка была перевязана лентой.

Трудно было сказать, что больше занимало Марию – игрушки или сама процедура освобождения их от всяких бантиков, коробочек, бумажек.

Вскоре и остальные гости, насытившись разными «вкусностями», присоединились к ней. Но право первооткрывателя Мария оставила за собой.

Когда все ленточки были развязаны, все коробочки открыты и больше ничего не представляло для Марии особого интереса, она вернулась за стол, усадила рядом с собой большого зайца, новую игрушку Кирилла, и стала усиленно угощать его яблоками, конфетами.

- Машенька, ты хочешь кушать? – поинтересовалась Лариса, наводившая порядок на столе.

- Не я, зайчик! Он сегодня еще ничего не ел. Можно, я дам ему сок?

- Нет, сок ему нельзя, - Лариса отодвинула стакан с соком, недопитым кем-то из детей. – Пусть лучше ест фрукты.

- Лариса, а мне можно?

- Тебе? Конечно! – Лариса налила в чистый стакан сок и придвинула его Марии. – А кушать будешь?

- Что-то не хочется. У меня сегодня вообще нет аппетита!

- Жаль! Значит, тебе нельзя будет есть мороженое. А оно такое вкусное!

- А если я не поем мороженое, что с ним будет?

- Оно растает и его надо будет выбросить. Правда, можно его отдать кому-нибудь.

Мария не была жадной, но тут дело касалось мороженого, а его она никому не хотела отдавать, да и выбрасывать жалко.

- Ладно, дай мне кушать. Пожалуйста! – Мария так тяжело вздохнула, как будто ей предстоял каторжный труд. Но она знала, что иного выхода нет. Никакие уговоры на Ларису не действуют. Мария сначала с неохотой, но потом все с большим и большим аппетитом основательно подкрепилась.

- А когда мороженое? – поинтересовалась она, доедая последний кусочек пудинга.

- Когда все вымоют руки.

Мария сползла со стула, взяла Кирилла за руку и увела в ванную.

Анна наблюдала за ними со стороны.

- Лариса, ты обратила внимание, как беспрекословно Кирилл подчиняется Марии?

- Меня вообще удивляет, как они понимают друг друга. Буквально без слов.

... Анна давно заметила это. Однажды, когда Кириллу не было еще года, а Мария уже хорошо ходила, (она пошла на три месяца раньше Кирилла), Анна играла с ними у Ларисы в саду. На одеяле, расстеленном под деревом, было много игрушек, Кирилл начал капризничать. Анна давала ему то одну, то другую, разговаривая с ним. Но мальчик нервничал все больше и больше, и наконец, расплакался. Мария погладила его по голове, он замолчал. Неожиданно она поднялась с одеяла и направилась в дом.

- Машенька, ты куда?

Девочка посмотрела на мать и продолжила свой путь, через некоторое время она вернулась, держа в руках любимую игрушку Кирилла – маленькую черную обезьяну.

Кирилл обрадовался, захлопал в ладоши. В благодарность он дополз до клумбы, сорвал гвоздику, сам цветок, без стебля, ползком же вернулся назад и отдал его Марии.

Дети продолжали играть, а Анна долго размышляла над тем, как же ее дочь смогла понять Кирилла? Или это случайность?..

Гости уже разошлись. Олег с Борисом играли в шахматы, женщины о чем-то беседовали, а дети, расположившись на ковре среди игрушек, были заняты своими делами. Теперь, когда они остались вдвоем и им никто не мешал, она могла рассмотреть все подарки: покрутить все, что крутится, разобрать все, что разбирается.

Марию несколько не смущало, что они были в основном мальчишеские. Она легко управлялась и с куклами, и с машинками.

Надо заметить, и в одном, и в другом доме было много игрушек. А было бы еще больше, если бы оба не испытывали непреодолимого желание раздаривать их. Нередко, выходя гулять с одной или двумя игрушками, и Мария, и Кирилл возвращались с пустыми руками. Солдатик понравился мальчику, с которым Кирилл играл в песочнице, а девочке, с которой Мария каталась на качелях, захотелось иметь такую же куклу, как у нее. А если в дом приходили гости, они никогда не уходили без подарка. Исключения составляли дни рождения, когда Мария и Кирилл должны были сначала сами разобраться со всеми новыми игрушками. Настенные часы пробили десять.

- Мария, пора собираться домой! – Анна подошла к детям. – Чем вы тут заняты?

- Mamочка, у нас еще много дел! Можно я останусь и помогу Кириллу?

- Но уже поздно. Надо спать.

- Лариса! Оставь меня здесь на ночевку! – Мария подбежала к Ларисе и умоляюще посмотрела ей в глаза. – Пожалуйста!

- Это с мамой решай.

- Mamочка, можно, я у Ларисы переночую?

- Надо говорить переночую. – Мария уже успела обменяться с Ларисой взглядами и прийти к согласию. – Можно, но при одном условии – вы унесете все игрушки к Кириллу в комнату и сразу ляжете спать.

В знак согласия Кирилл и Мария тут же принялись за работу. Обгоняя друг друга, они перенесли все подарки, и сложили их в углу. Пожелав взрослым спокойной ночи и выбрав себе по одной наиболее понравившейся игрушке, дети улеглись спать. Мария положила рядом с собой зайца, а Кирилл спрятал под подушку маленькую заводную машинку. Анна в очередной раз подошла к двери и прислушалась.

- Тихо.

- Спят. Устали. Сколько впечатлений за день.

Но!

Впечатлений действительно было много и ими надо было поделиться, Мария перебралась к Кириллу на диван, как гостье, он уступил ей свою кроватку, и они начали обсуждать события сегодняшнего дня. Они всегда умели разговаривать между собой так, что никто их не слышал. Для них это было нормальным способом общения.

Анна еще раз подошла к двери. Тихо. А дети в это время веселились. Когда Лариса утром вошла в детскую, Кирилл и Мария крепко спали, лежа поперек дивана и обняв зайца.

Часть третья.

1

Прошло тринадцать лет.

Анна, не открывая глаз, нажала кнопку будильника, повернулась на другой бок.

«Сейчас. Полежу немного и встану». Она не спала уже давно. Так всегда бывало в те дни, когда ей надо было уезжать, - вечером долго не могла уснуть, а утром просыпалась задолго до того, как прозвенит будильник. Через некоторое время она встала и, взяв тапочки в руки, босиком направилась в ванную. Прохладный душ моментально развеял остатки сна. Выйдя из ванной, Анна сварила себе кофе, и с чашкой в руках уселась в кресле, поджав под себя ноги.

Было семь часов утра. В доме все еще спали.

«Я старею! Раньше мне эти поездки доставляли удовольствие, а теперь утомляют. – Анна посмотрела на свое отражение в зеркале. – А, может быть, это не старость? Ведь мне только сорок два, а говорят в сорок пять ... Да. До сорока пяти еще дожить надо. Интересно, какая я буду? Я постоянно чувствую усталость. Почему? Забот стало больше? Что бы я делала, если бы не Олег? Грех жаловаться! Добрая половина домашних хлопот на его плечах. И с Машкой он всегда занимался и занимается больше,

чем я: мама и папа в одном лице. Мне иногда кажется, что она его больше любит. Я, что ревную?..

Через два дня у нее первый экзамен. А я уезжаю! Как они тут будут без меня? Не хочу ехать! Надо же было эту конференцию проводить именно сейчас! Конечно, если бы не выступление, можно было отказать...»

- Mamочka, доброе утро!
- Доброе утро! А ты что так рано поднялась?
- Не хочется спать, - Мария обняла мать. - Я посижу с тобой.

Анна прижалась к дочери, и они долго молчали, думая каждая о своем.

«Машка, Машка! Уже заканчивает девятый класс. Как быстро время бежит! Права была Лариса, которая говорила, что не успеет оглянуться, как дети вырастут. И куда она растет? Уже выше меня. А нога! Надо будет привезти ей туфли к выпускному. Интересно, что она написала на этот раз?»

А ведь настанет время, она выйдет замуж и уйдет из дома. Не отпущу! Пусть приводит сюда мужа, рождает здесь детей! А я буду неплохая бабушка. Конечно, хуже, чем Олег – дедушка.

А что? Через три – четыре года сможет преподнести такой подарок! Какая разница когда? Лишь бы она было счастлива!...»

- Mamочka, ты возвращайся скорее, я буду скучать.
  - Я тоже буду скучать. А ты приготовила список?
  - Нет еще! – у Марии заблестели от радости глаза. – Сейчас я все напишу.
  - Иди сначала умойся. Но не занимай надолго ванную, скоро папа проснется!

Олег уже давно встал. Он заглянул в комнату, увидел жену с дочерью и, поняв, что им хочется побыть вдвоем, не стал им мешать.

Мария побежала в ванную. Анна посидела еще несколько минут и пошла на кухню.

Завтрак был уже на столе.

Мария крутилась перед зеркалом. Сегодня можно было надеть что-нибудь не школьное. Как таковой школьной формы уже давно не было, но Анна с Олегом не разрешали дочери каждый день менять наряды, да и она сама этого не хотела. Специально для школы ей был сшит черный костюм и несколько блузок рубашечного покроя с манжетами под запонки. Густые, с каждым годом темнеющие волосы, Мария заплетала в одну косу, спускавшуюся почти до пояса. Анна с нежностью наблюдала за дочерью.

- Ты когда вернешься?
- Не знаю. После зачета Петя устраивает консультацию. А ты же знаешь, какой он, - Мария виновато посмотрела на мать. – Ты обижаешься за то, что я не смогу тебя проводить?
- Нет, что ты! Вечером позвоню, и ты расскажешь мне, как прошел день. Давай я тебя причешу!
- Хорошо! Я люблю, когда ты меня причесываешь!

Мария расплела косу. Волосы рассыпались по ее плечам. Когда Анна дотрагивалась до волос дочери, необыкновенное тепло пронизывало все ее существо. Она могла часами перебирать в своих пальцах этот необыкновенный дар природы. Отец Анны любил повторять что женщина, у которой густые и длинные волосы, очень нежная и любящая, способная своим телом окутать тебя с головой, согреть, приласкать. Наверное, волосы достались Марии по наследству от бабушки, Аниной матери.

Анна тщательно расчесала волосы дочери, заплела их в косу и закрепила зажимом, сделанным из коры березы. Олег купил его, когда они в прошлом году ездили на Кавказ. С тех пор Мария с ним не расставалась.

- Мария! – позвал Олег – Кирилл пришел.
- Я уже готова! – Мария обняла мать, - я тебя очень люблю! Приезжай скорее!
- Я тебя тоже очень люблю! Иди, а то опоздаете.

Кирилл о чем-то разговаривал с Олегом в коридоре. У них всегда находились общие интересы. Нередко они часами просиживали у Олега в кабинете. После таких бесед оба выглядели довольными и счастливыми.

- Здравствуй, тетя Аня! Мама просила передать, что она скоро придет. Она что-то печет тебе на дорогу. Только ты меня не выдавай!

- Хорошо, не выдам, - Анна ласково потрепали Кирилла по волосам.
- Mamочka, вот, - Мария протянула Анне листок бумаги сложенный пополам. – Пожалуйста! Ну, мы пошли, - она поцеловала отца и мать.
- До свидания, тетя Аня, возвращайся скорее.

Анна закрыла за детьми дверь, развернула листок:

1. тушь для ресниц;

2. кукла;
  3. что-нибудь Кириллу.
    - Я так и знала! – она рассмеялась. – Прочитай!
    - Все правильно, - невозмутимым тоном сказал Олег. – Годы идут, а привязанности остаются. Правда, потребности меняются.
    - Олег посмотрел на часы.
    - Пора ехать. Ты опоздаешь на самолет.
    - Да, пора. Не вовремя я уезжаю, - Анна застегнула, - чемодан. – Кажется, все взяла.
- Давай подождем еще немножко.
- Чего? Ведь вы попрощались. И она не обещали придти тебя провожать.
  - Ладно, поехали.
- В дверь позвонили.
- Это она! – Анна пошла открывать. – Ты что, ключ потеряла?
  - Просто я его не взяла.
- На пороге стояла Лариса со свертком в руках.
- Это тебе на дорогу. Твои любимые.
  - Спасибо! Зачем так много? А что здесь?
  - Слоеные пирожки. А ты что такая расстроенная?
  - Думала, Мария вернется до моего отъезда.
    - Но ты же знаешь что у них зачет, а потом консультация по математике.
    - Знаю. И все – таки жду.
    - Анна, ты опоздаешь, - Олег взял чемодан. – Я жду вас в машине.
    - Подожди, присядем перед дорогой, - Лариса села на стул, рядом с которым стояла. – Традиции нарушать нельзя.
- Через минуту Олег с вещами ушел. Анна осмотрелась кругом.
- Люблю я свой дом. Каждый раз, когда уезжаю, мне грустно. Пойдем.
- Она закрыла дверь и, спускаясь по лестнице, с тревогой в голосе спросила:
- Ты приглядывай за ними, хорошо?
  - Конечно, не волнуйся.
  - Мне так не хочется уезжать, но надо.
- Анна обняла подругу и села в машину:
- Поехали!
- Мария несколько раз звонила домой. К телефону никто не подходил.
- Лариса! А папа не говорил, куда он поедет из аэропорта?
  - Нет. Не волнуйся. Пойдем приготовим ужин.
- Мария любила помогать Ларисе на кухне. У нее всегда был здесь свой фартук. Сначала маленький, потом все больше и больше, но обязательно такой же, как у Ларисы. И раздолья здесь было гораздо больше – в этом доме Марии позволялось все.
- Ты мне избалуешь ребенка! – часто ворчала Анна
- Лариса всегда отвечала одно и тоже:
- Она такая же моя дочь, как и твоя. И я вольна воспитывать ее в своем духе!...
  - Почисть, пожалуйста, картошку, а я пока пожарю курицу. Или сделать котлеты? Ты что хочешь?
  - Мне все равно. Лариса, а вы с мамой давно дружите?
  - Когда мы с ней познакомились, мы были младше, чем вы с Кириллом сейчас.
  - И вы ни разу за это время не поссорились?
  - Все было. И ссорились, и мирились. Но я никогда не могла обижаться на твою маму, как и она на меня. Поэтому мы с ней и ладим.
  - А как мама с папой познакомились?
  - Это длинная история.
  - Расскажи.
  - Раздался телефонный звонок.
  - Это папа! – Мария с картошкой и ножом в руках побежала в комнату.
- Борис взял трубку.
- Да. Я слушаю, - лицо у него становилось все серьезнее и серьезнее. Вы уверены в этом? Я сейчас приеду.
- Он положил трубку, тут же снял ее и вызвал такси.
- Папа, что случилось?
  - Ничего. Я скоро вернусь.
  - Борис, ты куда? – Лариса удивлено посмотрела на мужа.
  - Звонили из института. Готовьте ужин. Я быстро.
  - У подъезда его уже ждала машина.

- В клиническую больницу.

Борис вышел из кабинета врача. Ноги у него подкашивались. В руках он держал список вещей, которые нашли на месте аварии, и документы Олега и Анны. Холодный пот бежал по его лицу.

Он взял такси и поехал домой

- Остановите здесь, - Борис расплатился с водителем, вышел из машины, вошел в подъезд.

Внезапно он развернулся и пошел прочь от своего дома. Неведомая сила гнала его туда, где прошло их детство, его и Олега, в старый район города, с его маленькими домами и узенькими улочками.

Вот здесь в этом дворе, провели они лучшие годы, свое детство. Борис сел на почти развалившуюся скамейку под старым каштаном. Закурил.

Одно за другим всплывали воспоминания: о школьной поре, о радостях и разочарованиях юношеских лет, о первой любви. Так случилось, что в десятом классе они с Олегом влюбились в одну и ту же девочку, Марию. Сколько было переживаний!

«Кто знает, может, дочь Олег назвал в память о ней, своей первой любви? Мария! Как сказать ей о том, что случилось? Что будет с ней? Бедный ребенок!»

Борис возвращался домой. Кто-то поздоровался с ним. Он машинально кивнул головой, даже не посмотрев в его сторону.

Стараясь отдалить момент встречи с Марией, словно это могло что-то изменить, Борис пешком поднялся на седьмой этаж. Подошел к двери. Прислушался. Телефонный звонок? «Кто это? Неужели Мария подойдет к телефону, и кто-нибудь сообщит ей эту новость?» Борис дрожащей рукой открыл дверь и быстро прошел в комнату, Лариса уже положила трубку.

- Кто звонил?

- Ошиблись номером. Что с тобой?

Борис, как подкошенный упал в кресло.

- Закрой дверь. Где дети?

- У Кириллы в комнате, занимаются. Что случилось?

Смутное предчувствие беды охватило Ларису. Глаза у Бориса стали красные, щеки ввалились, он постарел на несколько лет. Борис встал, нервно заходил по комнате, потом остановился и, не глядя на Ларису, чуть слышно произнес:

- Олег с Анной погибли. Автомобильная катастрофа.

С минуту Лариса смотрела на него ничего не понимающими глазами. Потом у нее задрожал подбородок и, из груди вырвалось рыдание.

- Тише, тише, - Борис обнял ее и крепко прижал к себе. - Тише, детей испугаешь.

Слезы катились у него по щекам.

Продолжение следует

Владимир Эйснер

Родился в 1947 году. Работает в заповеднике «Таймырский».
 Публиковался в окружной, краевой печати, в альманахе «Полярное сияние». Лауреат литературного конкурса имени Огдо Аксеновой за 1998 г. Живет в Хатанге.

Семьдесят вторая параллель.

«Кровь гуще воды»
 Пословица

- Голимая соляра, есть невозможно, - Помбур Лактионов с кислой миной отрезал еще кусок рыбы и отправил в рот.

- Не нравится - не ешь! - Фразой из анекдота ответил тракторист Меер, - а я к соляре привыкший, мне она - фу! Навроде приправы!

Напарники ели "сагудай" - сырую свежую рыбу с солью и перцем. Только что проверили сети и самого крупного чира, и еще трепыхавшегося, Меер тут же очистил от чешуи и распластал ножом. Лактионов, тем временем перемешал в консервной баночке соль с перцем и поставил на костер чайник.

- Все равно не понимаю, откуда она пакостью этой напитывается,- продолжал ворчать Лактионов.

- Да ведь буровая рядом!

- Какой рядом! Шесть км!

-А который год в этом месте долбимся? Дырок в тундре понаделали, что в решете. И в каждой соляра, да грязь, грязь да мазут. По весне все в озера стекает. Из каждого озера - протока. Каждая протока - в речку, каждая речка - в реку. Некуда рыбе деваться!

- Да-а-а... Уже весь Таймыр, до семьдесят четвертой параллели загадили...

- Мы ж и загадили. Кто больше буровиков, да геологов пакостит Обижаться не на кого. Ешь теперь с солярой! - Резал правду - матку простодушный Меер.

Лактионов не ответил. Молча пил чай, держа кружку по-охотничьи, сразу обеими руками.

Залили костерок, уложили рыбу в рюкзаки, упаковали надувную лодку, потопали назад, на буровую.

По дороге Лактионов поведал Мееру романтическую историю. Оказывается, не все места на Таймыре испохаблены вездесущим буровиком. Есть река Самай - Дине. Там пудовые таймени сами в лодку прыгают. Там растут уже ель и береза, рододендрон и можжевельник. Там морошка ковром, голубика волной, медведь не пуганый, лось не считанный, олень по распадку дуром прет - вали на выбор! Людей там никого, даже охотников! До ближнего поселка 300 км. Там по ручьям - ручейкам "рыжуха" есть и камушки.

- Да ну? - заинтересовался Меер. - А что за камень?

- Хризолит. Зеленый такой. Красивше его тока изумруд. В прошлом годе за него знающие люди в городе давали по пять тыщ за кило. За сырец необработанный!

- Мало! - С видом знатока заявил Меер.

- Цены прошлогодние. Счас уж, наверное, все десять!

- А много его там?

- Сталинский лагерь заброшенный. Два-три балка осталось со стеклами целыми, с печками непорушенными. Уголь кучами, соляра в бочках, инструменту всякого... Кругом холмики, на каком крест, на каком колышек, на каком вовсе ничего. Калмыки, прибалты, да немцы Поволжья... Ты же немец? Фамилия у тебя чудная, не поймешь еврей ли, немец?

Меер долго молчал. Потом бросил через плечо:

- Где ты видел еврея тракториста? - И снова пауза, и еще вопрос: - А что, евреи не люди?

- Да ради Бога! Я не о том. Карта у меня... План старый, на кальку рисованный. Дядя

Яша мне дал, как помирал. Как при Хрущеве лагерь тот забросили, народ по домам распустили, а он тут у нас на буровой остался. Шеее ему фамилия была. Друзья мы с ним были - не разлей вода, хоть и старше меня был чуть не в два раза, как вот мы с тобой... Здоровый был мужик, все лагеря прошел, а помер тут в поселке от аппендицита, поздно, говорят привезли... Я с ним до конца сидел, за руку его держал, он то по-русски, то по - своему что - то говорит, а глаза уже далеко... и не узнает меня.. А то узнает, ручку просит, бумагу, каракули пишет, не поймешь... адрес какой –то, вроде родня его, так и не разобрал. Потом «карте, карте» говорит, это я понял. Вроде как мне оставляет. Ну, мне тогда не до того было, похороны и все такое. Потом уж через год ли, два, в другую общагу переезжали и мне чемоданишко его на глаза попался. Стоящего ничего. Белье там, да фотки, да Библия старая вроде по-немецки написана, а вроде и нет, а в Библии той карта на кальке, и то же на ней буквы чудные, не немецкие совсем. Я в школе немецкий учил, знаю.

Карту я разобрал, мы с ним раньше на ату тему говорили, смотаться туда за камушками собирались, да разбогатеть... Только тогда моторов не было сильных, а на веслах против течения долго не выгребешь.

Я уж туда два раз мотался. Есть там камень, но хорошего мало. Недаром не стали там промышленную шахту бить. Далек и дорог... Но дядь Яша говорил: «есть». И место срисовал. Рисунок-то ясный чего не понять, а вот надписи не пойму. Я поначалу думал, зачем они надписи - то когда план перед глазами. Ан - нет, кака - то хитрость есть - не пойму. Ты по-немецки читаешь?

- Читаю. Только там, как я понял готическим шрифтом написано, старонемецким языком. Покумекать надо... А напарник твой прошлогодний, Храмов, куда подевался?

- Жена захомутала. Вези на материк и все! Два года без ягод, а то хоть в развод! А что мужику охоту, рыбалку порушила и все такое, то ей наплевать. Баба - существо неразумное! Ну и ехай себе, с детишками; - нет, обязательно надо мужика к юбке пристегнуть! А что ягоды! Трава... А ты - холостяк. Чем на материке пузо жарить, да рак кожи зарабатывать, здесь за отпуск, если повезет, еще две зарплаты сколотишь. За неделю. А уж рыбалка там! Ты такого и не видал еще!

Словцо «если» Лактионов выговорил тусклым, ничего не значащим тоном, как и положено такому неуверенному, шаткому слову, зато «повезет» выговорил с очным, вкусным баритоном и даже на е нажал, как пропел, Меер примолк и задумался.

На другой день - смена вахты. Вертолетом вылетели в поселок. Впереди 15 свободных дней. Почти отпуск. Вечером Лактионов расстелил перед Меером на столе "плант" - старый пожелтевший кусок кальки с четким рисунком тушью.

- Давай, Шура, разбирайся, а я пока ужин...

Меер взял в руки лупу. Из древних витиеватых готических букв проступило лицо бабушки, такое же цветом, как эта старая калька, увидел рядом с ней себя за столом у керосиновой лампы, старую Библию, по которой учил готику и младшую сестренку, заглядывающую через плечо.

Вспомнилась школа в дальнем чужом селе, он пятиклассник - чужак. И слово "фашист", брошенное сначала в спину, а потом и в лицо... И не по-мальчишески жестокая драка на переменке...

Кто-то из девчонок тогда "стукнул". Директор школы, высокий, суровый человек, оставивший на фронте правую руку, собрал тогда всех мальчишек для «мужского разговора», о том, кто такие немцы, и кто фашисты. От невеселых воспоминаний отвлек Меера голос Лактионова:

-Так по-немецки ли нет?

-Хитрый мужик был твой дядя Яша! План этот сам по себе ничего не значит, его надо наложить на карту-двухкилометровку и перегнуть по линии Север- Юг так, чтобы совпали эти две контрольные метки и точка, обозначающая высоту 412. Вот эти штрихи и точки - старые шурфы на склоне этой сопки. Там копать. Написано коротко: хороший камень.

Помбур принес карту. Наложит план, совместили контуры и контрольные метки и Лактионов воскликнул;

-Да, я там был! Там точно есть старые шурфы и ямины! Но я даже не копал. Вижу, в виде буквы У по всему склону нарыто значит пробные... А оно вона как...

Утром выехали. Десять канистр с бензином и два тридцатилитровых бачка тяжело оттягивали корму, лодка едва вышла на глиссер. Но погода стояла безветренная и впервые же сутки друзья "пробежали" почти 300 километров! До реки Амударки, где в охотничьем балке заночевали.

На следующий день пошел дождь. Река вздулась и почернела. С крутых берегов потекли светлые нити, у каждого притока, каждого ручья - водоворот из обломов дерева и грязи. Напарники установили над лодкой тент и продолжали путь.

Когда подошли к устью реки Самай - Дине, где собирались оставить лодку, оказалось, что вода поднялась настолько, что скрыла верхушки порогов. Лактионов сбавил обороты и повел лодку между бурунов и камней, искусно отыскивая фарватер. Меер с уважением поглядывал на затвердевшее лицо помбура, на крепкие руки, уверенно держащие руль, и ему вдруг стало жалко этого старого холостяка. Почему в пятьдесят два живет один? Почему не женился?? За таким мужиком баба, как за каменной стеной. Но вслух спросил:

- А назад как же? Камни - то?

Но Лактионов был спокоен.

-А почему знать, может опять в горах задождит. Рано об этом... нет, так самосплавом пойдем. Вырубим по шести - успевай камни отпихивать!

Поднялись по речке километров на двадцать. Наконец, перед большим порогом, зубья которого белым гребнем перегородили всю реку, остановились, вытащили да лодку далеко на берег и обложили якорь большими камнями.

- Все! Дальше пехом. Тут км с пятнадцать всего.

Но обещанные пятнадцать км растянулись, по мнению Меера, на все тридцать. Часов шесть карабкались сначала вверх по склону, потом сквозь низкий лиственничный лес, прошитый строчками елок, потом по вязкой, глинистой тундре. Когда, наконец, впереди показались полуразрушенные строения, Меер уже и ног под собой не чувствовал. А Лактионову хоть бы хны! Прет, как лось, и не оглянется. Двужильный он, что ли?

Два домика над ручьем имели вполне жилой вид, на одном, даже высилась мачта антенны. К нему и свернул Лактионов. У входа он скинул рюкзак, помог и Мееру освободиться, от ноши и принялся палочкой счищать глину, налипшую на сапоги. Меер потянул ручку двери на себя и замер.

В сенцах стоял двухметровый детина в камуфляжной форме и прегнусно ухмылялся в густейшую черную бороду. Карабин у него подмышкой казался игрушечным. Черный ствол дрогнул и уперся Мееру в живот.

Руки Меера сами собой поползли вверх и так, же медленно, изумленно поползла кожа на щеках и на лбу, а глаза стали такими выразительными, что детина в голос захохотал, чем несколько разрядил обстановку.

- А ну, вали на все четыре! - рявкнул он густым басом. - Не положено! Собственность Норильского Комбината. Охраняется!
- Меер засуетился и отступил на пару шагов.
- Да руки-то, дура, опусти, а то в штаны наложишь! - из дверей показался второй бородач с лысиной во всю голову.
- Мужики, да ведь ночь на дворе. Совесть поимейте! Дозвольте переночевать, а утром - наше вам! Не знали мы, что охраняется, извиняйте...- В голосе Лактионова не слышалось и следа волнения, он был так же ворчлив и негромок, как всегда, да же просьба прозвучала, как упрек между давно знакомыми людьми и совсем ошарашенный Меер подумал, что незнакомцы - давние друзья Лактионова.

Лысый с минуту разглядывал тяжелые рюкзаки и усталые лица гостей.

-Оружие есть?

-Ружье вон. - Лактионов кивнул на рюкзак.

-Давай сюда!

Лактионов молча расстегнул рюкзак и протянул лысому разобранную двустволку.

-Патроны!

Помбур, не глядя, бросил вверх пачку патронов. Лысый ловко перехватил на лету.

- Еще есть?

Лактионов пошарил в рюкзаке и бросил еще пачку.

- Еще есть?

Лактионов недовольно покрутил головой, но отдал и третью пачку.

- Ты че башкой – то крутишь? Че башкой-то крутишь, говорю! Раз ружья нет - на кой хрен тебе патроны? – в голосе лысого явственно слышалась угроза, - все отдал?
- Все! Проверь!
- Ладно. Вон тот балок. И чтоб завтра духу вашего здесь не было! Ружье утром верну.
- Ясно...

В балке сырость и нежилой дух. На заплесневелом столе невымытая посуда с остатками засохшей еды, огрызки, окурки, грязь.

- Свиньи здесь жили, а не люди, - облегчил душу Меер.
Молча собрал он посуду, прихватил чайник и опустился к ручью. Там он сорвал пучок осоки и принялся все перетирать с песочком. Лактионов занялся печкой.

Через полчаса в балке уже было тепло, прогрелись доски нар и, тонко запищал чайник.

Напарники раскатали на теплых досках спальники, Меер открыл консервы, нарезал сала и хлеба. И тут в дверях появился рослый бородач и с порога уставился на бутылку "белой" в центре стола.

- Соточку примешь? - перехватил его взгляд Лактионов.
- Это можна...

Выпили по сто, поговорили о погоде. Еще по чуть-чуть, еще о. погоде. О прошлогодней. Помолчали, и Лактионов предложил вдруг, будничным тоном:

- А че, мужики, мы ведь на недельку всего. Комбината с того не убудет, а мы б вам часть оставили... Скажем, двадцать процентов. Как?

- Щас узнаю. - Бородач поднялся.
- Бутылку возьми. Друга угостишь. - Лактионов сунул водку в лопатообразную ладонь, и бутылка исчезла, как растворилась. Бородач неслышно прикрыл дверь и так же неслышно исчез, как появился. Даже песок не скрипнул за окном.

- Ну, ты нахал, Капитоныч, ну, ты даешь! - восхитился Меер.
- Тока так! Охрана там! Такие ж гаврики, как мы с тобой, понаглее тока. Помешали им, вот и гонят... Лопата в сенцах - глина не обсохла, ножи самодельные, рожок на карабине напаян. Охране вое казенное выдают.

- А форма?
- Ты ж глянть. Новье! Складки не разгладились. Нас узрели - надели. Да и форма щас - любой покупай, носи, никто слова не скажет!
- Глазастый!

- Поживи с мое? «Рыжик» моют, да мы помешали...

Вошел лысый бородач.

- Потолкуем?
- А че толковать. Тут дело простое. Неделю мы копаем камушки. Пятая часть вам. И разбежались. Вы нас не знаете, мы вас не знаем!
- Три дня? Камни пополам. Если нет - утром выметайтесь!

Лактионов с минуту размышлял для большего весу.

- Лады! - и, когда бородач вышел;
- Ну и мурый этот мужичок, ну и мурый, прям клещ!

С утра Лактионов и Меер прилежно зарылись в землю на - склоне высоты 412. Тундра здесь оттаяла почти на полтора метра, и Меер скоро скрылся по плечи - только лопата взблескивала. В крупнозернистом песке гнездами попадались камешки невыразительного зеленого цвета - крупные и помельче. Меер набрасывал их в таз, и относил Лактионову. Тот промывал в решетке с мелкой ячейей. Среди щебня и дресвы взблескивала на дне решета тусклая мокрая зелень.

- Ну, как? – интересовался после каждой новой промывки Меер, наблюдая как напарник

трясет решето, выбрасывает породу, а зеленые камешки: три, пять, семь после каждой промывки, складывает рядом на ржавый железный лист.

- Оливин идет, - недовольно ворчал Лактионов, демонстрируя угловатые и некрасивые зеленые камешки, ты давай, давай, чтоб я не ждал тебя. Как ювелирка пойдет, позову,

К вечеру набрали килограмма полтора-два, «путних» камней, по мнению Лактионова не было. Так, на бусы только...

Меер приуныл:

- И ради такой вот херни тащились в даль несусветную? Тратим, отпуск, бензин, гробим мотор, и лоб под пули подставляем? Да куда проще - разбил бутылку, обточил осколки – вот тебе и хризолит! Сдается мне, или дадь Яша твой загнул чего-то, или не там копаем.

- Ты не суетись, еще не натаскались на настоящий камень. Там красота. Глаз радуется!

На второй день Меер начал новую траншею и после первой же промывки Лактионов позвал негромко:

- А ну, Шурик, подь сюды!

На ладони помбура, лежал зеленый камушек. Чем-то он неуловимо отличался от виденных Меером ранее. Тракторист взял меж пальцев эту крупную фасолину, повернул к свету и радостный зеленый луч, яркий, как весенняя зелень, полоснул по зрачку.

- Ювелирка, - уважительно заметил Лактионов, - конечно, обточится - меньше станет, но все равно уже - класс!

Воодушевленный Меер экскаватором вгрызся в грунт. Вечером, после ужина, в желтом свете свечи, рассматривали камешки. Зелень янтарно отсвечивала и казалась живой и таинственной, а скуластый Лактионов с лупой в корявой, руке волшебником из арабских сказок.

- Что? Годятся? - В который раз интересовался Меер.

- Трещины. Микротрещины... Хороших мало...

- Эх! Завтра последний день! Не могли, жлобы, недельку дать! Сколько б накопили!

Лактионов тяжело глянул на Меера:

- Даже не день. Полдня. Уйдем сразу после обеда!

- Ну-у.. Как? А этим отдать?

- Отдать, отдать! - передразнил его Лактионов, - ты что, вчера родился, или пальцем деланный? Все отберут, ничего не оставят!

- Договаривались же!

- До-огова-аривались! Карабин - вот и весь договор! Ишачим на них - рожи вспомни. А ты бы как поступил, если два "лоха" сами в руки идут?

- Отдал бы, как условились. Меера вдруг неприятно поразила мысль, что помбур Лактионов, которого он знал уже пять лет, не так прост и в душе оправдывает грабеж "лохов". Единственное, что ему не нравится - самому быть в роли "лоха".

- В общем, уходим после обеда, - тихо и твердо командовал Лактионов, - дрыхнут они сейчас, я заметил. Раму выставим, а до ручья-то всего сто метров. И - адью! Так что, давай, парень укладывай рюкзак, там некогда будет.

Меер, намахавшийся за день киркой, вскоре крепко заснул, а Лактионов все ворочался о боку на бок. Вскоре он встал, нарочито громко брякнул чайником, со скрежетом открыл дверцу печки, подбросил дров. Меер не проснулся.

Тогда Лактионов быстро отсыпал примерно треть камешков из мешочка себе в карман и вышел во двор. За дровяным сараем у него была припасена полоска старого "сталинского" брезента, оторванная от ближней палатки. Полоска эта от времени и непогоды стала тонкой и мягкой, но была еще достаточно прочной. Лактионов высыпал на нее камешки и скатал полосу в длинную плотную колбаску. Колбаску эту подвязал себе под колено поверх резинового болотного сапога и отпустил отворот.

«Вот так, ребята. Ни шурикам, ни мурикам, а Станислав Капитонычу! Я тут первый был, я это место надыбал, мне и доля по праву первая! От этих уйдем, а ты, Шурик, звиняй, хватит тебе по первачке, и того, что потом пополам поделим. А на будущий год посмотрим...»

Утром напарники раненько встали, быстренько поели завтрак и в половине седьмого уже были в "карьере".

Камень, как назло, шел красивый, да крупный. Меер только кряхтел уважительно, глядя, как после каждой промывки Лактионов отсыпает в мешочек то семь, то восемь, а то и все десять камешков.

- Эх, жлобы! С недельку бы тут... Озолотиться можно!
- Не скули! Вернемся на другой год, а щас - дай Бог ноги!
Часам к двенадцати набрали килограмма два.
- Пошли, пора! - Лактионов отставил решето в сторону и пересыпал с ладони на ладонь камешки последней промывки, не все чистой воды, но в общем, и целом с килограмм ювелирки набрали. Уже не зря. За три дня совсем неплохо!

Обедать не стали. Съели по куску засохшего хлеба, и запили холодным чаем. Лактионов сунул Мееру топор.

- Постучи во дворе, с понтом дрова рубишь. Пусть видят - дома!

За ними, и правда, наблюдали. Дважды зыркал помбур через щель в дверях на окно напротив и дважды замечал за ним белое пятно лица.

Меер оторвал старую доску от сарая напротив и добросовестно нарубил полное беремья дров. Подбросил в печку, положил сверху кусок рубероида, чтоб дым.

- Нате вам!

Окно Лактионов уже вынул. Напарники помогли друг другу надеть отощавшие рюкзаки.

- Присядем на дорожку. Ну, Господи, пронеси! Лактионов перекрестился. Меер, редко задумывавшийся о существовании Всевышнего, сделал тоже же самое.

Тихо перешагнули, через низкий подоконник и, прикрываясь избой, как щитом, спустились к ручью. Скользнули по песку обрыва и разом исчезли из вида. Поначалу бежали, прыгая по камням, затем ходко пошли напрямик, по болоту, проваливаясь чуть ли не до колен. Отмахали уже с полкилометра, когда сзади как ладошкой стукнули по воде, и раздался раскатистый звук. Оба разом оглянулись.

Высокий бородач припал на колено на берегу, лысый колобком катился сверху. Вторая пуля цвикнула в воздухе, третья расплющилась о камень рядом.

- Во дурень! - возмутился Меер, - так и попадет!
- Ни хрена. Был бы умный, стрелял с упора, а так наддай, наддай Шура, счас главное - ноги! Но Меер вдруг крикнул:
- Ты глянь на него!

Лактионов тоже оглянулся. Было видно, как лысый вырвал у стрелявшего карабин и отбросил его в сторону, а затем вдруг засвистал беглецам вслед. Громко. Ухарски – весело.

- Свищи, свищи Соловей - Разбойник! Просвистал свое, теперь не возьмишь! - Лактионов враз повеселел.

Вдоль берега опять пошел плотный грунт и беглецы, все - таки напуганные, припустили бегом и скрылись за поворотом.

А возле опустевшего балка высокий напирал на лысого:

- Ты чего? Ты чего, а? Я их достану! Достану, говорю!
- Из-за горсти камней мокрушничать? Еще чего! Пошли, покажу! - Лысый резко повернулся и зашагал к избе.

Когда высокий с карабином в руке, пыхтя от возмущения, зашел в балок, он увидел лысого у стола.

Одним движением тот смахнул на пол чашки-ложки и расстелил карту.

- Глянь сюда!

Палец лысого прошел вдоль голубой нити ручья, следуя всем его изгибам, и уперся в крутой поворот километрах в трех от избы.

- Видишь? - Высокий бородач, существо сколь волосатое столь и недалекое, промолчал. Не доходило.

- Они по ручью. Здесь он горку огибают. А мы - прямо! Им пять км. Нам - меньше трех. Тут и перехватим. Все заберем! Давай ружье, пошли!

- А чего свистал тогда, чего свистал, как позорник?

- А чтоб успокоились-посмеялись. Надурили, мол. А мы - как снег на голову. Увидишь - очумеют!

- Голова-а...

Взволнованный удачным бегством, Лактионов припустил вдоль ручья, как спугнутый лось. Меер опять едва поспевал за ним. Весело прыгали напарники с камня на камень, да с кочки на кочку, на ходу срывая крупную прохладную морошку. Рюкзаки не давили, солнце смеялось, душистые ягоды освежали дыхание. Что еще надо человеку на данный момент? Вот спешит только помбур, не дает вдосталь ягодой насладиться.

«Ямщик, не гони лошадей...!» - мурлыкал про себя Меер, - раз за разом, отправляя в рот крупную нежнейшую морошку.

"Нам некуда дальше спешить..." - откликнулось эхо от ближнего, валуна и даже добавило: "там-там, тарарам!"

Необычное поведение эха не насторожило Меера, но вот интонация песни была явно издевательской, и подсознание сразу это отметило. Рука, срывавшая ягоды машинально сжалась, давя оранжевую плоть, и тут до слуха донеслось мелкое подленькое хихиканье и Меер застыл, как вкопанный.

У валуна, на теневой стороне ручья, стояли, как из - под земли возникшие "охранники" и белозубо ухмылялись навстречу. Лактионов, шедший поодаль, резко повернул, собираясь дать деру, и тут же хлопнул выстрел. Пуля щелкнула о голыш справа, и запела в воздухе. На камне остался красивый восклицательный знак. Лактионов шарахнулся в другую сторону, и тотчас вторая пуля оставила белую черту на камне слева.

- Кончай баловать! Так и сапоги продырявишь! Ходи потом с мокрыми ногами, - ворчливо заскрипел Лактионов, - вода холодная, простуда вмиг цепляется?

- А я те щас - третью таблетку! От простуды. Вмиг все болячки забудешь!

- И надолго о - насмешливо добавил лысый.

- Ну, суки! Н-н-ну с-с-суки, все ж так, накололи! - Лактионов сорвал вязаную шапчонку и с силой шмякнул ее о камень. Ладно, забирайте ваши проценты!

- Земеля, да ты молодец! - восхитился лысый, - в другой раз беру в напарники! Проценты говоришь? А ну, вытряхай все как есть, да живо, живо!

Лактионов нехотя, с расстановочкой, развязал рюкзак и молча протянул бородачу плотный холщовый мешочек.

Тот передал мешочек лысому и любопытствовал:

- Чего дернули-то? Договорились же - пополам!

- Так ведь все равно отобрали б!

- Уж это бу спок! Зато по - культурному, без нервов, А то бегай тут за ними! Уморили!

- Прощевайте, земляки, да впредь не в свое место не суйтесь! Ну, давай, давай, - и лысый стволом карабина показал направление вдоль ручья.
  - Ружье отдайте - взмолился Меер - номерное. Объясняй потом ментам чего, да как!
Лысый с минуту подумал.
  - Менты нам ни к чему. Отдай им, паря, ружье. Я сегодня добрый!
Бородач переломил двустволку, вынул патроны и протянул ружье Мееру.
  - И патроны отдайте. У нас харч на исходе, а "идти" почти 400 км. На то и брали.
  - Ладно, отдай...- Лысый был само благодущие.
Бородач отдал оба патрона, пошарил в кармане и отдал еще три.
  - Все!
  - Так мы ж три пачки давали! - Возмутился Меер.
  - Прикажете за ними назад бежать? – угодливо - пискливо всполошился здоровяк, - погоду, я шас, тока пописаю!
  - Кончай скоморошничать! - Прервал лысый - А ты не балуй, не балуй, твой рот под носом!
- заорал он вдруг на Меера, видя, что тот открыл ружье и пытается вставить патроны.
Дергайте, пока я добрый. Ну!
  - Лактионов и Меер зашагали прочь.
  - Будете в Норильске, заходите прямо наискосок! - хорошим людям завсегда рады! - прокричал в согбенные спины бородач, но ограбленные напарники даже не оглянулись.
-

Спуск к реке занял менее двух часов. Лактионов так надал, что Меер едва поспевал за ним. На ягоды больше не обращали внимания. Молчали. Только светился впереди возмущенно - красный затылок Лактионова, да трещали сучья под ногами. Лишь раз Лактионов полуобернулся и тяжело вздохнул:

- Не дай Бог, и лодку кто-сь увел... Вот будет яма, так яма! Ближний балок за 30 км и на той стороне реки...

Лодка оказалась на месте. Лактионов сходу скинул рюкзак и присел на борт, бессильно свесив руки. Меер глянул на помбура. и поразился внезапной перемене в нем. На Капитоньче, что называется, лица не было. Он походил на проколотый футбольный мяч, обмякший, ни на что не годный. Сквозь кожу лба и щек проступили морщины, а взгляд стал, как у побитой собаки.

- Не переживай, Капитоньч! Хрен с ними, с камушками! Честно тебе скажу: копаю, копаю, а вроде, как вор, вроде, не мое это. Вот отъедем чуток, найдем место, порыбачим от души - это дело!
- Что-то ты там этого не говорил, - медленно произнес Лактионов.
- Жадность одолела, а шас, поверь слову, и на душе легче!
- И в кармане...- язвительно, добавил Лактионов. Но Меер уже не слушал: он гремел камнями, освобождая якорь, затем пропустил, веревку сквозь проушины всех канистр, пустых и полных, закрепил веревку на обоих бортах лодки, вынул топор, из чехла, срубил две листовнички на шести, очистил их от веток, подровнял торцы и все это, не снимая полупустого рюкзака с плеч, о существовании которого, кажется, позабыл.
Лактионов не без любопытства наблюдал за действиями напарника, но с места не тронулся. Инициатива на глазах переходила к младшему, а самолюбие молчало... Колбаска с камешками была на месте, легко прощупывалась сквозь отверстие сапога, но никакой радости от этого он не испытывал.
- Зачем же канистры нанизал? - лениво спросил он Меера.
- А ты глянь на реку. Вода, вишь, чуть не на метр спала. Не дай Бог, перевертыш... Тогда канистры держат. «Купался» я как-то, знаю...

Столкнули лодку в реку. Меер с шестом в руке, сел на нос лодки, свесив вниз ноги и крикнул:

- Капитоньч, стой по центру, подле мотора, будь на подхвате. Вдруг у меня шест соскользнет или чего, тогда ты...

Стоять во весь рост в вихляющейся лодке опасно, и Лактионов опустил на колени подле работающего на самых малых оборотах мотора с шестом в руке, зорко вглядываясь в набегающие мокрые лбы камней.

С пол часа удачно шли по фарватеру, Лактионов лишь изредка трогал румпель, на градус - два меняя направление, но, когда подошли к большому порогу, и вода за бортом закипела, Меер промахнулся: мокрый шест скользнул по мокрому камню, лодка со скрежетом вылетела боком на плоский "лоб", медленно встала на бок и перевернулась.

Напарники, оба хорошие пловцы, враз оказались в воде.

"Только б не головой!" - успел подумать Лактионов, как уже холодная вода перехватила дыхание и стремительно потянула вниз. Он сильно ударился локтем о камень, от камня же оттолкнулся, вынырнув, успел сделать вдох, и его снова накрыло.

С Меера бешеным течением сорвало сапоги, закрутило и понесло, как щепку. Он сжался в комок и его, как чурбан, пронесло по самому фарватеру, чувствительно ударяя о камни. Почувствовав чуть ослабевшее течение, он вынырнул, глотнул воздуха и рванул в сторону спасительного берега, до которого и было - то всего метров двадцать. Непонятная тяжесть давила на плечи, он успел сделать всего несколько взмахов, вырваться из белой струи стрежня, как с новой силой потащило вниз. Ноги вскоре коснулись дна, и он тогда понял, что это рюкзак давит на плечи, что это рюкзак наполнился водой, и не дает вынырнуть. Он задергал плечами, пытаясь сбросить смертельную тяжесть, но проклятый мешок как прилип - не оторвать!

Молодой и сильный, полный неукротимого желания жить, он так и выполз на берег по дну и, когда выпрямился, не в силах больше сдерживать дыхание, вода была уже по пояс.

Радостно, шумно дыша, выволоч он свое отяжелевшее тело на берег и тут понял, почему не снимался рюкзак: поперечная лямка, стягивающая оба ремня на груди, была застегнута намертво! Сам купил себе такой рюкзак в спорттоварах...

Сходу сбросил Меер рюкзак на землю, - он тут же треснул по шву от удара - и освободился от намокшей тяжелой куртки. Глянул вдоль реки.

Лодку, килем вверх, несло метрах в ста от него, чуть сбоку от центральной струи стрежня, ближе к этому берегу махнула и скрылась человеческая рука. Еще взмахнула и скрылась.

- Капитоныч! Ка-а-питоныч! Держись, Капитоныч! - Меер стремглав понесся вдоль берега, на ходу подхватил листовничную сушину, обогнал лодку, величаво качавшую мокрым бортом, и снова вошел в воду.

Вот опять показалась рука с растопыренными пальцами, и Меер подался вперед и, как гарпун, вонзил в воду сухой листовничный ствол. Зацепил и потащил, потащил на себя тяжелый черный клубок, понемногу выходя из воды. И, когда треснул сучок, бросился назад, в воду, и успел, успел схватить за ворот энцефалитки и выволочь на песок чугунное тело напарника.

- Капитоныч! Капитоныч! Не умирай, Капитоныч... Капитоныч, миленький, - ну, говорю тебе, ну... - только что собранный в комок, Меер совершенно растерялся от вида мертвенно бледного лица со свежим синяком в углу лба и сразу забыл все способы оказания помощи утопленникам.

И Лактионов будто расслышал. Тело его содрогнулось, колени подогнулись к животу, и он со стоном перевернулся лицом вниз. Тотчас изо рта его и носа хлынули темные рвотные массы,

с водой и кровью, и Меер с несказанной радостью услышал хрипкое дыхание загнанного зверя.

Сквозь багровый туман проступил свет. Затем черные берега, красные скалы, зеленый лес... Затем мокрое, бледное лицо Меера его дрожащие губы и, радостно - испуганный взгляд. Затем лопнула пленка в ухе, и Лактионов услышал гул реки и собственное хрипкое дыхание. Он увидел себя прислоненным к валуну. Левая нога, босая и красная, пламенела на черном песке. На правой крепко держался резиновый сапог, тот самый, крепко перетянутый под коленом брезентовой колбаской...

"Господи, стыд-то какой... Стыд, то какой, Господи... Тут смертушка рядом, а ты камни прячешь, дуришь напарника... За это знаешь, что полагается, знаешь, что надо за такое. А вытащил бы, Шурка, если б знал?"

А Шурка уже привел в себя и действовал. Минут на пять он исчез, а когда появился снова, помог Лактионову встать, перекинул его левую руку себе за шею и так, шлепая гусиной красноты ногами по влажному песку, отвел Лактионова метров за сто в лес, и уложил на мягкий, лапник, на изголовье из сухого мха под раскидистой отарой елью.

Лактионова колотил озноб, сквозь полуприкрытые веки он молча наблюдал за напарником, не в силах сказать ни слова. К чему вся эта суета? Впереди холодная ночь. По утрам подмораживает, обогреться негде, до ближайшего балка 30 км и он на той стороне реки. Мученье только. Лучше б в воде оставил, уже б отмучился...

Но что это? Меер попрыгал на одной, на другой ноге, вытряхивая воду из слуховых, проходов, растер негнушиеся руки, расстегнул сколотый булавкой нагрудный карман мокрой, в облипочку, рубашки и вытащил нечто, завернутое в несколько слоев полиэтиленовой пленки. Развернул это нечто и озорно потряс у Лактионова над ухом.

Спички! Волшебнo брякнули спички! И нет лучше звука и на всем белом свете!

Через минуту от кучки веточек повалил синий дым, горько запахло жженым деревом и горячей смолой, взметнулось вверх рыжее пламя и - вот, он, огонь, дарующий тепло и жизнь!

Лактионов до боли сжал веки, но слезы все же выкатились и горохом потекли по щекам. Он застеснялся и прикрыл лицо рукой, как бы от дыма, но Меер и не смотрел на него, суетился у костра.

Как хорошо иметь напарником тертого, битого мужика, знающего, почем фунт лиха! И даже нож, даже нож, сохранился у него на поясе!

- У меня и рюкзак цел! - радостно крикнул ему сверху Меер, заметив, что Лактионов любовно отлаживает взглядом нож, - там жратва остальная. Сухари, сгущенка, шоколад, орешки! А как я с воды вылез, как вылез! М-ш-м! Щас расскажу, не поверишь! Погоди чуток! - и он побежал вдоль берега, прихрамывая, мелькая худой мокрой спиной.

"Как же ты, паря, с рюкзаком на плечах из воды вылез?" - хотел крикнуть эму Лактионов, но по горлу лишь прошла судорога, речь еще не давалась. Тогда он подполз поближе к костру и левой рукой с великим трудом снял правый сапог вместе с заначкой. Хотел бросить в огонь проклятую колбаску, но потом подумал, что Меер заметит и спросит - объясняй, потом, - и лишь спрятал колбаску в изголовье. Рядом плясало пламя, трещали мелкие веточки, как трещит плитка шоколада в твердых усталых руках, Лактионов сглотнул слюну, - будем жить, будем жить, мужики!

...Меер тащил в одной, руке развесистую корягу, а в другой рюкзак, волоча его за лямки прясло по камням. Молча бросил он вещмешок у костра, пододвинул к огню корягу,

стал раздеваться и вешать одежду на раскидистые, обломанные ветви.

Сушись и ты, Капитоныч, плакал наш ужин... Лактионов бросил взгляд на темный ком рюкзака и тут заметил, что тот распорот не только по шву: светло-зеленые ресницы свежего разрыва бахромой свешивались в дыру между лямок. Ткань сплошь перемазана чем-то белым, - зубной пастой, что - ли? И даже как бы прокусана, как бы пожамкана зубами здоровенной собаки ...Медведь!

- Эх-х-х! Шоколад, сгущенка, сухари? Сухари белые, в три пакета увязал, как знал, что в воду попадут! Все, нету! Пожрали, зверье бесстыжее!

- Поехали, говорит, на Самай - реку! Там то, там се, там горы златы, там камушки зелены...! Отобрали! Все отобрали! Те жлобы - камни, река - лодку, медведи - жратву остальную. Вода чуть жизни не лишила. А он: тишина, лось не пуган, олень не считан, таймень дуром прет! Возьми его теперь тайменя - даже леску эти поганцы так запутали, - без бутылки не разберешься! Меер зло пнул ногой глубок зеленой лески - миллиметровки, невероятно запутанный, похожий больше на кусок зеленой тины. После такого купания жрать хочется, аж зубы ломит, а тут - хоть кору грызи! Нет, Капитоныч, ты вообще!

Лактионов не обиделся на эти попреки, так похожие на его собственное ворчание. Меер помог ему раздеться, и он тоже развесил одежду на коряге. Какое все-таки чудо-огонь! Оба обогрелись, обсушились, пришли в себя. Лактионов тихонько прокашлялся, попробовал голос - все на месте. Еще бы, что на зуб положить! Толкаясь у костра, помбур наступил на выпавшую из рюкзака сплюсненную крепкими: звериными зубами жестяную коробку. Не без труда открыл ее здоровой рукой и увидел целое богатство: тройники, крючки, жерлицы, лесы, блесны и прочую рыболовную снасть.

- Саша, твоя коробка?

- Тот глянул улыбочиво: впервые его назвали Сашей. - Ну!

- Тогда давай с леской разбираться, без ужина не будем. Вдвоем за полчаса отмотали метров с двадцать лески, Меер заметно повеселел.

- Мыша умеешь делать, тракторист знаменитый?

- Приходилось.

- Тогда давай. Таймень - рыба ночная, как раз успеем. Через полчаса симпатичный "мыш" из мехового воротника куртки, снабженный крепким тройником вместо хвоста, был готов. Еще через полчаса Меер принес двух пятикилограммовых таймешат.

- Хватит, Саня, давай чистить, я одной рукой никак!

- Погодь, Капитоныч, масть пошла, не делай из жратвы культа, щас еще пару заарканю - тогда! Кто знает, сколько нам, тут валандаться, лишними не будут!

Он убежал на облюбованный им большой валун на берегу, а Лактионов разодрал высохшую рубаху, сделал себе повязку на больную руку и пошел босиком в лес за хворостом. И сразу же натолкнулся на остов разрушенной избушки.

Темные бревна вразнобой торчали из зарослей голубики и красной смородины, метрах в десяти от избы в густом молодом ельнике могилка с целой еще оградкой, еще чуть выше по склону - остовы сарая и коптильни. Лактионов молча подошел, постоял у креста, отыскивая надпись. Но никакой надписи не оказалось. Жил здесь человек, рыбак и охотник, часть этой природы, и этого леса, и умер, когда пришло его время, а имя его осталась лишь в сердцах знавших его людей.

Лактионов обошел разрушенную избушку кругом. Во мху тускло блеснул черный предмет. Помбур наклонился и вытянул из сфагнома детский резиновый сапжок. Голенище, истрепанное годами, ветрами и морозами стало рыхлым и хрупким, треснуло и раскрошилось

в руке, но нижняя часть блестела, как новая. Помбур медленно повернул сапожок в руке, стряхнул мох и травинки, тяжело вздохнул и сгорбился, задумавшись.

Точно такие сапожки он купил когда-то своему пятилетнему Славке... Сколько воды утекло с тех пор! Двадцать два года! Последний раз он видел сына десять лет назад, на выпускном вечере в школе. Сын не чурался отца, но разговора по душам не получилось... Изредка писали друг другу. Потом письма сошли на нет, их заменили телеграммы ко дню рождения, да редкие денежные переводы со стороны отца. С глаз долой, из сердца вон...

Лактионов осторожно поставил сапожок на влажный мох. Сын Славка... Сейчас ему двадцать семь, как Сане Мееру. Два года назад он женился, год назад Лактионов стал дедом...

Не успел помбур с охапкой, хвороста вернуться к костру, как услышал истошный вопль Меера:

- Капитоныч! Ка-апитоныч! Давай сюда!

"Опять медведи!" Лактионов схватил здоровенный сук и ломанулся сквозь кусты, забыв о большой руке. Выбежал на широкий плес и тут увидел, что опоздал.

Зеленое колесо спины и широкий, как лопасть хвост, - мелькнули в воздухе, таймень красиво изогнувшись, ушел в воду, смачно шлепнув на прощанье Меера по щеке.

Отплеываясь, восхищенно ругаясь, тот выходил на берег, по-собачьи мелко дрожа, от вторичного за день купанья.

- Во какой дурак здоровенный! Крокодилина метра с два? Ка-ак дернет, и стащил меня как пушинку. Плыву, ору, леску держу? Выволок его поближе, но он как почувал камни - леску выдернул! Я его руками - куда там!

- Жадность фраера сгубила! - говорил тебе - хватит того, что есть! Нет, - как пацан!

Меер отогрелся у костра и принялся потрошить таймешат, уже потерявших цвет жизни, блеклых, серых, как пепел. Красное рыбье мясо нанизывали на ивовые ветви, жарили на углях, как шашлык. Запивали свежину из единственной помятой кружки, по очереди прикладываясь к душистому отвару из еловых игл и листьев красной смородины.

Высыпали крупные, с кулак, звезды. Меер, которого не мучили ни большая рука, ни беспокойная совесть, сразу заснул на постели из лапника, укрывшись высохшим тряпьем, засунув ноги в оторванные рукава куртки.

Лактионов нашарил брезентовую колбаску в изголовье и вышел на берег. Размахнулся и, что есть силы, запустил камни в синий туман над водой. У костра завернулся в тряпье и крепко, спокойно заснул. Под утро приснился ему сон: старый сморщенный дедок, сидя у разрушенной избушки, показывал рукой вниз по течению: «зачем лодка не берешь, нуча? Лодка вот он, совсем близко, однако!"

К утру похолодало. Ударил легкий морозец и превратил росу в стеклянные камешки, сияющие нежнейшим тихим светом. Высоко на скале, подожженные невидимым солнцем, загорелись лиственницы, молочно засветились утесы, зеленые нити ручьев упали в синюю реку. Ни ветерка. Тишина. Покой.

Меер проснулся от холода и от чувства внутреннего дискомфорта, какое испытываешь в электричке, когда кто-то, долго и упорно смотрит тебе в затылок. Эх, как ни сладко и тепло в ямке из мягкого мха, а надо подниматься, оживлять костер! Он повернулся набок, протянул руку к куче хвороста и так, полу проснувшийся замер,

У костра чуть тянувшего дымком, сидел крупный медвежонок – пестун, и внимательно смотрел на человека желтыми звериными глазами. То так наклонит голову, то - сядь, как пес любопытный. Его черный влажный нос презабавно шевелился, вбирая незнакомые запахи, а правая лапа все цапала, и тянула к себе теплую живую синюю струйку дыма. Очевидно, решив, что странное существо несъедобно и не представляет опасности, он перестал обращать на человека внимание и заковылял к лохмотьям рюкзака, под которыми на чистом мху лежали оставшиеся с вечера куски рыбы.

Меер обиделся, схватил сук потолще и собрался прогнать нахала, но Лактионов ухватил его за руку и хриплым со сна голосом объяснил:

- погоди! Тут где-то мамаша рядом! Сначала костер! Лактионов принялся подбрасывать в костер мелкие веточки и раздувать огонь, а медвежонок уселся неподалеку на плоский камень и принялся уписывать за обе щеки вкусный завтрак.

Меер не выдержал, бросил в медвежонок мелким камешком и закричал:

- И ты грабить! Все вы тут - одно жулье! А ну, отдай рыбу, твой р-рот под носом!

Вспыхнули веточки и мелкие сучья, костер ожил и стрельнул вверх лисьим хвостом. И вовремя. Из леса бесшумно выкатилась медведица со вторым медвежонок, глаза ее испуганно, совсем по-человечески округлились, бурая шерсть на загривке, обильно посыпанная опавшей хвоей, встала дыбом, медведица резко остановилась и зарычала.

- Не двигайся! - шепнул Лактионов, - никаких резких движений! Если что, - хватаем по головешке и ей в морду!

Но медведица опять зарычала и, медвежонок рядом с ней испуганно бросился назад в лес, высоко вскидывая толстый, зад. Медведица, внимательно наблюдая за людьми, прошествовала к первому медвежонок, толкнула плечом. Нехотя последовал тот вслед за мамашей в лес, но с полдороги вернулся, нашел во мху последний кусок рыбы и опять принялся вовсю чавкать. У Меера аж скулы заходили. Он встал у костра во весь рост и принялся выискивать головню подлиннее.

В два прыжка оказалась медведица рядом с непослушным дитятей, звучный шлепок по мохнатому заду. Медвежонок заскулил и на этот раз побежал рядом с матерью, смешно косолапа черными пятками. Звери юркнули в заросли, и кино кончилось.

- Плакал наш завтрак! - Меер обернулся к Лактионову, глаза его смеялись, - впервые так близко вижу "босых". Забавные ребята! Не грусти Капитоныч, щас еще наловлю!

- Не наловишь, таймень днем почивать изволит. Разве шальной, какой... Теперь до вечера.

- Перетерпим! Как рука, Капитоныч?

- Терпимо, надо топать!

Лактионов оторвал от энцефалитки рукава и Меер помог ему замотать ноги. Надолго ли хватит такой обуви неизвестно, только идти босиком по едва обточенному водой щебню берега горной реки просто невозможно.

За первым же поворотом оба враз остановились. Невдалеке, на самом стрежне; покачивалась лодка вверх килем. Якорный фал с носа круто уходил в воду, белая кайма пены облепила борт.

- Ну, Капитоныч, кажись, пруха пошла! На такое везенью я не рассчитывал!

- Не лезь в воду, - не обычно тихо попросил вдруг Лактионов, - холод такой... Бог о ней с лодкой.

- Не боись, Капитоныч, я себя знаю. Нырять за якорем не стану, на течении навряд отцепишь. Я фал перережу. Но сначала, сначала надо ее привязать за какой камень потяжелее. Пошли, Капитоныч, опять леску разматывать.

Леску на этот раз разматывали быстро. Меер привязал ее за дерево и лихо сплел втрое. Спустился метров на сто ниже по течению и разжег там, у воды костер. Разделся и сложил у костра одежду. Перетянул голый живот ремнем и прицепил нож. Вдвоем выкорчевали из плотного песка тяжелый камень, за который Меер привязал сплетенную втрое леску.

- Рукой тебе нельзя, Капитоныч, ты перекинь за спину и держи всем телом. Главное - первый рывок, как я фал обрежу. Я уцеплюсь, буду подталкивать, как смогу. Главное, чтоб опять на стрежень не вынесло...

Меер забежал вверх по течению и бросился в воду. Его рыжую голову накрыло водой. Был человек и нету! Лактионов перекрестился, и губы его сами собой зашептали "Отче наш" — единственную, заученную со слов бабушки в дальнем - далеком детстве молитву, начисто, казалось, позабытую...

Но вот вынырнул мокрый красный ком, два-три взмаха белая рука прорезала белый круг пены, и вцепилась в борт. Есть!

Накрепко привязав лесочный шнур за ручку на корме лодки, Меер, перебирая руками по борту подплыл к носу. Сверкнул нож, и Лактионов, по - бурлацки державший лесу на плече почувствовал крепкий рывок. Лодку стало разворачивать, за несколько коротких мгновений Лактионов успел выбрать метра четыре лесы. Меер, держась обеими руками за край борта, изо всех сил молотил в воде ногами, поднимая фонтан брызг.

Тихо, нехотя, отпустила центральная струя стрежня свою добычу. Еще минута и разбитый вдребезги мотор скребанул по камню, и лодка тяжело легла мятым бортом на черный песок.

К середине дня выкатились из устья Самай - Дине в большую реку. Мощное течение легко подхватило лодку, напарники смогли, наконец, опустить шесты и отдохнуть. Лактионов расстелил на полянке лодки свою энцефалитку, да укрылся курткой Меера и задремал. Меер зорко вглядывался в крутой правый и пологий левый берег? Какое дикое, пустынное, древнее место! Сколько света, тишины, и покоя! Как много простора и синевы!

... До устья Амундарки осталось совсем немного. Там продукты, чай, сахар... Может, и опорки, какие същутся на ноги, а то без обуви оой как плохо...

На левом берегу медленно развернулась панорама дельты небольшого притока, в ближнем рукаве дельты лодка – долбленка и в ней рыбачка, поднимающая сеть. Фарватер, как нарочно, повернул влево, лодка, попав в перекрестие струй, закружилась, медленно пошла к берегу и ткнулась носом в песок. Меер, вместо того, чтобы оттолкнуться шестом и продолжать плавание вдруг выскочил на берег и подтянул лодку повыше. Впоследствии он и сам не мог сказать, зачем это сделал.

Рыбачка уже шла навстречу, стяхивая с рук светлые капли. Это была девушка лет двадцати, скуластая, смуглая, но золотоволосая и с совершенно зелеными глазами! Зеленый цвет будил свежие, не очень приятные ассоциации. Лицо парня было, очевидно, довольно выразительным, потому что девушка вдруг заулыбалась, а потом и легкий смешок сорвался со свежих губ - она увидела оригинальную "обувь" незнакомца.

На одно мгновение остановились друг перед другом. «Рыжий, рыжий, конопатый», смешной и растерянный, и юная рыбачка с русалочьими глазами. Но миг этот запомнится обоим на всю жизнь.

Затем девушка перевела взгляд на лодку: разбитый мотор, мятые борта, пустая рама вместо лобового стекла, пожилой мужчина, укачивающий больную руку. Посерьезнела.

- Ходить ваш друг может?

- Конечно, рука только...

- Идите вдоль берега. Тут, сразу за поворотом чум. Я поплыву, рыба у меня. Пока!

Напарники вытянули лодку еще выше, и Меер привязал ее лесой за большой плоский валун. Двинулись вдоль берега. За поворотом открылся чум на пологом берегу, блестящий огонь костра, детская фигурка, черный пес и моторная лодка у тропинки.

Девушка, ритмично взмахивая однолопастным веслом, подплывала к чуму. Мальчик сбежал ей навстречу, помог вытянуть лодку на траву и взвалил на плечи авоську с рыбой. Из чума вышла пожилая женщина - темнолицая, узкоглазая с внимательными карими глазами.

Девушка - метиска обернулась к мужчинам:

- Знакомьтесь. Это мама моя, Анна Алексеевна - тут Лактионов вздрогнул, задержал взгляд на лице старой женщины и тяжело вздохнул, она плохо слышит, но все понимает по губам, - Правда, мама.

Женщина легко и печально кивнула головой, это братишка Егорка, разбойник еще тот! - Черноволосый мальчик улыбнулся и стрельнул на мужчин такими же зелеными хризолитами, Как у сестры.

- Уха уже готова, чай кипит, но сначала пройдите в чум, мама посмотрит вашу руку, а вы,

молодой человек, выберите себе сапоги вон там, в ящике и не хотите ли по дрова с Егоркой? А меня зовут Ирина.

Напарники назвали каждый, себя, "поручались", Лактионов прошел вслед за женщиной в чум, а Меер выбрал себе старые сапоги по размеру и радостный, подхватил лежавший на чурбане не топор.

- Пойдем, Егорка?

Закатное солнце на ладонь не достает до земли. Пронизанный медными лучами лес кажется нарисованным. И все кругом золотое, красное, рыжее. Осеннее, бодрое, свежее.

Ярко - желтые лиственницы еще не обростили хвою, темно - красные карликовые березки прикрыли матовые ягоды голубики, под темными елями прячутся коричневые шляпки маслят и заляпанные киноварью сыроежки, а по берегам ручьев, у самой воды - северная малина: крупная, прохладная, душистая, рыжая ягода морошка!

В этот вечер в лесу добавилось огня. Две головы: соломенно-желтая и медно-красная наклоняются к кустам морошки, пальцы срывают тяжелые - ягоды, но посуда, - трехлитровый бидончик, - всего одна и мужские пальцы и женские пальчики, одинаково перемазанные кисло - сладким соком часто касаются друг Друга.

Ах, ягода - морошка? Сочная, ароматная ягода морошка! Как легко тает на языке твоя нежная оранжевая плоть, как пьянит твой древний запах, как будоражит кровь! Скоро уже и руки и губы перемазаны соком ягод и две головы склоняются - над кустами, смешиваются волосы золотые и медные, смешивается дыхание... Ах, ягода-морошка, чудо-ягода морошка, северная малина?

- Лактио-о-нов! На выход!

В конце пропахшего лекарством больничного коридора улыбаются навстречу парень и девушка.

- Когда выпишут, Капитоныч?

- В конце недели снимут гипс... Тогда.

- Держи гостинцы!

Лактионов отмахивается, но сумка, набитая кулками и свертками прочно устраивается на полу у его ног.

- Куда мне столько!

- Болящих, угостишь! Ну, нам, пора, Капитоныч, Мне на буровую завтра, Ирине - в Питер, на втором курсе она, и так вишь, задержалась чуток.

- Спасибо, молодые! Счастливого пути. И пусть количество взлетов совпадает с количеством посадок?

- Спасибо! До зимней сессии?

Меер наклоняется к уху Лактионова и шепчет:

- И еще персональное мое тебе спасибо, Капитоныч!

- За что? - Искренне удивился помбур.

- За поездку - сказку, за новый мир, который увидел. И за зелень, за зелень, Капитоныч!

Из окна больничной палаты Лактионов долго наблюдал за двумя: фигурами, мужской и женской, пока они не скрылись из глаз.

- Чо лыбился, паря, - спросил его сопалатник, - али нашел чего?

- Нашел. - Коротко ответил помбур, - да только не то, чего искал.

Выписавшись из больницы, Лактионов отправился на почту, и купил конверты. Прибрался у себя дома, в общаге и сел писать письмо

"Здравствуйте, уважаемая Анна Алексеевна? Если так подумать – 22 года, как не видались. Стороной узнал - здоровье Ваше неважное. И у меня тоже неважное стало... Еще стороной узнал - родился у нас общий внук Алешка. И вот что думаю. Сын наш, Славка, вырос без отца при живом отце, а теперь и внук растет без деда. Не гоже это, Анна Алексеевна, и вот что думаю в таком разе..."

Дальше не писалось. Лактионов походил, походил по тесной комнатке, накинуд на плечи полушубок и вышел на крыльцо. В синем сентябрьском небе светилось первое в этом году сияние; вальсирующий, зеленый дым на Севере. "В синем небе звезды блещут, в синем море волны плещут" - вспомнилось, как читал стихи сыну. Так, давно это было, а кажется, было вчера...

Этой ночью приснился Лактионову сон: будто он с внуком Алешкой гуляет по лесу. Внук держится за палец, все путем. Выходят на поляну. На поляне чуть теплится костер. У костра сидит медвежонок. Принохивается, приглядывается, пробует на зуб пряжку рюкзака. И все ловит, все ловит мохнатой лапой теплый живой дымок. Кругом утро. Тайга. Тишина. Покой.

Николай Попов

Родился в 1929 году в Авамской тундре. Первый долганский профессиональный журналист, первый переводчик Библии и сказок А.С.Пушкина на долганский язык. Публиковался в окружной, краевой печати. Изданы книги «Из рода Каранто», «Эристин», «Олонколор», «Евангелие». Живет в Дудинке.

ЧАНАРДА

Стояла теплая весенняя погода, такую всегда с нетерпением ждут рыбаки. Небольшой аргиш направлялся к амбару, одиноко стоящему на берегу Хеты. И вот, конец хорея коснулся мягкой зеленой травы, и упряжка остановилась, почуяв привычный знак каюра.

Безмолвную тишину нарушало лишь щебетанье птиц да тяжелое дыхание оленей. Семен бросил хорей, поднялся с санок, чтобы распрячь оленей. Животные, не двигаясь, ждали, когда хозяин освободит их от упряжки. Семен с привычной ловкостью отстегивал пуговицы, развязывал узлы, снимал ремни, хлопал оленей по спинам и отгонял в сторону: пусть отдыхают, поработали на славу.

Движение Семена ловки и быстры, в них чувствовалась сила и проворство, все на нем ладно сидело – чебак, выгоревший на солнце до желтизны, на поясе, под рукой, - два охотничьих ножа. Шаги его бесшумны и осторожны, будто боится лишний раз траву примять. К нему подошла спутница – она давно наблюдала за мужем, который, закончив с оленями, стал искать что-то под ногами.

- Чум здесь будет. Тут ровно и сухо, - тихо сказала, но твердо. Семен и не думал возражать: ей, хозяйке, виднее. Он же может, наконец, перекурить. И выбрав удобное место, сел, не спеша набил трубку табаком. Женщина вскоре присоединилась к мужу, тоже трубку достала. Так и сидели они рядышком, курили, перебрасываясь словами, вглядываясь за Хету – там должно быть стойбище Катырык.

Потом принялись собирать чум. В тихую погоду это нетрудно, и дело спорилось. Вскоре над чумом уже клубился дымок: хозяйка разожгла очаг, готовила еду. Вот и чайник запыхтел, выбрасывая через свой изогнутый нос кипяток.

- После чаю пойду к амбару, погляжу, что там, - сказал Семен.

- Не забудь рыбу для ухи. Сети завтра поставишь, сегодня раньше ляжем, завтра рано вставать.

Семен ничего не сказал жене, только брови чуть сдвинул: он не маленький, сам знает, что делать. Но с женщиной лучше не спорить, проку никакого, один шум.

- Почему соседи здесь не остановились, – вслух удивился он, меняя тему. Жена не ответила, лишь плечом дернула – какая, дескать, разница...

После чая Семен, набросив изношенное копо, поспешил к амбару, – будто кто гнал его. Чем ближе подходил, тем тревожнее было на душе. И не зря: вместо двери зияла черная дыра, вокруг валялись скомканные и разорванные вещи. Внутри было еще хуже: Семен долго стоял в проеме, разглядывая хаос. Везде валялись рыбы кости, клочья шкур, щепки от нарт... Когда первая растерянность прошла, Семен шагнул внутрь и чуть было, не угодил в свежий медвежий помет:

- Дьэ, сатана, эбит! Дьэ, сатана, эбит! (Вот сатана! Вот сатана!) – Досада душила его, однако тревога была сильнее. Он быстро пошел назад, по дороге решив ничего пока жене не говорить.

Однако от женщины разве что скроешь? Она по походке, издали увидела, что мужик ее как-то не так идет, слишком быстро. А куда ему спешить сейчас? Да и руки пусты, рыбы нет в них. Точно, что-то случилось...

Встретила его поднятыми бровями: что, дескать, произошло... Муж неторопливо разжег трубку, также неторопливо ответил на немой вопрос:

- Эбэ (медведь) шибко побаловался в амбаре. Ничего не оставил. Все съел. Все порушил и разбросал. Однако, он где-то близко. Схожу, посмотрю. А соседи уже, наверное, в Катырыке – следы от нарт свежие. А ты за дочкой пригляди...

Развернулся и пошел: его олени беспокоили. Может, зверь уже добрался до их маленького стада? Нигде оленей что-то не видать. Семен поднял край чебака, прислушался.

Кругом тишина, только ветер в лиственницах озорничал. Видать, олени пошли в другую сторону, не слышат. А так бы давно прибежали на зов.

Развернулся Семен в другую сторону, продирался сквозь кусты, кричал, свистел. Эхо подхватывало его голос и уносило в даль порывами ветра да птичьим пересвистом.

И вдруг затрепал тальник – его заросли начинались сразу на поваленной лиственницы. Ее корни торчали, как шайтаны, одетые в шахтару. Семен быстро пошел на шум и едва успел остановиться, когда навстречу ему поднялся со страшным ревом сам хозяин тундры. Его маленькие глазки смотрели прямо на Семена, с желтых клыков капала слюна... Человек и зверь, какое-то время не мигая, смотрели друг другу в глаза. Руки человека медленно потянулись за ножами, но не нащупали их там: ах, растяпа! Ножи-то остались в стойбище...

Медведь будто поняв, что человек ему не опасен, рыча, двинулся прямо на Семена. Еще миг, и охотник окажется в его страшных объятиях. Что оставалось Семену? И он бросился к чуму так быстро, будто у него крылья выросли. Ветки хлестали по лицу, пот заливал глаза, но он ничего не замечал, мчался, не разбирая дороги.

Лишь когда понял, что медведь приотстал, остановился перевести дух. Видит, медведь, не спеша, а все-таки трусит за ним по следу. Семен снова ударился в бег. Кричать уже не было сил. Поэтому он, добежав до чума и нырнув под полог, махал руками, показывая жене, чтобы уходила быстрее прочь. Та сидела возле очага и шила унтайки. Увидев мужа, хватающего воздух ртом, вскочила на ноги и бросилась к люльке.

Медведь тем временем уже с шумом и сопением шарил снаружи по чуму, пытаясь прорваться внутрь. Семен схватил первую попавшуюся под руку палку, и сильно ударил по тому месту, где находился медведь. Что-то хрустнуло, и чум задрожал от рева зверя. Он поднялся на задние лапы и навалился на чум.

Женщина с ребенком выскочила с другой стороны и побежала прочь от опасного места. Бежала, пока силы были, а потом упала на землю и очнулась лишь от плача малышки. Вечерело, и багровый диск солнца спускался за зеленый остров посередине реки... Господи, а что же с мужем-то?!

С ужасом смотрела она на чум, который издали казался живым: будто дыша, он то вздувался, то опадал, то заваливался набок. Треск от ломающихся шестов, рев зверя и крики человека слышны был далеко: смертельный поединок продолжался.

Женщина лихорадочно думала, как помочь, как спасти мужа, сохранить ребенка. Решила бежать в Катырык за подмогой, надеялась, что Семен продержится какое-то время, ведь он опытный охотник и на медведя ходил не раз. Правда, старые люди говорят: «Кто убил много медведей, тот смерть от живого примет...»

Не дай Бог, чтобы это был Тот Самый Медведь...

Говорила она ему сто раз: винтовку надо в чуме держать, мало ли что может случиться! А он все посмеивался над ней: мол, олени и медведи возле очага не водятся. Вот тебе и не водятся!..

Все эти мысли путались в голове, пока она бежала к людям, на ходу стараясь укутать дочку потеплее. А та почему-то с каждой минутой становилась все тяжелее. Да и ноги путались в корнях. Кололо в боку, пелена застилала глаза. Вот, наконец, на высоком берегу показались темные силуэты приземистых балаганов. Обычно те, кто выходит из них, невольно смотрит на противоположный берег. На нем сейчас и стояла женщина, прижимая к себе спящую малышку.

Вот закурился дымок над крайним балаганом, и женщина обрадовалась: значит, кто-то уже дома. Она осторожно положила на еще теплый песок дочку, отошла подальше и стала кричать во всю мочь.

Увидев, что кто-то вышел и всматривается в сумерки, еще громче закричала, и замахала руками. Через минуту все, кто был в стойбище, высыпали на берег. Трое быстро спустились к лодкам и стали выгребать в ее сторону. Без сил женщина упала на песок...

... Тем временем в чуме продолжалась страшная схватка. Семен старался увернуться от непрошеного гостя, отогнать его, а если не получалось – быть к нему как можно ближе, чтобы удары его страшных лап не достали. Вдруг случайно нащупал на полу ножны и обрадовался: спасен!

Однако выдернуть нож одной рукой оказалось не просто, на это ушло немало времени. И все же оружие, наконец, привычно легло на ладонь. Удар снизу подмышку заставил зверя отпрянуть, но он же привел его в особую ярость. Зверь прыгнул на Семена, и вскоре они оба выкатились из чума, чудом не запутавшись в нюках, давя и круша остатки домашней утвари.

Медведь старался развернуть человека затылком к себе, чтобы снять скальп и накинуть ему на глаза. Семен знал о таких приемах хозяина тундры и старался из последних

сил не дать ему такой возможности. Он колот медведя ножом, но короткое лезвие не причиняло зверю вреда, только пуще злило его.

В какой-то момент медведь все-таки сумел одним скользящим ударом содрать кожу на затылке Семена и тот от страшной боли вцепился медведю в нижнюю часть и резким движением головы сломал ему клык. Медведь с ревом отскочил от человека и лег неподалеку, заливая раны. Его налитые кровью глазки неотступно следили за каждым движением человека.

А человека буквально шатало от слабости и боли. Руки дрожали, ноги подкашивались, глаза заливала кровью. Морщась от боли, Семен натянул содранную медведем кожу на затылок, и медленно поднялся. Медведь тоже поднялся, и они двинулись навстречу друг другу, как два гладиатора, у которых только один выбор: или жизнь, или смерть. Собрав последние силы, человек стремительно прыгнул на медведя и воткнул свой нож прямо между лапами зверя. Потом повернул его в ране...Снова повернул... Медведь ревел, махал лапами и крутил мордой. Семен почувствовал страшную боль в животе и отпрыгнул в сторону. Медведь всей тяжестью рухнул, а скулил, и движение его становилось все медленнее. Вскоре он замер, только его глаза еще жили, неотступно следили за охотником.

А тот попытался остановить кровь: разорвал свою рубашку и перетянул живот: медведь успел-таки своими мощными когтями выдрать лоскут кожи на животе, да так, что виднелись кишки.

- Сатана, ты еще смотришь на меня! Я тебе не сдамся, вор! Я тебе голову сверну, урод! – Семен кричал это своему врагу, пока перевязывал раны. Медведь лежал неподвижно, широко раскинув лапы. Ветер шевелил густую шерсть на загривке. Где-то далеко кричали чайки.

Семен замолк: навалилась страшная усталость, все тело уже не ныло, а кричало от боли. Хотелось лечь и закрыть глаза, но мысль о жене и дочери заставила его подняться. Собрав последние силы, он медленно потащился к реке.

...Четверо мужиков, вооруженных винтовками, быстро гребли вниз по течению. Наконец, лодка ткнулась в песчаную отмель, и, люди, вскинув винтовки, бесшумно стали подниматься на косогор. Поднялись, подошли и увидели необычную картину: вместо чума – груды переломанных шестов и изодранных нюков, вся трава измята, кругом лужи крови, в одной из них лежал громадный медведь.

Кто-то вскинув винтовку и выстрелил в хозяина тундры, потом еще раз, но медведь оставался неподвижным: он был мертв. Рядом валялись клочья парки и рубашки Семена, и мужики решили, было, что медведь съел охотника. Однако следы говорили о другом, и вскоре Семена нашли: он брел по песку, как раненый олень в поисках тихого места, где можно отлежаться. Когда его внесли в балаган, он потерял сознание.

- Ну, Семен, беда сильный! Без ружья медведя поборо! – удивлялись люди, и с тех пор об охотнике говорили, что он победил свою собственную смерть.

Никандр Елагин

Родился в Нижегородской области. Закончил факультет журналистики Московского государственного университета. Много лет прожил на Таймыре. Стихи, новеллы, документальные рассказы и очерки публиковались в коллективных сборниках и альманахах. Живет в Приднестровье.

ПРОСТО – ФИЛЯ

Рассказ-быль

Такие конкурсы проводятся во всех школах. На Таймыре, к примеру, школьные ребятишки состязаются в иллюстрировании северных сказок и преданий. Рисунков множество. Гуашь, акварель, карандаш, фломастер... Сказки самым необыкновенным образом оживают в детском воображении, превращаясь на глазах то в сюжетные картины, то в портретную галерею сказочных персонажей.

Как правило, бывает много победителей. Но мне почему-то среди этого изобилия пришелся по душе простенький рисунок Володи Лобанова. В его полярной сове Лэнгкэй из селькупской сказки меньше всего фантастического. Распластав крылья над белой безмолвной тундрой, птица летит на вас. Вот уже слышен шелест перьев. Еще взмах крыльями – и она усядется вам на плечо и начнет нашептывать на ухо сказку...

А это уже не сказка, а быль, которую мне подарила несколько лет назад семьдесят вторая хатангская параллель. Звали полярную сову совсем прозаично – Филя. И кому бы я ни рассказывал о полярной сове, всем – взрослым, детям и даже заядлым браконьерам – нравился счастливый, как в сказке, конец. Итак, слушайте, следите за ходом мысли, и не забывайте, когда и в каком месте появляется солнце после долгой полярной ночи...

Никогда бы не подумал, что можно полюбить полярную сову, как любят собаку, кошку или другое животное...

Над Хатангой уже вовсю полыхали северные сияния: то по спирали сходились к эпицентру, то широкими колыхающимися занавесками переливали почти прозрачную акварель – от бледно-розового до зеленоватого на ультрамарине холодного неба. Полярная ночь еще не вступила в свои права, но день как таковой уже сошел на нет. Солнце распалает горизонт, но уже не может противостоять силам мироздания, потихоньку угасает. И день больше походит на осколок белой ночи.

В один из таких дней жена с работы, из Хатангского аэропорта, принесла в большой картонной коробке «подарок». Она так и сказала:

- Дети, принимайте подарок!

Детям – двум нашим дочерям – не терпелось увидеть подарок. Они поторапливали меня:

- Открывай же, папа, скорей!

Открываю. Из коробки на нас устремляется пронзительный взгляд огромных, чуть перепуганных глаз полярной совы. Детям очень хочется ее погладить, но они получают по предупредительному щелчку круто загнутым клювом. Горький опыт детей предостерегает меня от дальнейших действий. Я только что хотел взять ее в руки и высадить из коробки. Теперь я наклоняю коробку и потихоньку вываливаю сову на пол в углу за шкафом. Птица, вскрикнув, всплеснула крыльями, встала на когтистые ноги, упрятанные в перья. Правое крыло спало безжизненно и волочилось по полу.

- Мамочка, что с ней? Она ранена?

- Ранили птицу, Аленушка, крыло у нее перебито... Нехороший дядя в тундре стрелял в нее и оставил умирать... Или песец с волком съели бы. Дядя Витя, муж нашей сотрудницы, тоже охотник, ходил за куропатками, набрел на подстреленную сову, да и принес ее домой. Я упростила его отдать птицу нам. Что мы с ней будем делать?

- Воспитывать будем! Ухаживать! Кормить! – посыпались, как из рога изобилия, детские предложения.

- С воспитанием надо повременить, мы же не знаем ни образа ее жизни, ни повадок. В вот покормить надо непременно. Но чем и как?

Мои сомнения немного отошли на второй план. В это время старшей дочерью Светой был поставлен не менее важный вопрос: «Как мы назовем пятого члена семьи?».

Аленушка быстро отреагировала на вопрос. Зажмурив глаза от доставившей ей удовольствие идеи, сказала, боясь, чтобы никто ее не опередил:

- Назовем его просто – Филя.

- Простофиля?

Все засмеялись. Аленушку не так поняли, и она сбивчиво, но серьезно объяснила:

- Не Простофиля, дурачок какой-нибудь. А Филя, просто – Филя.

На том порешили: Филя так Филя.

...Филя потихоньку обрастал легендами. Какой человек устоит от соблазна участвовать в птичьей драме? Сразу нашлось неисчислимое множество советчиков среди моих друзей, коллег, жены, любители живой природы возраста наших детей. Кто-то даже предлагал выделить отдельную комнату нашему Филе, когда узнали, что размах его крыльев достигает более полутора метров. Жаль, что Филя не мог их расправить. Мы не могла позволить ему отдельную комнату. На четверых нам самим приходилось две комнаты. Правда, на центральной улице заполярного поселка.

Но кое-что из добрых советов мы брали на вооружение. Я уже приспособился сову кормить: нарезал длинными ломтиками оленину или свежую рыбу, подхватывал ломтик двумя пальцами за один конец и выставлял перед глазами Фили. Он сводил глаза у переносицы, ловко хватывал клювом за висячий конец и один миг заглатывал пищу. Так повторялось несколько раз.

Сведущие люди предупредили: птицу не стоит закармливать, иначе она зажиреет и при малоподвижном образе жизни совсем потеряет способность летать. Мы следовали этому совету и старались не закармливать Филю.

Он начал привыкать к нам. Уже не забивался, как прежде, в угол. Потихоньку стал расхаживать по полу. Соседка-зоотехник зашла поглядеть на Филю. Она осталась довольна его содержанием, но посоветовала непременно принести хороший сук или ветку, чтобы он мог сидеть на ней. Иначе может заработать себе «мозоли» и обезножить. Рекомендация была тут же выполнена. Филя без промедления забрался на ветку, помассировал свои когти и начал вычищать их клювом. Теперь он, кажется, ближе был к природным условиям.

Когда он задремал, смешно закатывал глаза, закрывал их, голова его никла, и он вздрагивал каждый раз. Но, убедившись, что ему ничего не грозит, снова задремывал. Детям особенно нравился засыпающий Филя. Он действовал на них лучше всякой телевизионной сказки...

Мы старались его не беспокоить. Дети боялись его, зная, что он умеет защитить себя клювом и когтями. На себе не раз испытал силу его когтей. Одно твое неловкое движение – и они впиваются в тело, медленно, как домкрат, под невероятным давлением проникают все глубже и глубже. Кожаные перчатки им не помеха. Но в сумятице и новых инстинктов Филя быстро отпускает руку, на которой остаются глубокие багровые вмятины без признаков крови. Заливаешь их подручными средствами – одеколоном или йодом, и через несколько минут из ран начинает проступать сукровица. Я представляю, как в эти когти попадает полярный заяц, не говоря уже о каком-то крохотном лемминге. Не завидую... Мне, разумному существу, приходится уступать этой природной силе.

Над Хатангой уже распростерла свои черно-белые крылья полярная ночь. Холода напоздали откуда-то с гор Бырранга. Поселковая котельная коптила небо, но пол в нашей комнате все равно промерзал. Закуржавленные стены и пол удивляли и радовали Филю. Он прыгивал со своего насеста, склевывал иней, еле сдерживаясь, чтобы не заговорить по-человечески от удовольствия. Потом вновь забирался на излюбленный сук и начинал чистить свои королевские перышки. Природа сотворила великолепное создание. Белоснежные и серые крылья чередовались в безукоризненной гармонии.

Если птица начинает чистить себя, прихорашиваться – это первый признак ее выздоровления. Теперь Филя все чаще отряхивался, старался приподнять раненое крыло. Оно уже спадало не так низко. Но боль еще, видно, не ушла. Филя пытался уложить крыло на место, откидывался в противоположную сторону, словно человек, пытающийся поправить накинутый пиджак, спадающий с плеча...

Птица, по натуре спокойная, не доставляла особых хлопот. Тихо вела себя ночью. Не обременяла нас своим присутствием. Мы привыкли к ней так, словно она действительно стала незаменимым и полноправным членом семьи.

Дети возвращались из школы, бросали с порога портфели, бежали к Филе и начинали разговаривать... Филя уже откликнулся на свое имя, останавливал взгляд совершенно стеклянных глаз на том, кто его звал.

Эксперименты продолжались каждый день по несколько раз. И скоро Филя стал узнавать своего кормильца. Детям очень нравился этот домашний цирк. Они дразнили меня и Филю, задавая один и тот же вопрос: «Филя, а где Коля?». Филя крутил головой, пока не находил меня, и с поддельным подобоострастием останавливал на мне свой взгляд.

Шутки шутками, но все чаще перед нами возникал вопрос: что делать с Филей после его выздоровления? Об улучшении самочувствия он напоминал каждый день. Оставаясь один дома, он позволял себе непростительные вольности. То садился на кровать и потихоньку потрошил пуховые подушки, то забирался на стол, приставленный вплотную к широкому окну, и с тоской выглядывал на улицу, запорошенную снегом. Из гостя он потихоньку превращался в хозяина. Подстреленное крыло зажило вовсе. Это радовало и грело душу: Филя обретал хорошую форму здоровой полярной птицы.

Для соседа-художника в этом смысле не существовало проблемы. Увидев Филю как-то в окне, он предложил тут же сделать из него «память о Севере» – чучело. «Редчайший экземпляр полярной совы, - заключил равнодушно художник. – Чучело из него выйдет отменное». Он даже подсказал, кто в Хатанге изготавливает чучела «по всем правилам искусства». И еще намекнул: чучело можно будет выгодно продать, если не в музей, то какому-нибудь любителю. Нам было не понять этот предпринимательский зуд. На семейном совете мы решили: будем готовить Филю к вольной жизни. Но после квартирного заточения он должен пройти «школу выживания» – целый комплекс мероприятий закалывания и адаптации к условиям Крайнего Севера.

К этому времени февральские пурги почистили бубен солнца и вытолкнули его из-за горизонта. С каждым днем оно поднималось все выше и выше. И Филя все беспокойнее заглядывал через окно на заснеженную улицу.

Сначала я вынес Филю во двор под окна дома, где искрился пушистый снег. В целях безопасности я привязал к его ноге веревочку, зная, что во дворе, как всегда, гуляет свора бездомных собак, и они попытаются расправиться с нарушителем их спокойствия. Действительно, мне пришлось выгнать со двора всех собак, а затем опустить Филю в мягкий снег. Это была радость ребенка, впервые увидевшего столько снега! Птица встрепенулась, и облако снега поднялось вокруг. А Филя все колотил по снегу крыльями, так что скоро вовсе скрылся из виду. Так хлещут себя березовым веником в настоящей парной любители русской бани.

Это повторялось несколько раз: купаться в снегу Филю нравилось. Дома он пропускал черед свой клюв перышко за перышком и становился еще чище. С каждым днем прогулки удлинялись, Филя успешно прошел первый тру экзаменов в «школе выживания» – перепад температур. Недели через полторы, в сравнительно теплые ночи мы оставляли его в деревянной сараюшке. Во время прогулок он уже пытался несколько раз встать на крыло и улететь. Только веревочка, привязанная к ноге, мешала ему осуществить преждевременную мечту и ощутить радость полета...

Прошло еще недели две, пока мы не убедились, что испытания в «школе выживания» Филя перенес успешно, проявив завидное упорство. В один из воскресных дней мы уложили Филю в картонный ящик, и пошли на другой берег Хатанги-реки, где растет настоящий реликтовый лес. По проторенной охотниками тропке поднялись на противоположный пологий берег, чтобы не попасть под его когти. Усаживаю на деревянный столб.

Филя несколько мгновений сидит, приподнимается, переступает с ноги на ногу, словно убеждает в их полной свободе. Почти камнем падает вниз, но успевает раскинуть огромный парашют крыльев. И вольно взлетает вверх. Еще несколько трепетных взмахов крыльями, и вот уже Филя планирует над скованной льдами рекой.

Мы все четверо стоим, как замороженные. Первой радость и трагедию всего произошедшего осознает Аленушка. Она бросается вслед за птицей и кричит, что есть сил:

- Филя, родненький, не улетай!

Филя тоже вроде на мгновение осознает все случившееся, плюхается в снег посреди реки. Он привык реагировать на человеческий зов. Но природные инстинкты берут верх. Филя разбегается по снегу, взлетает и скоро пропадает из виду.

Аленушка все бежит, утопая в глубокий снег, и кричит: «Филя, не улетай!». Но Филя уже не слышал ее голоса. Он с головой окунулся в стихию суровой, но такой родной, природы. Он возвращался в лес свободным и здоровым. Наши души, кажется, воссияли солнечно от осознания своего места в природе. Души не разрушителей, а созидателей. И светлые слезы дочери, которые я вытирал платком, скорее всего, были слезами покаяния за все содеянное человеком против живого на Земле.

Сказка-ложь, да в ней намек... Просто Филя не какой-нибудь дурачок из сказки. На своих огромных крыльях он высоко поднял, по крайней мере, сердца четырех...

Алевтина Щербакова

Родилась в Норильске. Публиковалась в сборнике норильских поэтов «Гнездовье выюг», в альманахе «Полярное сияние».

(посвящается 50-летию многопрофильной гимназии № 4 г. Норильска)

ПОДЛИННАЯ ИСТОРИЯ О ТОМ, КАК АЛЬКА ХОДИЛА В 1-й «А» КЛАСС 4-ой ШКОЛЫ ПОСЕЛКА НОРИЛЬСК.

50 лет тому назад

Если взять современную карту города Норильска и попытаться представить себе прогулку по его улицам в 50-ом году, то гулять придется только по улице Севастопольской, да и то не по всей. Дайте руку девочке Альке, которой тогда было 7 лет, доверьтесь ей и она проведет вас по тем норильским местам, что живут в ее памяти.

Не было в нынешнем исполнении города Норильска - был поселок, основной жилой район которого совмещен с промышленным и сосредоточен в «старом городе». Запомнились названия трех его главных улиц: Горная, Заводская, Октябрьская, которые существуют и сейчас, но совершенно в ином виде. А тогда - вдоль дорог деревянные тротуары, строения для жилья - из кирпича, бревен, досок и еще бог знает из чего (знаменитый «Шанхай»). Две школы (2-ая и 3-ья) высотой в два этажа также были в «старом городе». Замечательный театр с резными деревянными несущими конструкциями, искусно раскрашенными, был самым любимым местом отдыха всего детского и взрослого норильского населения. Внешне ничем не привлекательное здание театра внутренним убранством напоминало терем. На сцене молодые, талантливые (об этом, кроме норильчан, еще никто не знал) Иннокентий Смоктуновский, Георгий Жженов. Рядом в Клубе профсоюзов показывали кинофильмы, а по выходным дням молодежь танцевала под духовой оркестр.

Основным местом проведения спортивных состязаний был стадион «Труд», занимавший обширную площадь, с двумя футбольными полями, баскетбольной и волейбольной площадками и беговыми дорожками (теперь здесь корпуса механического завода). Матчи местных команд собирали весь город. Из «Горстроя» болельщики пешком шли семьями на спортивные праздники. Автобусы типа «МАК» не могли перевезти всех желающих к началу матча. Стадион «ревел» так, будто на поле играли футболисты класса не ниже, чем Пеле или Марадонна. В зимнее время там заливали каток.

Железнодорожный вокзал был на Нулевом пикете. Маленький паровозик-кукушечка (такой можно видеть возле моста через речку Амбарная по дороге в аэропорт Алыкель) тащил длинные составы с грузами для Норильского комбината по узкой колее. Не одну тысячу заключенных привез он сюда, одних - на погибель, других, избежавших этой участи, - для долгой и трудной жизни. Приезжали и вольнонаемные, спасаясь от послевоенной разрухи и голода. Путь Дудинка – Норильск для «кукушечки» был продолжительным. С первого раза ей не удавалось одолевать встречающиеся небольшие подъемы, и она штурмовала их раза по три. Промежуточных станций, на первый взгляд, вроде бы не было, но останавливался состав, как шутили пассажиры, возле каждого столба. Зато во время спуска под горку широкие вагоны раскачивались так, что возникало предчувствие скорого взлета или «сальто для вагона с людьми».

Первая школа к тому времени уже заняла свое теперешнее место на высоком бугре, от которого и начиналась большая строительная площадка так называемого «Горстроя». Четко прочерченная стрела улицы Севастопольской казалась длинной и упиралась в железную дорогу. Некоторые здания еще достраивались, а проезжая часть улицы и тротуары сразу же асфальтировались. Между домами во дворах тянулись дощатые дорожки. Обретала свои очертания площадь Октябрьская - достраивался дом, где впоследствии на первом этаже разместилась Техническая библиотека и магазин («Сияние»). Еще один такой же дом с противоположной стороны площади (м-н «Москва») уже стоял. Памятника вождю мирового пролетариата и общему дедушке всех детей еще не было, а Ленинский проспект лежал в чертежах Проектной конторы. Еще ни одним зданием не был обозначен круг Гвардейской площади. Начало улицы Мончегорской (ул.Кирова) лишь намечено несколькими домами. Двухэтажный родильный дом (Мончегорская,2) уже выдавал множество младенцев, приближая население поселка по численному составу к городскому, а по качественному оно с самого начала было городским, причем наивысшего интеллектуального порядка. С тех времен на этой улице полуживет только один дом - Кирова,1. Несколько двухэтажных кирпичных

строений обособленной группой стояли там, где сейчас высится здание с магазином «Мозаика» по ул. Павлова - так называемый 28-й квартал.

На месте теперешнего ПТУ-17 был небольшой стадион, рядом - два лагеря, огороженные двумя рядами колючей проволоки - женский и мужской. Остальные исправительно-трудовые учреждения были расположены вокруг поселка гораздо дальше.

Вот таким был поселок Норильск 1-ого сентября 1950 года. В одном из двухэтажных домов 28-ого квартала жила с мамой и папой девочка Аля Лихоткина по прозвищу Лихотка-Вехотка - Мочалка, которая пошла в новую среднюю школу №4 в 1-й «А» класс. На свое прозвище она не обижалась, а только весело кричала особенно надоедливым приставакам: «Сейчас догоню, да как намылю».

Будто мимоходом Алька глянула в зеркало, и та девчонка, что также мимоходом там появилась, ей улыбнулась. Новенькое коричневое школьное платье с белыми манжетами и воротничком было куплено еще летом в Новосибирском большом универмаге, когда семья была в отпуске, а над белым ситцевым фартуком мама трудилась целую неделю: кроила, сметывала, примеряла, шила, крахмалила, гладила. В этом невиданном великолепии Алька себе очень нравилась.

Дело оставалось за малым, но в то же время за самым главным, как считала Алька - надо было заплести косички. К желаемому результату Алька и мама шли упорно. Предвидя долгие сборы, встали они в это утро очень рано. Усадив дочь на стул, мама принялась собирать в прядки россыпь непослушных выгоревших за лето добела волос. Торчащие в разные стороны, совершенно прямые, еще не успевшие набрать нужной длины, они никак не хотели укладываться в косички. Однажды предусмотрительная мама уже устраивала репетицию на Алькиной голове, поэтому новоявленная первоклассница знала, какую пытку ей предстоит вынести. Она крепко вцепилась руками в края стула, чтобы не приподниматься вслед за каждым движением маминых рук. Альке казалось, что из головы вытягивают не по одному волоску, а все волосы сразу, и вообще скоро голова станет лысой и отделится от туловища. Но во что бы то ни стало надо терпеть. Ну вот, наконец, и все. Можно вставать. Две колючие косички увенчались белыми атласными бантиками, они торчали из-за ушей так, будто внутрь были вплетены не только ленточки, но и проволока тоже. Альке все равно все очень нравилось. Новенький портфель был пуст, тугой замок не желал ни открываться, ни закрываться, но Алька непременно решила взять портфель с собой - уж очень хотелось ей выглядеть настоящей школьницей.

Даже по меркам взрослых идти до школы было далековато, и папа накануне договорился со знакомым шофером о поездке. И вот Алька с мамой поехали начинать совершенно новую школьную жизнь.

Стоп. А куда они приехали? Алька с тревогой обнаружила, что мама идет совсем в другую сторону, она искала подход к тому бугру, где еще год назад поднялась школа №1. Алька вспомнила - на этот бугор они с воспитательницей детского сада Калерией Петровной ходили собирать бруснику. Но только тогда перед бугром не было никакой стройки, а вот теперь им приходится подниматься по шаткому деревянному мостику, перекинутому специально ради этого дня через кирпичную кладку почти в три этажа - это строился дом, где впоследствии на первом этаже разместилось ателье «Норильчанка».

Пока они совершали этот «переход через Альпы», Алька терпеливо молчала, понимая, что отвлекать внимание мамы от крутых ступенек ни в коем случае нельзя - вместе с мамой Альку провожал в школу еще не родившийся, но уже ожидаемый и оберегаемый еще один член семьи. Но как только снова можно было идти вприпрыжку, с языка, едва дождавшись нужного момента, тут же кубарем скатился вопрос: почему мы идем не к новой школе? Готовность школы принимать ежедневно около девятисот человек Алька с папой проверили еще накануне, когда шли мимо из детского сада. Снаружи все было в полном порядке. Неужели внутри нет этого самого полного порядка? Ответа на свой до слез волнующий вопрос Алька так и не получила, закралось сомнение - а вдруг ее передумали отдавать в новую школу? Мама и сама толком не знала, зачем всех собрали сначала у школы №1.

Но вот учителя, встав повыше на ступеньки школьного крыльца, начали перекличку. Учащиеся школы №1 шли в одну сторону, а новой школы №4 - в другую. Алька смотрела выбирающим взглядом. Молодая и красивая учительница, совсем как мама, Альке очень понравилась. Но оказалось, что Альку уже выбрали, не считаясь с ее желанием. Старенькая учительница с абсолютно седыми, просто зачесанными назад и собранными в аккуратный пучок волосами, назвала ее фамилию. Алька подошла к детям 1-ого «А» класса новой школы и с удивлением и даже с некоторой радостью для себя отметила, что она намного выше не только девочек, но и мальчишек тоже. Вот тебе и «Аленька чуть повыше валенка» - эту

дразнилку придумал любимый родненький дядька Саша, когда приехал с войны живой и даже не раненый - не успел встретиться со своей пулей - его призвали, а проклятущая война, слава богу, кончилась. В этой все пополняющейся стайке детей она увидела и тех, с кем еще вчера ходила в детский сад: Гену Соколова, Витю Виганюка, Аллу Карлову, Свету Хорошавину, Вову Паскевича. Жаль, что любимая детсадовская подружка Лера Волошина пойдет в школу №1. Все рассматривали новую одежду друг друга, важно улыбались, будто им сегодня уже исполнилось по сто лет, и они все благообразненькие и очень хорошо воспитанные старички. Алька сразу на всю жизнь запомнила и полюбила свою первую учительницу - ЕКАТЕРИНУ ПЕТРОВНУ ГЛЕБОВУ. Она была сухонькая и не в меру сутулилась, хотя росточка была небольшого. Екатерина Петровна выстроила свой 1-й «А» по росту и по парам. Понятное дело - Алька была в первой паре вместе с Жанной Огарковой. И пошел первый «А» от одного школьного порога к другому, более новому.

По улице Севастопольской шли шумно, благообразие и необыкновенная воспитанность сразу куда-то улетучились. Идущий сзади Марик Гуров то и дело наступал на пятки Альке и Жанне. Началась обычная толкотня и смех. Останавливались, выравнивались и шли дальше. День был хмурый, мелкий редкий дождь оставлял мокрые точки то на носу, то на щеках, одежда постепенно тяжелела, впитывая влагу, но от этого всем почему-то становилось только веселее, особенно, когда кто-нибудь как бы нечаянно оказывался посреди лужи. Проходя мимо детского сада (дом, где теперь кассы комбината), каждый бывший воспитанник попрощался с ним: кто просто помахал рукой, кто скорчил рожу, приставив большой палец к носу, кто послал воздушный поцелуй. У каждого уже было свое прошлое в возрасте семи лет.

А вот и двор новой школы №4. Площадка перед школой была огромной, ничем не застроенной, только небольшие двухэтажные дома по бокам ограничивали ее ширину, а от школы и до Севастопольской, 7 - никаких препятствий. Дети окружили Екатерину Петровну, теснясь и толкаясь, но слушали внимательно, она говорила сейчас самые важные слова: 1-ому «А» очень повезло, именно этот класс первым откроет дверь новой школы и войдет в нее. Оглянувшись, Алька поискала глазами старших детей, но их нигде не было. Наверное, идут какой-то другой дорогой, подумала она, ведь не может только один класс заниматься в таком огромном здании. И первоклашки загордились, задрав носы в небо.

Крыльцо Альке показалось высоким. Но дверь новой школы учительница открыла не сразу. Еще не просохшая масляная краска склеила две половинки двери, и надо было приложить немалые усилия, чтобы ее открыть. Детям было велено проходить осторожно, чтобы не перепачкаться краской. Потихоньку «аковки», как их потом стали называть, просочились в вестибюль, сразу поразивший их высокими колоннами, обилием яркого света, скользким блестящим полом и большими портретами вождей - Ленина и Сталина. Между портретами висело «Торжественное обещание юного пионера». Екатерина Петровна обратила внимание на маленького ребенка, вошедшего последним. На первый взгляд невозможно было определить, мальчик это или девочка. Учительница решила, что этот пострел пристроился к ее классу уже здесь, во дворе школы. Она деликатно повернула его лицом к двери со словами: «Мальчик, приходи в школу, когда подрастешь, года через два». Раздался рев, и сквозь всхлипы все услышали тоненький голосок: «Я Тома Близнякова, вы же меня сами к себе в класс записали и мне уже исполнилось семь лет». Обиженную девочку Екатерина Петровна прижала к себе и поцеловала в стриженный затылок.

Поднявшись на второй этаж, дети остановились еще перед одной дверью. На табличке четким шрифтом выведено -1 «А». Значит, сюда. Большая светлая комната с традиционными тремя рядами маленьких парт. Стали рассаживаться. Альку учительница сначала посадила за 3-ю парту среднего ряда с Витей Карповым, но уже ко второй четверти Алька переехала на «камчатку», да так там и прописалась вплоть до последнего учебного дня в родной школе, т.е. на целых десять лет.

А первый день в стенах новой школы был, конечно, посвящен знакомству друг с другом и со школой. Прошли почти по всему зданию, открывая разные двери с интересными табличками: «Библиотека», «Туалет», «Столовая», «Актный зал», «Спортивный зал», только туда, где было написано «Директор» и «Учительская», заглянуть не решились. Алька слышала от «бывалых детей», что в эти комнаты приглашают обычно вместе с родителями и совсем не для вручения цветов и подарков.

И наступило после 1-ого сентября 2-ое, 3-ье, 10-ое, 30-ое и полетели школьные денечки, недели, месяцы, годы...

В классе было всегда тепло и даже жарко, форточки открывали только на переменах, но проветривания оказывалось недостаточно и маленькие дети по - своему реагировали на этот «тропический климат». Однажды учительница что-то долго писала на доске, потихоньку поглядывая на класс. Повернувшись в очередной раз, она тут же отвернулась, чтобы убраться

свою невольную улыбку. На последней парте сидела розовощекая Светочка Кудачкина, ее форменное платье было аккуратно повешено на спинку парты. Девочка с большими черными сияющими глазами призывала всех своим абсолютно счастливым видом последовать ее примеру - ведь жарко же.

Альку в школе все радовало и удивляло, но когда она прочитала висевшую на стене цитату из трудов К.Циолковского о том, что человечество не останется вечно на земле, она очень даже испугалась, будто переселение начнется уже завтра. Ее охватил ужас оттого, что она даже представить себе не могла, куда же это все человечество в таком количестве денется. С обширной программой освоения космоса ее тогда еще не познакомили.

Алька уже давно, еще до школы, невольно выучила «Букварь» наизусть, потому что других детских книжек у нее не было, а этот «Букварь» маме на работе подарил один заключенный, узнав, что дочка через год пойдет в первый класс. Наверное, он в прошлой жизни, т.е. до заключения, был учителем - так думала шестилетняя Алька. Ей нравилось складывать буквы в слова, и с каждой маленькой победой она мчалась к своим любимым взрослым, и чеканила новое прочитанное слово. Все, что попадалось печатного на ее глаза: газеты, редкие журналы, вывески, этикетки и даже взрослые книги («Былое и думы», например) Алька читала и удивлялась многим непонятным, но интересным словам. Она приставала к взрослым со своими бесконечными вопросами, а те часто говорили: «Подрастешь-узнаешь». Алька сердилась, а почему сейчас-то нельзя узнать?

Позднее в помещении, где теперь магазин «Сияние», открылся большой книжный магазин. Алька бегала туда часто и умоляла родителей купить ну хоть самую маленькую детскую книжечку. Всегда с огромной благодарностью вспоминает она свою первую учительницу Екатерину Петровну, которая приносила для нее книги, и, пока дети на уроке изучали «Букварь», Алька была далеко от школы вместе с героями тех книг. А когда ей за отличную учебу в 1-ом «А» классе вместе с Похвальной грамотой вручили ценный подарок - книжку Максима Горького «Челкаш», Алька умудрялась читать о его пролетарском происхождении и подвигах даже ночью. Взрослые, уложив дочку спать, выключали свет и уходили на кухню заниматься своими делами. Им и в голову не могло прийти, что того освещения, которое проникало из коридора через небольшую застекленную раму над дверью, будет достаточно, чтобы читать. Драгоценный свет попадал прямиком на дерматиновый диван (постель с этого дерматина вместе с Алькой постоянно съезжала на пол и Альку загорали ступнями). Она читала много и по несколько раз рассказывала подружкам прочитанное. Это увлечение осталось на всю жизнь.

В школу Алька ходила самостоятельно. Провожать ее было некому, да и незачем. В особо холодные дни (актировок тогда не объявляли, но в школу приходили почти все ученики) мама поверх рыжей цигейковой шубки и такой же шапки повязывала пуховый платок. Алька шла по улице Мончегорской (Кирова) и тут в пору были бы строчки Агнии Барто «Так меня закутали, что не знаю, тут ли я». Улица Мончегорская в то время была просто дорогой, домов на ней было еще совсем мало - в начале и в конце, а транспорт ходил редко. Но в то же время это была не обыкновенная дорога - по ней охранники с автоматами и с собаками водили на работу и с работы людей. Каждый из них пришел на эту дорогу своим «крутым маршрутом». Колонна длинной серой лентой заполняла всю улицу от начала и до конца. Альке казалось, что шла колонна очень медленно - это оттого, что приходилось долго пережидать шествие и становилось совсем зябко.

Наперевес конвой взял автоматы
В конце колонны, впереди, с боков,
А посередине рты молчаньем сжаты,
Готовы лопнуть жилы кулаков.
Передвигая медленно ногами,
Без лиц, без пола и без возрастов
Под вьюгами, морозами, дождями
Они тащили груз своих оков.
Гонимые собачьими клыками,
Шли в бесконечность серые ряды.
Восход пылал, кровавыми лучами
Навеки помечая их следы.
Дорога их мою пересекала
И я боялась в школу опоздать...
На сколько лет я все же опоздала,
Чтобы умом и сердцем боль принять.

Этот стих был написан гораздо позже, а тогда Алька стояла на обочине и в ее детской памяти тяжелым шагом начинали также идти под конвоем пленные немцы, которые

работали на кирпичном заводе № 1 г. Новосибирска (в этом городе Алька родилась и росла до 5 лет). Там были немцы. А здесь? Алька знала, что все шахты, рудники, заводы и дома Норильска построены руками заключенных и ее школа тоже. Но зачем автоматы и злобные собаки? Убежать отсюда можно только в тундру на съеденье волкам, медведям и комарам.

.....
 Урок был прерван. Мы тогда не знали,
 Что верить страшно даже букварю,
 И что прислал мне под конвоем Сталин
 Учительницу первую мою.

Заключенные женщины, работавшие на оштукатуривании уже выстроенных домов на улице Севастопольской, были из Прибалтики. Необыкновенные прически с буклями и валиками надо лбом делали их в детских глазах нездешними красавицами. Женщины и дети в любых условиях неотделимы друг от друга и охрана часто в прямом смысле закрывала глаза, когда невольницы зазывали детей, чтобы просто поговорить с ними, приласкать, и один бог знает, что в этот момент творилось в их сердцах и душах. Дети приносили хлеб, а женщины дарили им сохранившиеся бусинки или необычные пуговички. Алька знала, чем заканчиваются такие встречи - красавицы плакали. Мама не поощряла этого общения (мало ли что), но особенно и не запрещала.

Нет, думала Алька, это совсем не враги народа (особенно детского) и не те жалкие пленные немцы, работавшие на кирпичном заводе в Новосибирске, которые без зазрения совести в голодные послевоенные годы воровали с их огородов чуть подросшие овощи. Одного такого «смельчака» соседка Мария, возвращаясь утром с ночной смены, обнаружила на своих грядках. Крупная, с большими сильными руками, катавшая вагонетки, доверху наполненные кирпичами, она схватила в одну руку половинку кирпича (этого добра кругом было видимо - невидимо), а другой рукой держала извивающегося немца за шиворот. «Ну, фриц, прощайся с жизнью» - эта фраза навсегда осталась в обиходной речи всех соседей с юмористическим оттенком, а тогда было не до смеха. Алька смотрела на все происходящее сквозь маленькую щелочку в снях, и ее сердечко от страха выпрыгивало наружу. Она решила, что сейчас произойдет самое ужасное, что только может произойти - тетя Мария прихлопнет этого вора, как муху. Подоспевшие соседские мужики и сын Марии едва высвободили еще раз попавшего в «плен» немца. Они вытряхивали из него огурцы, приговаривая: «Да ну его, Маша, еще сама окажешься за колючей проволокой». Фриц что-то бормотал, подняв руки вверх, и, не переставая креститься, быстро побежал, когда его с миром отпустили.

Вот о чем вспоминала Алька, стоя на обочине дороги, переживая, когда пройдет колонна заключенных, и сокрушаясь о том, что опять опоздала на добрую половину урока. Позже многие люди, вышедшие из зоны, стали хорошими друзьями их семьи. Особенно запомнились Екатерина и Михаил Орловы - родители будущего главного редактора «Заполярной правды» Тамары Орловой, Анна Романовна Мячина - самая близкая подруга Алькиной мамы вплоть до последнего ее дня.

Из школы Алька шла совсем другой дорогой - через совхоз. Да, да, именно через совхоз, но не через тот, что сейчас на Вальковском шоссе. Обратный путь был для нее намного веселее. Совхоз, через который она возвращалась домой, был виден из окон ее школы так же, как сейчас виден стадион «Заполярник». В 50-ом году на этом месте не спортсмены бегали за своими рекордами, здесь к своим коровьим рекордам стремились обыкновенные заполярные буренки, дающие молочко по карточкам только самым маленьким норильчатам, а первоклассникам молока уже не полагалось.

Вообще-то к молоку у Альки было свое отношение. Еще в детском саду, наливая рыбий жир в столовую ложку Алле Карловой, худой и болезненной девочке, Калерия Петровна нечаянно поделилась и с Алькой, накапав этот «рыбий нектар» в ее тарелку с молочным супом. Воспитательница и не подозревала о своей оплошности, а вот Алька... Альки за столом еще не было, она в этот злосчастный момент мыла руки. А через минуту Алька уже опять мчалась в туалетную комнату, зажав двумя руками рот и чуть не сбив с ног изумленную с бутылочкой рыбьего жира в руках Калерию. Любовь к молоку вернулась к Альке лет через двадцать. Так что, когда из Дудинки привозили кругляши замороженного молока, Алька не могла на них смотреть без содроганий в желудке. Она только думала - это сколько же надо алюминиевых мисок, чтобы столько молока наморозить. Алька была уверена, что для этого используются именно алюминиевые миски, других она в ту пору просто еще не видела. Их расставляют на ровном снежном поле и наливают молоко - так Алька представляла себе получение круглого молочного льда.

Но вернемся к нашим коровам. А впрочем, и к свиньям тоже. Алька вместе с ватагой детей шла домой через территорию совхоза, и его специфические запахи заползали в нос, валенки, под шубу, а его необыкновенные звуки надолго застревали в ушах: в коровниках на разные голоса мычали коровы (быки, наверное, тоже мычали), в свинарниках стояли визг и хрюканье. Дети и сами, разбаловавшись, начинали мычать, хрюкать и визжать, передразнивая животных. И вот такая веселая компания подходила к большой горе, которой заканчивалась территория совхоза (при строительстве стадиона площадку выровняли, и гора потеряла половину своей высоты). Предстоял спуск, захватывающий дух. А на чем же еще скатываться с горы, если в руках, кроме портфеля, ничего нет? Дом, где впоследствии разместилось кафе «Спорт», еще не был построен. Так что катиться можно было, чуть ли не до самой Алькиной двухэтажки.

Катание на портфеле продолжалось до тех пор, пока мама не сказала Альке, что другого портфеля ей больше не купят и что с этим обшарпанным, теряющим свою первоначальную красоту, подобием портфеля ей теперь придется ходить в школу вплоть до десятого класса. Альку никогда не били. Ей просто говорили, что может получиться из-за ее непослушания, и предлагали подумать самой. Выводы делать она умела. Катание на портфеле больше не повторялось, а вот катание просто на шубе началось. Алька знала, что уж шубу-то до десятого класса ей носить не придется. Она же все равно из этой уже давно не новой шубы скоро вырастет.

Почти все уроки у Альки были любимыми. В ее голове все укладывалось по порядку, и чувствовала она себя в стенах школы очень комфортно. Но особенно ей нравилось на уроке чистописания выводить немыслимые завитушки чудесным пером. Изменяя нажим, можно было играть толщиной линии и получалось так замечательно, что ей самой хотелось любоваться тем, что выходило из-под ее руки. В этой тетрадке были самые красивые пятерки. Эту тетрадку всегда брали на выставку. Но уж чему быть - того не миновать. На занятия дети приносили свои чернильницы, а сидящий впереди мальчик Магай (его все звали по фамилии) никогда этого не делал. Он предпочитал пользоваться Алькиной чернилкой. Повернувшись к Альке, он быстрым резким движением вонзал ученическую ручку в чернилку, но через минуту он уже поворачивался снова. Создавалось впечатление, что мальчик Магай совсем не пишет, а только за чем - то вертится туда - сюда. Он так и запомнился Альке черноголовым «вентилятором».

А в тот раз дело было так. Очередной поворот - ручка в чернилке - поворот назад, но чернилка поднялась в воздух вместе с ручкой, не желая с ней расставаться, и в следующее мгновение на Алькиной тетрадке зашевелился огромный фиолетовый жук. Дети застыли, наблюдая, как у этого жука множатся и удлиняются толстые и тонкие ножки, заполняя на другие листы, на парту и друг на друга. Алька поняла, что «звездная карьера» ее тетрадки на этом закончилась.

Поселок Норильск готовился к встрече очередной годовщины Великого Октября. Красные полотнища флагов и лозунгов были для Альки уже привычны. Но вот на доме, что был рядом с Алькиным домом, в котором обычно проходили разные взрослые собрания, где показывали кинофильмы и выступали артисты театра (этих выступлений Алька ждала с особым трепетом), вдруг загорелось множество лампочек «XXXIII ВЕЛИКОМУ ОКТЯБРЮ». Начало этой пылающей строчки для Альки было более чем загадочным. Ну, прямо ребус какой-то. Алька по-своему пыталась его расшифровать. Если это три буквы «Ха», то получается «Ха, Ха, Ха три раза ВЕЛИКОМУ ОКТЯБРЮ». Этого она допустить никак не могла (она уже знала, за что попадали люди за колючую проволоку). А если это знаки умножения, то зачем они здесь? Пришлось все же пристать к маме. Почти шепотом на ушко мама Альке сказала, что про «ха, ха, ха три раза Великому Октябрю» никогда никому, даже подружкам, рассказывать не надо, а потом, не сдерживая смеха, объяснила, что это цифра 33, только записана другими значками. В этих значках Алька уже никогда больше не пугалась.

В тот день в школу Алька пришла не совсем в обычном виде. На ее голове не было заплетенных косичек, волосы торчали в разные стороны, как их ни приглаживай, а завязанный папой большой бант распался с волосами еще по дороге в школу. Екатерина Петровна подозвала Альку к себе, водрузила бант на место и тихонько спросила: «Ну что, Аленька, наверно, мамы дома нет?» Алька глубоко вздохнула и молча кивнула. Это был день рожденья того, кого Алька уже всем своим сердечком готова была принять как сестренку или братика, но в то же время неизвестность предстоящего события внушала ей огромное беспокойство. После уроков были отменены бесконечные скатывания с горки на шубе, она помчалась домой, и долго ждала папу. Он пришел улыбающийся и просто сказал, взяв Альку на руки: «Теперь у нас две дочки». Это был день рожденья сестры Нелли.

Алька и папа готовились к встрече нового члена семьи основательно. Драили и чистили каждый самый маленький уголок их комнаты, хотя мама и так содержала ее почти в идеальной чистоте. Удаление пыли повсюду в комнате было постоянно закреплено за Алькой. Пылесосов тогда еще не было, а вот пылесборников - сколько угодно. Особенно преуспевающим и жадным в этом деле был большой искусственный куст, темно-зеленые крупные листья которого напоминали кленовые. Когда она заканчивала протирать последний лист этого куста, на первом уже опять было почти полное собрание пыли. Вот таким противным было это «растение», но его держали в доме, так как считалось, что оно украшает скудный интерьер. Мама видела, с каким сопением и пыхтением идет работа, и всегда говорила: «Зато свою силу воли воспитываешь».

На этот раз все у Альки получалось быстро и хорошо. Складывая в стопку учебники на своем маленьком столике, Алька увидела шахматную доску. Раньше ее не было. С правилами шахматной игры Алька еще не была знакома. Расставив фигуры на доске так, как ей нравилось, она придумала для них свои правила. Короли скакали на конях по всей доске, командуя пешками. Королевы скромно стояли в углу доски, наблюдая за развернувшимися баталиями. Ладьи, больше похожие на сторожевые башни, укрывали королев.

Большой пир по случаю окружения черного короля и его капитуляции пришлось прервать - пришел папа. Он сел за Алькин столик, расставил фигуры на принадлежащие только им клеточки и стал рассказывать о поведении каждой из фигур на доске. Конечная цель шахматной игры, как объяснил папа, выражаясь военным языком, взять на прицел короля противника и не позволить ему сделать и шага без угрозы остаться без головы. Большого он и сам пока не знал. Состоялся первый матч начинающих шахматистов. Конечно, с первого раза трудно запомнить все правила этой игры, но буква «г», которой ходит конь, сразу же зацепилась в Алькиной памяти своим крючком. Когда черная папина королева оказалась под «боем», Алька взяла да и «съела» ее своим белым конем. «Ты гляди!» - не то восхищенно, не то сокрушенно выдохнул отец. Впоследствии он стал преуспевающим шахматистом среди соседей и сослуживцев. Алька тоже азартно играла в шахматы. Жаль, что в карты играть ей не разрешали.

На большой школьной перемене первоклашки наперегонки мчались в пионерскую комнату, которая одновременно была «Игротекой». Споря и толкаясь, рассаживались за шахматные доски и начинались битвы. Играла не только в шахматы, но и в шашки, в «Чапаева», в уголки. Иногда битвы переходили в настоящие драки после уроков из-за непонимания и несоблюдения правил игры. Алька для первоклассницы была крупной девчонкой, и поэтому с ней редко кто спорил. Кроме того, она категорически считала, что правила, по которым она ведет игру, и есть самые верные и поэтому никаких споров не может быть.

Маленькая сестренка безраздельно завладела маминым временем, словно других членов семьи не было вовсе. Она как бы еще не совсем отделилась от маминой плоти, но Алька не испытывала никакой ревности или неприязни. Напротив, она стремилась помочь всем, что было ей по силам. Бабушка Евдокия, с которой Алька росла в Новосибирске до пяти лет, культивировала в ней эту черту с пеленок. Она говорила: «Кошка не принесет мне очки, собачка только хвостом вилять умеет, а внучка - моя помощница». Альке нравилось быть и внучкой, и дочкой - помощницей. Она уже почувствовала себя старшим ребенком и решила, что доставку молока из магазина (свое неприятие молока она постаралась подавить ради маленького существа), а заодно и прочих необходимых продуктов, возьмет на себя. Взрослые согласились, тем более что в магазине работала кассиром их соседка по коммунальной квартире тетя Катя Готчина.

И вот Алька, зажав в одной варежке «молочную» карточку, а в другой - плетеную сетку со стеклянной зеленой бутылкой под молоко, ежедневно отправлялась по заснеженным дворам 28-ого квартала в небольшой магазинчик, который почему-то назывался «Дудинский». Загадочное перевоплощение происходило с молоком, когда оно попадало в бутылку - оно становилось зеленого цвета. На фоне белых снежных сугробов бутылка с зеленым молоком выглядела очень привлекательно. Алька ставила ее в снег и представляла целую мозаику из таких же зеленых бутылок, но Алька понимала, что для составления этой красивой картинки надо было иметь очень много маленьких сестренок, которым бы выдали очень много «молочных» карточек. Ни разу Алька не разбила бутылку и не пролила молока, она хорошо знала, что коровье молоко в Норильске ни за какие деньги больше взять негде.

Иногда Алька вспоминала Новосибирск, где у нее на завтрак, обед и ужин было всегда одно блюдо - картошка, которую мама и бабушка варили, жарили, запекали, сдобрив по праздникам постным маслом. Говорят, что из картошки можно приготовить около трехсот вариантов еды (а по В.Астафьеву, который написал оду картошке-кормилице, так и все три тысячи). Наверное, столько вариантов и придумали мамы и бабушки, у которых кроме этого

овоша в сусеках и закромах ничего больше не было. Алька и в Новосибирске лезла ко всем взрослым со своей, как она считала, очень нужной и своевременной помощью. Конечно же, бабушка без нее не могла быстро начистить картошку. Алька неплохо управлялась с ножом. Однажды, взяв большую картофелину, она аккуратно и тонко начала срезать кожуру, бабушка отвлеклась на некоторое время и не наблюдала всего процесса полностью. Дочистив большой плод, Алька взялась за маленький, но тут бабушка повела себя совсем не по честному. Она строгим сердитым голосом сказала: «Все, Аля, твоя помощь мне больше не нужна. Ты из больших картошек делаешь маленькие. Клади нож на стол, а то в сенях уже дед Нагоняй ногами топает». Это было несправедливо. Деда Нагоняя Алька еще никогда не видела, но всякий раз при упоминании его имени ей становилось не по себе, совсем так же, когда она, бегая далеко от дома, вдруг сталкивалась с киргизом или с другим «лицом азиатской национальности», как сказали бы сейчас. Эти лица внушали ей необъяснимый страх, и она со всех ног летела домой. Что заставляло ее бояться? Их необычная внешность или непонятная речь? Словом, деда Нагоняя Алька представляла себе именно таким.

А в другой раз Алькины любимые женщины очень долго отмывались от ее «помощи». Накануне бабушка подбеливала печурку. Это небольшое кирпичное сооружение в углу, облицованное кухню, и кормило, и обогревало, и создавало уют в комнате. Печурка всегда сияла белизной. Бабушка за этим первоисточником всей их жизни следила сама. А на этот раз после подбеливания печки извести в ведерке осталось еще много. Белый чистый цвет у Альки был любимым и она, оставшись дома, как всегда, одна, решила, что пол у них тоже должен сиять белизной. Можете себе представить, что было со взрослыми, когда они, вернувшись с работы домой, увидели побеленный пол. Кое-как придя в себя, они посадили Альку на сундук, запретив слезать с него до тех пор, пока пол не обретет свой обычный вид. Для Альки это было самым страшным наказанием - сидеть на сундуке, ничего не делать и смотреть, как мама тщательно отмывает уже успевшую подсохнуть извесь.

Алька шла в очередной раз с бутылкой «зеленого» молока домой, вспомнила всю эту историю с побелкой пола и улыбнулась - тогда она была «молодой» и неправильной помощницей, а сейчас совсем другое дело - она же первоклассница.

1950 год быстро шел на убыль. Перед новым годом Алька успела поболеть корью, когда температура ее тела, необычно раскрашенного красными точками местами собиравшимися в пятна, выскакивала за пределы термометра. Ей казалось, что «градусник» тоже начинает заболеть, постепенно накаляясь и приобретая алый цвет - алый цвет был повсюду из-за красной лампы под потолком. Бесконечный сон она вынести не могла. Ее подвижность никак не хотела обращаться в неподвижность. «Я лежу, болею, сам себя жалею» - тут Агния Барто опять кстати. Наконец, ей разрешили рисовать, сидя на диванчике. Рисовать Алька любила. Еще в детском саду к ней выстраивались большие очереди из девочек и мальчиков, как к большому специалисту по созданию бумажных кукол - красавиц и по изображению звездочек, танков и самолетов почти безупречной формы. А сундук бабушки Евдокии, оставшийся в Новосибирске, изнутри весь был оклеен ее рисунками.

На этот раз Алька рисовала елочку. Зеленая красавица выросла в потолок. Яркие елочные игрушки густо разместились на ветках. Вот только Дед Мороз - крупных размеров старичок, никак не хотел улыбнуться. Алька пыталась растянуть его суровые губы в улыбку, но улыбка у старичка получалась или кривая или ехидная. Ластик сделал свое «стиральное» дело - на месте рта у нарисованного Деда Мороза образовалась большая дырка в виде буквы «О». Получился «оруший» дед. Наверное, он орет оттого, что мешок с подарками слишком тяжелый, решила Алька.

Рисунок - это всегда мечта, это всегда что-то неизвестное и очень волнующее, это загадка, сидящая где-то внутри для тебя самого, а потом появляющаяся с твоей помощью на бумаге или еще где-нибудь. И вот елка, совсем как на Алькином рисунке, появилась не где-нибудь, а в комнате, и тоже ростом до потолка. Живая, пахучая и колючая, она стояла в углу, и казалось, что разметала она свои ветви по всей комнате. Это было настоящее счастье. Елочные игрушки папа принес в большой картонной коробке. Стекланных шаров было немного, а разных птичек, грибочков, зверюшек из раскрашенной плотной ваты - сколько душе угодно. Соседские мальчики Додик и Боря Готчины помогли ей сделать для елки бумажные цветные цепи. Новогоднее счастье на все каникулы поселилось у Альки дома. К Альке приходили дети, жившие по соседству: Алла Кучер, Люся и Валентин Михеевы, Валя Шматлай, Готчины, Бородины, и все веселились, как умели.

А в школе новогоднего счастья было еще больше. Многочисленные девочки-снежинки в накрахмаленных марлевых нарядах, столько же мальчиков-зайчиков и почти все мамы и папы пришли на новогодний утренник. Самыми большими и желанными новогодними спецэффектами в 50-ом году были Дед Мороз и Снегурочка в исполнении актеров Драмтеатра, ну и, конечно, подарки с неизменными двумя апельсинами, яблоком,

печеньем и конфетками - карамельками. В прошлом году Альке в детском саду была поручена роль той самой хитрой Лисы, которая съела румяного круглого героя сказки. Там у нее был настоящий лисий рыжий хвост, пришитый к огненно-красной юбочке, шапочка с ушками и роскошный рыжий воротник. Но роль простой снежинки ей тоже нравилась - ведь у нее была необыкновенно красивая корона. Мама завернула картон в серебряную фольгу и расшила бусами, корона сияла в свете разноцветных лампочек ничуть не хуже, чем у царевны Лебедь, которую Алька видела на репродукции с картины Врубеля.

Новый 51-ый запомнился еще и тем, что было положено начало Алькиной собственной библиотечке, пусть пока состоящей из одиннадцати детских книжек. Семья медицинских работников Сидоровых, жившая в Алькином доме, только в другом подъезде, пригласила Альку к себе в новогодние гости и преподнесла ей этот бесценный подарок. Дети Сидоровых уже выросли из детских книжек, а для Альки было большой радостью стать их новой читательницей и хозяйкой. Оказывается, дядя Саша и тетя Зина Сидоровы были на одном фронте с Алькиным папой, но тогда они его не знали. Только в Норильске выяснилось, что на фронте почти одновременно все трое вступили в ряды партии, чтобы в бой за Родину идти коммунистами, и порядковые номера их партийных билетов следуют один за другим.

На уроках после новогодней беззаботности трудно было удержаться от желания поделиться с соседом по парте, а то и со всем классом, вдруг ярко вспыхнувшим в памяти недавним веселым событием. Терпению Екатерины Петровны, казалось, не было предела. Она никогда не повышала голос на своих детей, наоборот, просила рассказать всем то интересное и радостное, что так и выливалось из ребенка наружу. Но постепенно всплески яркого веселья уменьшились в размерах, а затем спокойно улеглись в общую плоскость школьных будней.

В нынешнее «интернетное» время трудно представить нормальное дитя, пришедшее в 1-ый класс общеобразовательной школы для тщательного изучения Букваря. Сейчас дети, впервые переступая порог начального учебного заведения, зачастую знают буквы не только русского алфавита. А тогда, каких-то 50 лет тому назад, первоклассники изучали страницы своего Букваря весь долгий учебный год.

Алька собралась было откровенно мучиться и скучать в школе, но тут после уроков к ним в класс пришли взрослые дети вместе с всеобщей любимицей, старшей пионервожатой дружины имени Павлика Морозова - Агриппиной Петуховой (дети ее звали просто Грушей). Весь 1-й «А» не сводил глаз с ярких алых галстуков ребят - пятиклассников. Эти дети тоже учились у Екатерины Петровны в начальной школе. Завязались длительные, доброжелательные отношения старших и младших.

Чаще других к первоклассникам прибегал Артур Усачев. Младшие с нетерпением ждали этих встреч, прежде всего потому, что Артур был рожден массовиком-затейником. Весь в веснушках, лучистый, но не рыжий мальчик увлекал малышей разными новыми играми, артистично читал перед детьми стихи и рассказы, забавлял веселыми историями. Он приручил первоклашек сразу и надолго. А в день рождения бабушки Ленины почти все «аковки» стали октябрятами. Дружба младших и старших учеников Екатерины Петровны Глебовой продолжалась до тех пор, пока старшие не окончили школу, и не уехали учиться дальше (случилось так, что Артур Усачев стал студентом Киевского политехнического института, где учился и будущий Алькин муж, но это уже совсем другая история).

Друзей у Альки было много. Кроме тех, что жили рядом, само собой разумеется, появились и школьные. Стала близкой подружкой Тома Близнякова. Представляете - две подружки: одна самая рослая в классе, другая самая маленькая. Как оказалось, Тома жила недалеко от Альки. Собрав всех своих многочисленных друзей, они шли в кино в воинскую часть, расположенную рядом. Отец Тома был чуть ли не главный командир этой части, поэтому детям во главе с Томой был обеспечен беспрепятственный пропуск часовыми. Усаживались за экраном на сцене прямо на пол и раз по десять смотрели каждый фильм. «Небесный тихоход» с Николаем Крючковым в главной роли стал самым любимым. А потом на уроке пения первоклассники хором распевали песню из этого кинофильма о том, что «на земле не успеешь жениться, а на небе жену не найдешь» и дальше - «первым делом, первым делом - самолеты, ну, а девушки, а девушки потом». Французский фильм «Три мушкетера» стоял на втором месте по популярности, а его песенка «Вар-вар-вар-вар-вара, судьба моя Париж, поэтами воспетый от погребов до крыш» постепенно приобретала все новые слова и в разных местах можно было слышать самые невероятные варианты ее перевода с французского. Из кинофильма «Анаконда» Альке особенно запомнился кадр, где громадная змея, только что проглотившая целиком поросенка, лежала, вытянувшись во всю свою длину, и в том месте, где у нее внутри был несчастный поросенок, змея как бы сама становилась поросенком, потому что ее шкура четко повторяла все изгибы поросенка. А почему бы поросенку ни прокусить эту громадную гадину изнутри, думала Алька, забывая, что

поросенок в утробе змеи уже давно не живой. Все кинофильмы шумно обсуждались в школе. А сама школа выполняла роль воспитательного и культурного центра. В «Горстрое» еще не было ни кинотеатров, ни концертного зала, ни библиотек, ни спортивных сооружений. Часто после уроков «Актовый зал» школы превращался в кинозал, и у спортивного зала тоже не было ни минутки свободной.

О маме Тома Близняковой Марии Никаноровне надо писать только восторженными словами, потому что она была виртуозной портнихой. Пусть попробуют все кутюрье вместе взятые из послевоенного «ничего» сшить то, что шила она для своих милых заказчиц, а те платили ей своей искренней любовью. У Тома Алька впервые увидела «Журналы мод». Надо сказать, что на Альку, как и прежде, постоянно сыпались заказы на изготовление картонно-бумажных красавиц от всех девчонок не только ее класса, но и всех прилегающих тоже. Процесс был поставлен на поток, так как картон и бумага плохо выдерживали бесконечные переодевания плоских красоток, зато из рисованных Алькой фасонов платьев можно было составить не один свой «Журнал мод». Имея под рукой лоскутки разных тканей, Алька и Тома решили платья для кукол не только рисовать, но и шить. Это была настоящая революция. Нарядов из ткани на бумажных куклах еще ни у кого не было. И вот эти разодетые рисованные барышни стали на уроках тайно ездить на балы и в гости друг к другу. Нередко и мальчики подключались к нелегальным играм, выполняя роль «извозчиков». Екатерина Петровна была очень обеспокоена этими «дворцовыми интригами» и для начала предложила приобщить плоских красавиц к грамоте, а уж потом к балам и прочим развлечениям. Дома Алька и Тома действительно стали «учить» их грамоте, по очереди изображая из себя Екатерину Петровну. Правда, их «класс» был не так полон, как хотелось бы. Кукол и других игрушек у них было немного.

Еще одна школьная подружка Галя Князева жила далеко от Альки, и мама редко разрешала ходить к ней в гости. Алька пересекала площадку перед школой и по пути заходила в небольшой магазинчик, где продавалась разная снедь. Алька покупала конфеты-подушечки, там же можно было купить вкусный компот из персиков, а еще там стояли две бочки с икрой: одна – с черной, другая – с красной. Норильчане покупали икру не малюсенькими баночками, а, по крайней мере, по полкило, и не размазывали одну икринку на два бутерброда.

Войдя в подъезд, где жила Галя Князева (Севастопольская, 12), Алька могла сразу сказать, что Галина бабушка Катя печет пироги. Тогда в подъездах витал добрый дух домовитости, порядка и покоя. Пирожки бабушки Кати были необыкновенно вкусными, и, самое главное, их всегда хватало на всех Галиных подружек. Маленькая, подвижная хлопотунья бабушка Катя радушно встречала многочисленных посетителей их большой семьи. Казалось, что эмалированные тазики с ароматными пирожками, стоящие на кухонном столе, были волшебными – сколько ни бери, горка пирожков не уменьшалась. Но отца Гали девочки побаивались – он отличался невероятной строгостью.

Когда Алька выходила на улицу просто гулять, и была твердо уверена, что в ближайшее время взрослые о ней не вспомнят, она открывала для себя все шлагбаумы запретов на своих неисповедимых путях. Она гуляла там, где ей нравилось.

Недалеко от ее дома были вырыты глубокие котлованы для прокладки коммуникаций. Летом Алька видела, как люди с номерами на спинах катали тяжелые тачки с грунтом по доскам, проложенным в грязи. А внизу, на дне этих больших ям такие же люди, вооруженные кайлом и лопатой, взмах за взмахом уходили вглубь земли, заполняя тачки грунтом, отвоеванным у вечной мерзлоты. Это была их «ручная» работа. К осени люди ушли, а дно вырытых ими громадных ям покрылось водой. Ветер забавлялся тем, что на ее поверхности изображал «стиральные доски» для Гулливеров, то и дело меняя направление ряби. Чтобы увидеть настоящую стиральную доску теперь, надо, наверное, пойти в музей. А зимой на дне котлованов белеющий снежок так и звал в него прыгнуть, обещая самую мягкую посадку. И ребятишки не отказывали себе в этом. Разбежавшись и оттолкнувшись от края котлована, они хоть на какое-то мгновение становились свободными воздухоплавателями, а затем, плюхнувшись в белую перину снега, долго барахтались в его глубинах, как пловцы-подводники, запутавшиеся в непролазных водорослях.

Альку одновременно пронизывали два чувства: страх и ослепительная радость его преодоления. Позднее она где-то прочтет, что «все твои победы начинаются с победы над собой». Прыжок в котлован – это, конечно, не шаг в открытый люк летящего под облаками самолета, но это тоже была ее маленькая победа над собой. Да и стыдно ей было не прыгнуть – звание обязывало. Весь двор стал звать ее «Алька – парашютистка» после того, как она, катаясь на перилах в подъезде, нечаянно слетела с перил второго этажа на ребра деревянных ступенек первого. Кроме шишки, буквально выросшей в одно мгновение на Алькином лбу на глазах у оторопевших детей, ни внутри, ни снаружи своего организма Алька после «приземления» ничего не приобрела. Но очень обеспокоенная мама потащила ее сначала к

одному врачу, который несколько раз принимался ее прослушивать. Потом был визит к другому врачу, который дергал Альку то за ноги, то за руки, нажимал на костяшки позвоночника, брал в свои руки Алькину голову и вертел ее то в одну, то в другую сторону, словно хотел отвинтить, ожидая визга или крика от боли, но так и не дождался. А из-за шишки на лбу Алька визжать не собиралась. После этого непредвиденного полета мама строго предупредила Альку о том, что если дочь даже подумает о катании на перилах, будет наказана. «Как же она узнает, если я только подумаю?» - удивлялась Алька. Но огорчать маму она не хотела и не стала больше кататься на перилах. И это тоже была маленькая победа над собой. Потом все говорили, что это толстая рыжая шуба стала Алькиной спасительницей, а то ребенок непременно бы что-нибудь себе сломал или отбил внутренности.

По весне, в конце апреля носило Альку далеко от дома по заснеженным холмам - на одном из них теперь стоит бассейн. В тот день снег завораживающе поблескивал, следы куропаток соединились в запутанный узор, распутывая его, Алька и ушла так далеко. Валенки отяжелели от мокрого снега, набившегося в них до самых краев. Застряв в рыхлом весеннем снегу по пояс, безуспешно пытаясь высвободить то одну, то другую ногу, она решила отдохнуть, и улеглась на снег свободной частью туловища. И тут Алька обомлела - прямо над ее лицом склонились пушистые в нежной желтоватой пыльце вербы. Несколько мгновений Алька боялась моргнуть, опасаясь потерять их из виду. Или снег устал держать Альку за ноги, или она хорошо отдохнула, только пленение кончилось. Она вытряхнула из валенок комки снега, осторожно выбралась на наст и на четвереньках снова подползла к вербе. Наломав целую охапку «пушистиков», она отправилась домой.

Возле первой школы перед ней вырос какой-то дядька. «Так, так, откуда дровишки?» - дядька загородил дорогу. Алька уставилась на него немигающими глазами, стараясь понять, о каких таких дровишках речь. Постепенно возмущение надуло Алькины щеки до крупных размеров и окрасило их в пунцовый цвет - это как же вербную красоту можно называть дровишками? А? «Ну, что же вы молчите? Ваше слово, товарищ маузер» - не унимался незнакомец. «Никакая я вам ни Маузер, меня зовут Аля и мне уже давно пора домой» - Алька начала бояться этого дядьку, совсем как в раннем детстве боялась деда Нагоняя. «Тогда позвольте поинтересоваться, милая Аля, в каком вы классе обучаетесь, в 7-ом или в 10-ом?» - дядька продолжал провоцировать Альку на правдивые ответы. Но Алька подумала, что этот дяденька, по меньшей мере странный, а если брать по мере большей, то совсем дурак, раз не видит, что она первоклассница. Но вслух сказала: «В каком надо классе, в таком и обучаюсь» - и пустилась бежать, крепко прижав вербы к груди. Дядька остался стоять на месте.

А на следующий день был первый привод Альки в кабинет директора школы. Потом их будет еще достаточно, всех и не вспомнишь, а первый... Он запомнился очень хорошо, потому что в кабинете, куда она была приглашена прибежавшим мальчишкой с лукаво блестящими глазками, сидел тот самый вчерашний дядька. Как он узнал, где учится Алька, это остается загадкой и по сей день. Но есть предположение, что при желании сделать это было не трудно, так как школ в «Горстрое» было всего-то две. Директор школы, взглянув на Альку, перевела глаза на дядьку и спросила: «Эта девочка рвала вчера вербы?» Он закивал, а затем стал быстро говорить, внушая им обоим: «Вы представляете, что будет вокруг поселка в ближайшем будущем, если каждый станет рвать вербы или цветы? Да мы же будем жить в пустыне!» Похоже, слова этого провидца сбываются, только виноваты в этом совсем не дети, приносящие в дом вербы.

Учебный год устало приближался к своему завершению, и все первоклассники в предчувствии этого замечательного события уже стояли на одной ноге, высоко подняв другую, чтобы поставить ее на следующую ступеньку общеобразовательной лесенки. А школа готовилась к своему первому празднику - последнего звонка. В 1951 году школа №4 выпустила всего один десятый класс.

И тут Алька загрустила, нет, не потому что ей не хотелось побыстрей отделаться от надоевших уроков - ей не давал покоя ее собственный рост. Дылда, да еще упитанная. Это же надо было, ей так вырасти буквально за одно лето перед самой школой. «Если ты каждое лето будешь прибавлять по 10 см в росте, то для девочки это может плохо кончиться» - так отреагировала мама. Альке показалось, что это «плохо» уже началось, когда на репетиции юноша-десятиклассник, окинув ее взглядом, засмеялся и сказал: «А знаешь, Алька, когда я посажу тебя на плечо, твои ноги все равно останутся на полу». Алька понимала, что он шутит, но от этой шутки ей даже захотелось всплакнуть. Хорошо бы хоть на время этого праздника поменяться ростом с Томой Близняковой, а еще лучше (если уж такое будет позволено) поменяться местами с этим веселым юношей. Дома Алька призналась себе в истинной причине своей грусти - ей очень хотелось быть той самой маленькой первоклассницей, которая в последний раз звонит колокольчиком для выпускников.

Но на самом празднике Алька восхищенно смотрела на десятиклассников и думала о том, что она тоже обязательно отрастит себе такие же косы ниже пояса, как у вон той темноволосой выпускницы (так оно потом и произошло), только бы поскорее минули эти десять лет. А Тома Близнякова была самой счастливой из всех первоклассников - это был тот редкий случай, когда ее маленький рост стал большим преимуществом, и Алька радовалась за нее. Именно она пробежала по кругу спортивного зала с маленьким заливистым колокольчиком в руке, и выпускники в последний раз слушали его звон. Тому уже не стригли «под мальчика». Капроновых белых бантов тогда еще не было, но Мария Никаноровна соорудила пышный бант из неизвестной Альке ткани. Выпускники подарили первоклассникам книги, и это был самый лучший подарок.

Потом пришел день, когда всех первоклассников поселка Норильск собрали в Драматическом театре, чтобы поздравить с окончанием учебного года. Семь отличников из Алькиного класса поднимались по очереди на сцену, где им вручали «Похвальные грамоты». В их числе были и Галя Князева, и Марик Гуров, и сама Аля Лихоткина. Только одна девочка, которая не выполняла задания на уроках, а имела привычку раздеваться, когда было жарко в классной комнате, осталась на второй год. Троечников было совсем мало, а «хорошистов» - больше чем половина класса.

Мамы и бабушки приготовили «чайный стол». Эта традиция живет и по сей день. Все сердечно благодарили Екатерину Петровну Глебову, а она, уже пожилой и не очень здоровый человек, улыбалась и отвечала: «Вот доучу своих любимых, а потом и на покой». Эти первоклассники действительно в ее жизни стали последними. Где вы теперь: Света Левандо, Света Плотникова, Света Кудачкина, Света Кузнецова, Света Хорошавина, Алла Карлова, Рая Суворова, Люба Зырянова, Галя Князева, Тома Близнякова, Жанна Огаркова, Лида Кравченко, Гера Серебряков, Витя Карпов, Марат Гуров, Витя Виганюк, Саша Иванов, Шурик Ильин, Феликс Здвизко, Гена Соколов, Юра и Эмма Ореховы, Магай ..., Гена Малинин, Дымов Вова, Пацкевич Вова, Юра Саморуков, Юра Жулин? Вас помнит и любит Алька Лихоткина - Алевтина Щербакова.

P.S. Две дочери Алевтины Лихоткиной-Щербаковой стали учительницами: Щербакова – Исакова Елена Геннадьевна преподает историю в школе № 46 Оганера, Щербакова – Ломова Ольга Геннадьевна заведует художественным отделением школы искусств также в Оганере

Ирина Дубовицкая

Коренная дудинчанка. По специальности - бухгалтер. Публикуется впервые.

Казино.

«Производится набор юношей и девушек до 25 лет для обучения и последующей работы в казино...» Далее шли номера телефонов и адрес. Вдруг совершенно четко я поняла – мое. Глаза еще и еще пробегали строчки небольшого объявления в местной газете. Закручивался вихрь безрассудства. Ирония была в том, что а) мне-то уже 32, б) муж будет явно против, в) я до ужаса боялась, но все равно знала, что на собеседование пойду. Логика в этом не была никакой, больше всего меня добивала мысль, что я не могу понять, – почему я, собственно, этого хочу и откуда вообще у меня это желание при моих тридцати двух и ординарной внешности...

Вечером следующего дня, сидя на кухне у Ольги, держа трясущимися от пережитых волнений руками маленькую чашечку кофе, я рассказывала подруге о пройденном собеседовании, своей неожиданно проявившейся авантюрной жилке и надеялась, что она, чье мнение для меня было очень важным, скажет что-нибудь грубо - отрезвляющее и я снова стану милой маленькой домохозяйкой. Без извращений и психических отклонений (как подвел черту мой муж, категорически запретивший вчера и думать на тему казино).

Моя надежда на Глас Божий рассыпалась в прах, когда я, покрасневшая от стыда за свое необъяснимое поведение, подняла взгляд на подругу. Ольга стояла у плиты с огромными глазами с восторгом и по-ни-ма-ни-ем... смотрела на меня.

- Я тебе завидую, - решительно заявила она. – Я бы так не смогла, я знаю!
- В моем возрасте все это глупо! – пыталась вернуть ее на путь критики я.
- Но ведь ты прошла собеседование, и дальше будут интереснейшие наверняка занятия, затем – новая работа там, где хотя бы раз хотел бы побывать каждый! Не вздумай колебаться!

Она налила нам по капле коньяка и заставила отметить мой неожиданный для всех поступок. Хм... колебаться!?! Да я себе напоминала танк неуправляемый... Хотела бы я, действительно, колебаться... это был мой обычный стиль...

Понимая, что такова знать судьба, я немного успокоилась и рассказала Ольге о тех, кто решился, как и я рискнуть, искренне восхищаясь внешностью двух девушек – высокой стройной с меблированными каштановыми локонами до пояса (почему я ее раньше не замечала в нашем небольшом городке?) и другую, не менее эффектную – похожую на Красотку, подружку Гира из мелодрамы, но еще более юную. При этом я почему-то не делала «судьбоносных» выводов по поводу своей обычной внешности, что тоже вообще-то не было на меня похоже.

Нашего маэстро звали Раймондс. Оборудование для казино уже было доставлено в маленький зеркально-черный бар тур гостиницы. Ярко-зеленое сукно рулетки и блэк-джека, разноцветные столбики фишек-чипов удивительно красиво смотрелись. Начались занятия и взволнованные новички тренировали непослушные «деревянные» пальцы, записывали правила, пытались производить в уме сумасшедшие совершенно подсчеты, а Раймондс, с холодноватым акцентом взвешенно и строго лепил из нас что-то очень любопытное. Периодически, в редкие минуты отдыха я поднимала взгляд к низкому зеркальному потолку и любовалась отражением – феерическим зрелищем рассыпанных многоцветных чипов, яркой маркировкой зелени сукна, сверкающее крутящееся колесо рулетки и да, собой, которой все это безумно нравилось. Бар тонул в полутьме, но карточные столы и поле рулетки хорошо освещались, создавая живописные оазисы сочных цветовых пятен и «нервного электричества». Мне казалось, что если бы даже на этом все оборвалось, я уже была бы благодарна случаю, я пережила настоящий эмоциональный взрыв.

Да, через неделю моих комментариев за чашкой кофе, подруга тоже сорвала с себя остаток здравого смысла и вслед за мной смело бросилась в омут. Теорию она уже знала по моим записям, яркая внешность понравилась руководству и взволнованная, как и я вначале, она приступила к занятиям.

Смешно звучит, но это было чудесное время, мы были почти счастливы. Учитывая, что благополучный муж Ольги и мой, совершенно неблагополучный, были единым фронтом оппозиции, требовали периодически то развода, то ухода с казино, мы еще хорошо держались.

Супруги наши были ошеломлены «восстанием из мертвых» (как это мы для себя называли). Они дружно определили, что брали себе в жены других женщин. Особенно усердно взывал к справедливости мой муж – его невеста была тихой полненькой крошкой с длинными темными волосами, почему же через несколько лет жена оказалась тощей (ну... я бы сказала – стройной) белобрысой (блондинкой...) дурой (!?!) с мальчишеской стрижкой???

Что я могла на это ответить, он был в чем-то прав, но парадокс заключался в том, что верьте – не верьте, в душе я «худенькая блондинка» с детства. Просто я, наконец, стала собой. «Дуру» же я упорно отказывалась комментировать даже себе... Может, он и в этом прав...

А муж Ольги... Нет, цитирую:

- Как ты можешь этого хотеть? Как ты можешь даже Мечтать об этом?

Как будто мечты нам бывают, подконтрольны... Но в его упорядоченной вселенной было именно так, а не иначе. В каком каталоге было место золотистым газельим Ольгиным глазам, трудно сказать, но было точно. Мою подругу любили.

Стали послушными мои длинные пальцы, сложные подсчеты не ужасали с первой секунды, гордо осознавала – могу! Раймондс, вбив в нас первые начальные навыки, стал делать особый упор на артистическое изящество движений за рулеткой, летящую стремительность иллюзиониста при работе с картами. Почему-то было проще освоить схему быстрых подсчетов, чем научить себя двигаться над всем этим казиношным великолепием с элегантной грацией прибалта. Благо пример был перед нами и постепенно группа, в которой к тому времени из пятнадцати осталось шесть человек, стала приобретать куда более приличные «очертания».

Общие трудности освоения и единое желание работать, постепенно сблизили нас. Раймондс, видя явный прогресс и энтузиазм первопроходцев, уменьшил пресс дисциплины и разрешил раз в два часа по 10-15 минут посидеть тут же в баре за чашечкой кофе, расслабиться и поболтать. К общему удивлению, наш суровый наставник оказался самым юным из нас, не считая Илги. Это она была похожа на Красотку. Она, мы с Ольгой и еще трое ребят – вот наша команда. Раймондс, невзирая на свою юность, уже поработал на западе в казино, затем стал работать в Прибалтике, его «выписал» наш шеф за приличную оплату труда на период нашей стажировки. Прекрасные рекомендации, престижное место работы и твердое желание преуспеть – нет, он положительно удивлял на фоне индифферентных юнцов нашего курортного городка. Илга, похоже, начала влюбляться. Мы с подругой просто, с удовольствием, любовались молодым преподавателем, а в минуты отдыха, Ольга, с неизменным успехом рассказывая анекдоты, смешила Раймондса до слез и смеялась сама, пытаясь объяснить украинизм и идиомы, иногда не совсем понятные нашему рафинированному иностранцу.

Раймондс взволнованно и гордо улыбался, мы же были просто в премьерном шоке, в белоснежных блузах, рубашках с черными бабочками, ожидая своих первых клиентов.

Надо сказать, к нашему счастью, дебют прошел вполне сносно. Первыми были отдыхающие в тургостинице московские «бизнесмены особого толка» – так невинно и со вкусом «объяснили» они свой немного мафиозный вид. Наши дрожащие от волнения пальцы и старательность первоклашек на первой контрольной даже умилили этих опытных прожигателей жизни. Попивая коньяк за блэк-джеком, и небрежно увеличивая ставки, похоже, намеренно проигрывая «на развитие предприятия...», они, смеясь признались, что это даже забавно, вот так присутствовать на открытии провинциального казино, приятно возбуждает, как право первой ночи... Заполночь, пугая случайных прохожих неожиданной белизной рубашек, пьяные от пережитого напряжения, мы разошлись по домам. Йес, ай ду ит!

Мы проработали все лето. Раймондс, обменявшись с Илгой адресами и телефонами, давно уехал, пожелав нам удачи. Освоившись в новой роли, я обрела не свойственную мне ранее уверенность, не зря поработал с нами психолог маэстро. Что-то новое появилось в моем характере, да, вот эта уверенность в себе и удовольствие от всех проявлений природы и жизни. Почти всех. Возвращаясь, домой с мечтательно-гордыми глазами, я жутко раздражала мужа. В ярости он давал полную характеристику моему виду, объясняя мое усталое удовольствие от работы не иначе как «сочным групповым трахом на рулетке». В шок от этих его сексуальных фантазий я не приходила, я находила в отражении абсолютно довольные глаза. Как ни странно, в такое умиротворение я приходила, проработав стоя двенадцать часов за рулеткой или карточным столом. Наверно это было странно, наверняка подозрительно, но я для себя уже решила, что это просто любовь... В кои-то веки человеку нравится его работа. И наверно это было взаимно (так и хотелось себе шепнуть), потому что мне везло. Я обыгрывала клиентов со спокойной уверенностью в движениях. Руководством это было замечено, и меня стали «выпускать» в тяжелых случаях долгого невезения крупье или когда в казино появлялся заведомо богатый и настроенный на победу клиент. Первые свои промахи такой не брал в голову, потом начал с удивлением всматриваться в меня, стоящую напротив,

раздражение сменялось каким-то уважением к чужой удаче и вот-вот... наверно это делало меня такой уверенно-счастливой. Умные, благополучные и не очень, с твердым, подчас жестким взглядом сидели они напротив меня, и редко кто уходил, не отдав зеленой шуршащей дани алчному духу казино. Эти люди как-то твердо ходили по земле, одного взгляда было достаточно, чтобы уловить это их уверенное противоборство. Но были и другие клиенты, просто зашедшие на огонек, лениво потягивая чудное крымское вино или льдистое мартини, они скорее отдыхали в азартной и элегантной атмосфере игорного зала, не заботясь о сметенных рукой крупье проигравших фишках. Целая галерея разных человеческих характеров прошла перед нами за это лето. Были истерики проигравшего клиента и небрежное «на чай» победившего, наш зал стал местом паломничества юных красоток, я и не знала, что так богато наше побережье на длинные ноги. Ярмарка... Но это было по ТУ сторону зеленого сукна... А по ЭТУ, мы как-то кожей, спиной стали чувствовать, когда вдруг кому-то из нас фортуна изменяла, и старший по залу одним движением брови совершал рокировку. «Смена дилера, смена карты»... И опять искрилось грозovým озоном над пластиком летящих по дуге карт и расчерченным полем рулетки, красное, черное, зеро... «Ставки сделаны, господа»

Под утро мы выходили из этого мира, еще чуть опьяненные азартом и, нежный приморский туман с запахом водорослей и свежей в росе зелени понемногу приводил нас в чувство. После сигаретного дыма и кондиционированного воздуха закрытого зала этот чистый густой влажный бальзам казался нам напитком богов. И постепенно в голову неизбежно приходила трезвая мысль о том, что жизнь совсем не там, в горячечной искусственной атмосфере великолепного в яркой жестокой красоте зала, а здесь, в этих свежих утренних каплях на лепестках просыпающихся роз под темными свечами кипарисов, в мощном дыхании морского прибоя, которое доносилось до наших усталых лиц. Нет, к концу лета я не была наркотически околдована. Поднявшись над собой на полступеньки, я по-новому почувствовала всю прелесть жизни вокруг. Жизнь была прекрасна и удивительна... и далеко не в зале казино. Однако я осознавала, что именно благодаря своему новому опыту стала более чуткой к настоящей красоте и правде.

Больше никого лишнего не было в зале, только наша команда и они, дюжина игроков, «единая обойма», которые приехали пару часов назад и под утро уедут, сорвав банк. Это было их работой. По одному «выступлению» в казино и дальше, дальше... Впервые я четко осознавала, в какую жестокую игру я ввязалась. Совсем не легкомысленная атмосфера была сегодня. Мрачным или деланно безразличным взглядом они как бы предвосхищали удачный номер, изматываяще-напряженно гнали игру, не давая крупье прийти в себя после неудачи, и без-бо-ож-но мошенничали. Приходилось, сознавая опасную грань, вежливо, но твердо указывать на их уловки. Тускло, и холодно отсвечивали металлом рукоятки оружия, которое они отнюдь не прятали, вальяжно развалившись в креслах и на банкетках, окружив рулетку. Совершенно откровенно было сказано, что они все равно «возьмут нас измором». Это был жестокий бой. В рамках, правда. Игры, но ни у кого из нас не было уверенности, что в какой-то момент правила не писаного благородства банды будут нарушены, и мы вообще останемся живы...

Шарик летал по кругу раз за разом, удача истерично дергалась, выматывая нервы. Эти здоровенные двухметровые мужики с тяжелым взглядом играли весьма красиво и уверенно. А нас было всего трое в эту ночь. Мальчик с охраны побежал за шефом, чтобы решить финансовые проблемы возможного проигрыша казино, а мы, Илга, я и Игорь, держались с усталой улыбкой повторяя «Ставки сделаны...»

Ошибаться было нельзя, сначала я пыталась играть по секторам дюжин на круге рулетки, прикидывая, где стоят самые «мощные» ставки, потом, когда через несколько часов, загнанные темпом игроков, мы буквально валились с ног, а бледный и мрачный шеф замаячил за соседним пустующим блэк-джеком с рюмкой ледяной водки в руке, я плюнула на все системы мира и просто положила на удачу, совершенно безнадежно, просто и глупо, «на авось». Я даже не смотрела, с какой цифры отправляла шарик в бешеную гонку по кругу, все господа, вы меня достали... И тут что-то не сразу, но медленно и верно изменилось в версии этой ночи. Вот оно, да, мы стали выигрывать... Дрожа внутри от жуткого напряжения и возбуждения, безумно боясь (о да!) сглазить, мы раз за разом сгребали ставки этой крепкой банды и ВЫИГРЫВАЛИ. Рассвет сменился ярким солнцем... Казино, наконец, имело полное право закрыться. Мы сделали это!!! К чести наших клиентов, ушли они достойно, наградив всех шампанским, а меня, сопроводив вычурным комплиментом, где было что-то о воле к победе – огромной коробкой конфет, купленной в ресторане напротив. Виват!

Именно тогда впервые прозвучало непонятно от кого, что шефу жить до сентября. Это казалось анекдотом из жизни новых русских и все не воспринималось всерьез. До сих пор не могу вспомнить, кто впервые «озвучил» это, просто все знали ставшую дежурной шутку про сентябрь. Она казалась совершенно не к месту, начинался бархатный сезон, город наполнился роскошью и мощью иномарок, наглые новенькие джипы казались марсианскими танками, женственно-элегантные кабриолеты медленно, лениво проезжали по затененным зеленью улицам, казино благоухало дорогими духами, изящно держали тонкие холеные пальцы длинные мундштуки с сигаретами, резали глаз острые блики бриллиантов перстней. Ольга уже не работала в казино, не выдержав молчаливой отстраненности мужа, она вернулась в лоно семьи и только иногда заходила к нам в бар, загадочно глядя своими золотистыми печальными глазами на весь этот театр теней. Мне же предложили замечательное место в банке, работа в операционном зале с клиентами, неплохая зарплата, скоро закончится сезон и начнется «голодная» зима. Специфика курортного города... И я решила – в конце августа пополнила ряды банковских клерков.

Через месяц – полтора, сидя в обеденный перерыв с коллегами в подвальчике напротив банка и с наслаждением потягивая чудесный кофе из крохотной керамической чашечки, хорошо хранящей его тепло, я вдруг услышала за спиной из соседней кабинки фамилию своего казиношного шефа и небрежное «... стреляли у дверей его квартиры». Застыв, потрясенная, я не могла даже шевельнуть ресницами, а к рассудку пробивались острия слов «... умирал мучительно, плакал в больнице, умолял помочь за любые деньги, но врачи были бессильны...»

Владимир Солдаков

Собственный корреспондент «Заполярного вестника» по Таймыру.
Публиковался в краевой и окружной печати, коллективных сборниках, в альманахе «Полярное сияние». Живет и работает в Дудинке.

НОЖИК С ПЕРЛАМУТРОВОЙ РУЧКОЙ

Лето на Таймыре выдалось сухим и жарким. Но забереги на Енисее появились позже обычного. И хотя весенняя путина началась в самом конце июня, рыбаки звена, в котором работал отец Сережи Ямкина, уже к середине июля успели вымотаться на промысле.

Все бы хорошо. Но заканчивались каникулы, а однообразная жизнь на точке стала уже тяготить Сережку. Интернатскому мальчишке было скучновато без друзей. В последние дни, как назло, стала донимать мошкара. А это такая зараза, что кого хочешь, доведет до уныния.

Затем необычайно долго длилось межсезонье. Август уже вступил во вторую свою половину, а осеннего хода рыбы так все и не было. Дни стояли тихие, теплые. В неглубоком, вечно спокойном озерке, что сразу же возле балка, вода прогрелась до самого дна. Купаться можно, сколько душа пожелает.

Как-то утром напротив промысловой точки остановился большой пассажирский теплоход, направлявшийся в низовья Енисея, аж до самого Воронцово. Отец завел моторку и привез на берег дядю Ваню с тетей Светой. Сережка еще издали успел заметить в лодке давнего своего друга и ровесника Вовку. Тот не стал дожидаться, когда лодка уткнется носом в берег. Спрыгнул в воду и с распростертыми объятьями бросился к Сережке.

Мальчишки от радости тут же стали гоняться друг за другом, а взрослые вытаскивать из лодки вещи и переносить их к балку. Дядя Ваня и тетя Света бывали здесь уже не раз, но впервые взяли с собой своего сына, который от такого счастья выглядел ошалевшим.

Еще бы! Он целые сутки плыл сюда из Дудинки на теплоходе, а теперь всю неделю будет жить на рыболовецкой точке, купаться в теплом озере, ловить закидушкой налимов, собирать вместе с родителями тундровую ягоду. Собственно, ради этого они-то и приехали к Ямкиным.

- Что-то очень мало нынче ягоды, - сказал Сережкин отец, разливая по чашкам заваренный на бруснике чай.

- Лето уж больно сухое и жаркое, - перебил отца Сережка. - Брусники, правда, мало. А морошки - полным-полно на мочажинах. Я такие места знаю! И ходить, далеко не придется. Надо только бродни надевать, чтобы туда пройти.

- Ну, за этим дело не станет, - тут же откликнулся Ямкин-старший. - Нынче совхоз нас не обидел - сапоги по его милости для всех найдутся. Надо лишь размеры подобрать.

- Слушай, Вовчик. Что же мы про подарки-то забыли? - хватился вдруг Вовкин отец. - Ну-ка, тащи сюда свой рюкзак!

А Вовке и говорить не надо. Он как будто этого и ждал. Тут же взгромоздил свой зеленый рюкзачок на стол и стал расстегивать кармашек, да так торопливо, что не сразу-то ремешок из пряжки удалось высвободить. Но отец помог и извлек оттуда перочинный ножик.

Выдержав паузу и широко улыбнувшись, он протянул его Сереже, настолько обалдевшему от неожиданности, что, казалось, никогда не сможет захлопнуть свои раскосые глаза.

Какой это был ножик: Мечта любого пацана. С перламутровыми боковухами на ручке, между которыми пряталось множество длинных и коротких лезвий, разные открывашки, шило и даже маленькие ножнички.

Вовка тоже хотел иметь такой и мечтал о нем давно. После того как увидел перочинный ножик в магазине, он не однажды снился ему по ночам. Не раз Вовка приводил в магазин папу с мамой, показывая им свою мечту, втайне надеясь на то, что родители возьмут и раскошелятся. Но, к сожалению, нехитрая Вовкина тактика успехом не увенчалась.

Каждый день во время большой школьной перемены он прибегал в магазин и подолгу простаивал возле витрины, за стеклом которой перламутрово отсвечивала заветная его мечта. Со множеством лезвий, штопором, открывашками и маленькими ножничками.

Перед тем, как ехать к Ямкиным, они с отцом зашли в магазин. Вовка и предложил ему купить ножик в подарок Сережке. В душе, конечно, теплилась надежда на то, что отец не забудет и про своего сына, но... Ох уж эти взрослые! Они всегда такие непонятливые...

Сережка не мог нарадоваться привезенному из Дудинки подарку. Он носился с ним повсюду. Надо или не надо, срезал тальниковые ветки, напробивал шилом дырок во всю длину ремня, поддерживающего штаны на короткой и тощей его фигурке. Каждый день обрезал ногти на исхлестанных кустарниками руках.

Маленький тундровичок настолько увлекся подарком, что, казалось, совсем забыл о Вовке, который впервые приехал к нему в гости. Но это продолжалось очень недолго. У мальчишек было так много общих интересов. А дни стояли такие чудесные, что ребята, просто не могли обойтись друг без друга.

Вовка с Сережей собирали бруснику и морошку. Ловили закидушками пузатых налимов в протоке и до посинения купались в мелком илистом озерке. Вечерами подолгу сидели у костра, болтая о всякой всячине и обжаривая на вырезанных Сережкой палочках кусочки картошки. Она только-только стала появляться в дудинских магазинах, а потому казалась мальчишкам необыкновенно вкусной.

Как-то Вовка не выдержал и рассказал другу о своей заветной мечте. Ему, правда, очень неловко было говорить об этом Сережке. Но вот не смог удержаться. Поведал все как на духу. Больше того - достал из рюкзака китайский фонарик и предложил Сереже сменить его на ножик.

Фонарик, конечно, был классный! У Сереги аж дыхание перехватило, когда увидел такую ценную вещь, однако на обмен не согласился. Зачем ему сейчас фонарик? В августе солнце над тундрой почти круглые сутки. В балке даже по ночам не надо зажигать свет.

Вскоре Вовкины родители засобирались в Дудинку. Через пару дней к точке с низовой реки должен был подойти теплоход "Профессор Близняк". Его прихода все ждали с нетерпением, потому что Вовка неожиданно заболел. Сказалась, видать, его неприспособленность к жизни в тундре. А скорее всего причиной простуды послужили частые купания в озере.

Два вечера он пролежал с температурой. Два вечера от его кровати не, отходил Сережа, без которого Вовка не мог оставаться ни на минуту. Впрочем, такую же

потребность в друге испытывал и Сережа, бережно ухаживавший за своим больным товарищем.

Ямкин-старший и Вовкины родители не мешали ребятам, с умилением наблюдая за тем, как пытается развеселить приунывшего друга Сережка. А он часами мог сидеть у постели больного, для которого Сережкина болтовня была лучше всяких лекарств.

Теплоход пришел, можно сказать, по расписанию, опоздав всего на несколько часов. Сережкин отец с дядей Ваней сначала загрузили лодку. Потом в нее села тетя Света с Вовкой на руках. Слабо улыбнувшись, он помахал Сережке на прощание рукой. Лодка отчалила, а через десять минут гости из Дудинки были уже на теплоходе.

... Дома Вовка пролежал еще почти целую неделю. К нему каждый день приходила врач и ставила уколы. Мама поила горькими порошками. Постепенно он стал выздоравливать, а вскоре начал ходить на прогулки в кишачий ребятней двор. Потом совсем оправился после болезни и с нетерпением дожидался начала школьных занятий.

Как-то раз, заглянув в темную кладовку, он обнаружил там свой рюкзак. Вовке, с тех пор как вернулся в Дудинку, все недосуг было его разобрать. Теперь такая возможность представилась.

Он выложил из рюкзака содержимое. Достал из его бокового кармашка фонарик и осветил дно. Среди коробочек с крючками и блеснами, моточков лески и другого мальчишеского скарба свет фонарика выхватил вдруг небольшой предмет, замотанный во фланельку и аккуратно перетянутый суровой ниткой.

Вовка с недоумением стал развязывать непонятно откуда взявшийся сверток, из туго стянутой фланелевой тряпицы выскользнул и стукнулся об пол перочинный, с перламутровой ручкой ножик.

Ошарашенный мальчишка не мог поверить своим глазам. Он еще долго, не двигаясь и уставившись в одну точку, сидел на полу. Но не ножик видел перед собой. Перед его глазами, словно из тумана, выплыло вдруг лицо Сережки Ямкина, освещенное, как солнцем, хитроватой, с прищурью раскосых глаз улыбкой.

Теплый комочек подступил к горлу. И Вовка, сам того не ожидая, захлопал носом.

Юрий Градинаров

Родился на Донбассе. На Таймыр приехал в 1961 году. Автор сборников повестей и рассказов «Аргиш в Париж», «Шаман Демниме», «Исповедь». Живет в Дудинке.

В низовье Енисей могуч...

Глава I

...Июль тысяча восемьсот шестьдесят третьего года.

Над селом Дудинским ни единого облачка. Солнце, перекатываясь с горизонта к зениту, осторожно ласкает теплом вечную мерзлоту, желтоватый лед в озерах и озерках, слизывает залежавшийся в ложбинах и ущельях снег, тянет к себе налитые темно-зеленым соком листья ивняка, лепестки полярных маков да белых ромашек. И стоит над тундрой дрожащее марево...

С острова Кабацкого через весь Енисей доносится до села разноголосье упивающихся летом птиц. Им здесь приволье, как хозяевам, вернувшимся с далекого юга домой. Енисей, как, будто кто хрупкой льдиной накрыл: на фарватере застывшая водная гладь – ни единой морщинки. Лишь у правого берега рисуют круги на воде верткая сорога, хитрый сиг да ненасытный налим. Хватают они снующих над водой мошек, комаров да жирных оводов.. На песчаной косе, усыпанной валунами, кто-то запасливый уже успел сложить три поленницы дров, развернуть на вешалах для сушки сети, просмолить лодки, готовясь к рыбалке. У ряжевого причала стоит баржа с мукой и сахаром.

...Сегодня в Дудинском праздник. Все селяне ждут прихода первого парохода. Киприян Михайлович Сотников, купец первой гильдии, распорядился всем дать отдых, кроме рыбаков да засольщиков, разъехавшихся сразу после ледохода по своим тоням от Дудинского до Гольчихи. Сезонникам из Красноярска, да Енисейска нельзя терять ни дня. Сейчас рыба сама в сети идет. А к осени шторма пойдут – попробуй поймай! Дудинцам же сегодня приволье! Купец угощать будет. Велел он всем приодеться, взять накомарники и отдыхать на берегу, не балуясь водкой до прихода парохода. Здесь же, недалеко от дома Сотникова, развернули три лавки, приготовили ведерные самовары, заправили их топки древесным углем, сколотили из досок длинные столы для чаевников. Четвертая же – лавка питейного дома, с двумя усатыми казаками, мающимися от безделья, протирающими для порядка льняными, с орнаментом, полотенцами деревянные кружки. Водку в четвертях, квас в бочках поставили в заранее привезенный с ложбины лед, накрыли брезентом, чтобы не грелись, на солнце. Медовуха же густела в большом чане, рядом со столом. Один из казаков взял два куска льда и опустил в чан. Потом прикрыл его большой деревянной крышкой:

– Пусть будет холодненькой, – сквозь накомарник подмигнул он своему напарнику, – в такую жару только в Енисее сидеть, а не водку пить.

– Ничего... Жара – жарой, а выпить задарма каждый горазд... Вон мужики уже замаялись от безделья... А так каждый причастился бы кружкой медовухи – гляди – и маята прошла...

Люди слонялись на берегу, останавливались кучками то тут, то там, всматривались за Грибанов мыс, жаждали первыми увидеть дымок диковинного парохода. Курили, стеснительно садились за стол, пили чай с пряниками да сушками и кидали косяка на прикрытую брезентом водку. Мужики же побойчее заговаривали с питейщиками, о том, о сем, а острый на словцо рыбак Стенька Буторин, предупредил:

– Глядите, казаки, чтобы водка не закипела от такой жары... Кто ее потом пить будет... Чай мы уже пьем...

– Чай – не водка... Больше самовара не выпьешь – ответил один из казаков, Спиридон Лаптуков, отгоняя мух от чашек. – Наше дело казачье... Скажет хозяин наливай – нальем, сколько утроба примет... Я и сам бы с вами медовухи глотнул, да нельзя... Служба...

– Не бойсь, служивый... Закончишь государеву – возьму тебя неводить... Мне крепкие мужики нужны... Только уж кружечку подай...

– Не велено, браток, до парохода... Купец запрет наложил – показал он рукой в сторону дома Сотникова. – А рыбачить я не пойду – поводит он пальцем перед бородатым лицом рыбака, – я приказчик... Мое дело торговое... Урядник туруханский – мне указ, пока на службе...

– Да где же этот плавучий самовар – не унимался все тот же Стенька Буторин... - Выпить из-за него не позволяют... Я уже ходил на нем однажды из Минусинска до Енисейска... Дыму много и колесо воду молотит – за две версты слышно... Налей хоть глоток – жара горло печет... Я из Опечек только подъехал... Мужики отпустили... Сказали, может, и нам медовухи привезешь с праздника... А тут и себе глоток не разживешься... Сами, небось, еще в питейном выпили...

– Не мели, а то сядешь на мели, – съерничал Спиридон Лаптуков и перевел разговор снова о пароходе. – А мне в диковинку эта невидаль... Хочу поглазеть на него трезвым, а уж, когда вас всех попотчует, тогда и мы с Никитой выпьем, – похлопал он по плечу своего напарника...

И разговор катился дальше...

Хоть и собрался в селе народ лихой и отчаянный, выдавший и кочи, и парусники, и ильменки, но чтобы ходить по Енисею против течения без паруса и весел – такого еще здесь не было. Да многие из встречавших и не

верили, что такое чудо где-то есть. Пожалуй, кроме енисейских засольщиков да минусинских плотников, да еще Стеньки Буторина, больше никто из дудинцев в глаза не видел колесный пароход. Правда, молва докатилась до села, что енисейский купец Александр Кытманов сотоварищи построил на своей судовой верфи три парохода и открыл частное пароходство. И уже между Енисейском и Минусинском возят муку, сахар, чай, картошку для золотых приисков. Теперь торговым людям не надо трястись на подводах по Енисейскому тракту, маяться в дороге да пыль глотать, да в оба глядеть, чтобы таежные разбойники не позарились на твои товары. На воде – на волнах – благодать и купцам, и старателям, и охотникам, и мастерскому люду! Кто уходит севернее Енисейска в тайгу, кто пересаживается на подводы и катит по тракту на Ленские прииски, а кто – на иркутскую ярмарку. Все куда-то спешат. Сезон в разгаре. Большую подмогу сотворил Кытманов сибирякам этими пароходами, хоть и навлек на себя гнев владельцев гужевого извоза. Уже дошли слухи о прокладке чугуны, которая соединит чужие земли с Сибирью. Изыскатели прокладывали на бумаге тонкую линию будущих многотысячных километров железных дорог... Машина Ивана Ползунова медленно, но уверенно пыхтела по железным и водным путям России...

И вот Александр Петрович Кытманов сам решил Таймыр посмотреть, воочию убедиться, что могут его суда до Гольчихи ходить, товары для тунгусов доставлять, а назад везти рыбу да пушнину. А еще хотел он сам увидеть незаходящее летом солнце, белые ночи и, если верить рассказам купца Сотникова, залежи каменного угля да медной руды. Если же окажется, что этот уголь лучше хакасского, то его пароходы будут бункероваться в Дудинском, не беря с собой с верховья Енисея двойную загрузку топлива .

Киприян Михайлович, будучи в прошлом году на ярмарке, пошептался с ним насчет угля и договорился о будущем компаньонстве в доставке его товаров в низовье. Кытманов на радостях обнял тогда Сотникова и троекратно расцеловал.

– Тебя , дорогой, будто Бог послал ко мне с доброй вестью... А я вот дело пароходное открыл, а не все докумекал... Уголь хакасский после двух перевалок мельчится, а потом тепло плохо держит... Расходы угля увеличиваются, а дров тоже не напасешься, хоть и тайга кругом... Нанимал я изыскателей... Прошли берегом Енисея до самого Туруханска... Ни углинки нигде нет...

Киприян Михайлович смотрел на Кытманова с укоризной.

– Рано радуешься, Александр Петрович! Туда знаешь сколько золотых рубликов надо вложить... У... Уйма... Дешевле три парохода построить... Летом приходи сам... Сгоняем на залежи... На месте все обмозгуем...

Пробы возьмем... Пусть знатоки посмотрят... Надо будет по секрету застолбить эти места да к губернатору прошение подготовить...

– За губернатора не переживай... Я с ним на короткой ноге... Бумаги сделаем без промедления, летом приду сам на «Енисей»... Гидрографов по участкам раскину... Пусть фарватер изучат вплоть до Дудинского... Створы поставят да бакены на отмелях... Сейчас уже бакенщиков набираю на службу... Избы им надо будет строить... Казенное пароходство что-то медлит с этим... А мне не хочется суда гробить.

– Приезжай, дорогой Александр Петрович! За честь буду считать... Встретим тебя не хуже, чем губернатора... Ты и Михаила Федоровича Кривошапкина возьми с собой... Пять лет он стал начальник Туруханского уезда, а в наших краях еще не бывал.

– Знаю я его... Толковый мужик... Книгу пишет о ваших краях... Нам бы втроем и посмотреть тот уголек.

Пообедали они тогда у Кытманова славно и расстались до лета...

...Поэтому и ждал Киприян Михайлович пароход с особой надеждой. Кытманов богаче его. Ежегодно на его приисках по правобережью Енисея, от Ангары до устья Подкаменной, старатели добывают до ста пудов золота. Это по шнуровой книге проходит, а то, сколько оседает в карман самого Кытманова – никто не знает...

Сотников относился к нему с почтением, но не завидовал. У Александра Петровича золотые прииски да пароходы, а у него рыба да пушнина, да тысячи полуголодных тунгусов, которых он кормит. И он, и Кытманов занимаются каждый своим делом в согласии с умом и способностями, но и тот, и другой все делают во благо людей. По крайней мере, конкурентами они никогда не будут, а вот компаньонами – дело наживное. Даже если с углем не получится, то пароходы фрахтовать Киприян Михайлович будет только у Кытманова, а не у казенного пароходства. Выгода – есть выгода. У Александра Петровича дешевле и надежнее, да и расчеты можно вести и рыбой, и пушшиной. За тринадцать лет торговых дел на государственной службе и в чине купца I гильдии Киприян Михайлович прошел все купеческие мытарства и удачи. Сначала служил смотрителем Дудинского участка, потом был назначен Туруханским управлением о казаках вахтером в село Дудинское...

...И вот он уже купец, крепко стоящий на торговых ногах. Нет ему равных на Таймыре. Со своим братом Петром они держат участок тундры от Енисея до Лены, обеспечивая товарами, охотничьими припасами, хлебом, солью, сахаром и чаем тунгусов да пришлых людей. Идет бойкая меновая торговля на шкурки песца, соболя, росомахи, волка, медведя.

... Киприян Михайлович не по-казацки высок и строен. Лицо светлое, будто луной освещенное. Большие, не постаревшие с годами, голубые глаза светятся добротой, не позволяя густым русым бровям придавать лицу суровость, отсутствующую в характере. От бывшего туруханского казака остались лишь аккуратные соломенные усы с небольшими подусниками, как у енисейского губернатора, да пожалуй, висящая на стене шашка... Закончился, казалось в нем казак.. Купец, по случаю встречи жданных гостей, одел белую рубаху со стоячим воротником, черный короткий галстук. Потом примерил фрак, залежавшийся с тех пор, как несколько лет назад был он на балу купеческой гильдии в Енисейске. Фрак мешал движению, и Сотникову казалось, что сегодня он ни к месту, что встретить Кытманова и Кривошапкина можно и в кафтане. Но подвижная Ксюша, его экономка и кухарка, быстро вывела из сомнения:

– Киприян Михайлович! Да вы на графа во фраке смахиваете! Ваша стать и красота не купцу предназначались, а графу, – подхваливала она его, восхищенно оглядывая со всех сторон. – Появитесь на берегу – люди кланяться будут... Уж больно фрак вам к лицу...

– Ладно, уговорила... Фрак дак фрак... А что стати графской касается, так это, Ксюшенька, запомни: все мы купцы под Богом ходим... Сегодня – дворянин, завтра – дворник... Разор нагрянет – никакая осанка, никакая красота не спасет... Нищим гордость не по карману...

– Ну об этом, батюшка, не ко времени... Сегодня праздник, а вы о разоре... Гости должны понять, что вы от казаков ушли удачно, к купцам пришли надолго... Что шапку ломать перед губернскими людьми не станете... Сами себе хозяева.

– Ты, Ксюша, говоришь, как статский советник... Я думал, ты только кухню знаешь...

– Я до вас у городского прокурора в служанках была... Он глупых да неграмотных не держал... Так бы и служила ему, если бы не приглянулась тогда вам на ярмарке...

– Ладно, вспоминать... Не просто приглянулась... Это судьба свела... Я думал, возьму тебя к рыбакам на путину куховарить... Да уж сразу ты мне в душу запала... При себе, видишь, оставил и не жалею... Уже год ты у меня... Служишь исправно, привязался я к тебе по особому... Куда не уеду – все о тебе думаю...

Ксюша стыдливо отвела взгляд от хозяина. Потом смущенно посмотрела ему в глаза. Они светились какой-то особой голубизной и, казалось, с надеждой ждали ее ответа.

– Вы знаете, был у меня в Ермаковском один казак... Убили его в отряде Черняева под Ташкентом... Вы многим мне его напоминаете... Будто он воскрес... Как увидела вас на ярмарке – вся душой изболелась... Каждый день ходила за покупками, чтобы на вас посмотреть... А тут, вижу, вы сезонников набираете... Вот я и решила к вам устроиться, хотя у прокурора жила, как у Христа за пазухой... Зашла в лавку – как услышала голос – обмерла... Так похож он на голос моего суженого... Думаю, не возьмете с собой – упаду на колени – умолять буду, но потерять вас себе не позволю...

Киприян Михайлович с опаской посмотрел в Красный угол, где висела в позолоченной раме, икона Божьей Матери. Он будто пытался проверить, а не гневается ли святая, слыша такие откровения его экономки. Он перекрестился, ограждая себя от греха, и наложил крест на Ксюшу.

– Так больше, Ксюшенька, нам жить негоже. Мне уже отец Никодим намекал, мол, пора, Киприян Михайлович, жениться, а то люди злословят по поводу вашей экономки, думают, что вы богохульствуете... На это я ему ответил, что на чужой роток не накинешь платок, а о венчании я подумаю... Правда, не сказал с кем...

Он впервые нежно положил ей руку на голову и медленно провел по упругой темной косе. Ксюша покорно стояла перед ним, ощущая его всем телом.

– Так как, Ксюшенька, пойдешь за меня замуж? Невольно тебя не стану, хоть и хозяин я тебе.

– Да что вы, свет мой, Киприян Михайлович... Неужто и вправду меня выбрали? Ведь в губернии столько купеческих дочек, и с каким приданным, а у меня – я да котомка...

– Я к богатству не прирос и богатством не оброс... Я был душой казак – им и остался... А вот это богатство – показал он на серебряный подсвечник – мне тунгусы дали, за то, что я не даю им умереть с голоду... Просто, край этот богатый... Знаю, что людям надо... Деньжат скопил на хлебе... Думал вернуться в Туруханск... Но когда время пришло, почувал, что тундра не отпускает от себя... А тут туруханский начальник депешу прислал, просил, чтобы я торговлей занялся да сбором пушнины у тундровиков... Вот и остался... Кредит взял в Енисейском банке – и закрутилось... Уже пять лет купечеству... Оборот от копеек до сотен рублей вырос... Почти вся родня в приказчиках ходит... Чужим торговлю доверять не с руки – воруют... Да и за своими глаз да глаз нужен... Главные тут: мы с Петром... В тундре нас каждый знает... И в Минусинске, и в Енисейске – мы не чужие люди... Товары оттуда возим... Так что, Ксюшенька, рыбалку закончим, – и в октябре в церкви обвенчаемся... Теперь ты моя суженая.

Ксюша стояла ни жива, ни мертва. Она никогда не думала, что кто-то может, вот так, в один миг, решить ее судьбу, как это сделал Киприян Михайлович... Ей стало боязно. Она пожалела, что открылась своему хозяину, рассказала о самом сокровенном... Надо было повременить, приглядеться... И еще сомневалась она, сможет ли выветриться из ее души ощущение холуйской зависимости от хозяина... Сможет ли их уравнять между собой взаимная любовь... Не будет ли он при раздорах упрекать ее за былую нищету да простолюдинство...

От этих мыслей ее бросало в жар. Правда, за год службы у него, он даже слова плохого не проронил в присутствии Ксюши, ни разу не упрекнул ее за допущенные провинности. Все терпеливо объяснял, даже помогал вести хозяйство. Научил рыбу солить, гусей коптить, шкурки песка выделывать, в товарах разбираться... Даже родне запретил понукать Ксюшей.

– Ты, Ксюша, служишь у меня... Не позволяй никому из моей родни хозяйничать в доме... Здесь я – главный, а ты моя экономка... Ты, хозяйка в доме, пока я бобыль – не раз дружелюбно наставлял он ее, видя, как Ксюша робеет то перед Петром Михайловичем, то перед приказчиками. – Уважать – уважай, но бисер перед ними не мечи... Пусть они к тебе на поклон ходят...

От таких слов у Ксюши туманилось в голове. На прежней службе она была служанкой: спала в людской, вставала первой, ложилась последней. А тут, чуть ли не купчиха!

А теперь и вовсе, скоро все богатство Киприяна Михайловича будет принадлежать и ей, а уж экономку она сама себе подыщет. Что она хуже попадьи? У той – и то есть служанка. Правда, зовут они ее по иноземному – гувернантка. Школы в Дудинском нет, так она детей готовит в Томскую гимназию. Нравится она Ксюше. С виду строгая, с ссыльными сошлась, книги у них интересные берет, спорит с батюшкой, даже при Ксюше, о Новом Завете. Тот нередко шуточно ею возмущается:

– Ох и богохульница вы, Мария Николаевна, все норовите ревизию божественных законов провести... Вон, Ксюша знает свою кухню да и все... А вы в высокую духовность норовите...

– Да не ревизию, отче, а истины хочу от вас добиться... Гложет меня червь сомнения... Что-то там не то... Братья с сестрами стали жить да потомство давать... А ведь это же грех большой, отче...

– Где же вы такое вычитали? Видно вам политссыльные друзья это внушили? Эти еретики кому хошь голову задурчат, а особенно таким молодым, как вы, Мария Николаевна... Я уж начинаю беспокоиться... Не дай Бог, сделаете детей безбожниками... Без веры человек, что птица без

крыльев... Не может без нее он оторваться от грешной земли, стать ближе к Богу.

Отец Никодим покровительственно смотрел на гувернантку. Спорить с ней считал неуместным... Библию человек читает с верой, а вера нередко выключает логику. Соглашаться же с ересью он не может – грех большой для батюшки. Потому не особо любит споры о Боге, доводы образованной гувернантки его обезоруживают. Хотя ему нравится пытливость и дотошность Марьи Николаевны. Хочется священнику, чтобы она передала эти качества его детям: Алеше и Ане. Менять он ее не собирается, хоть и сблизилась она с политссыльными, но детей чувствует по-матерински тонко, воспитывает ненавязчиво, незаметно как-то, будто ее и нет рядом с ними. Да и матушка Марфа Лукинична ни нахвалится гувернанткой. Привез он ее из Томска два года назад. Со страхом сошла она на берег Енисея. Уж больно деревенька ей показалась маленькой. Томск – большой город. Там гимназистов на каждом шагу встретишь. И музей, и библиотека, и даже театр есть в гимназии. А здесь пахло с берега какой-то дикостью и незащищенностью.

– Не робей, дочь моя, – поддерживая под руку на сходнях пророкотал басом отец Никодим, а потом добавил, – Я живу – не тужу! И ты тужить не будешь... Лучше Дудинского и не сыщешь.. Здесь столько красот, дочь моя, что твоему Томску еще тянуться надо... Деток воспитаешь и через пару годков вернешься с ними в Томск учиться дальше... Вон, они с матушкой стоят... Ждут нас... Я ведь семинарию в Екатеринбурге закончил... Здесь попал к чер... к Богу в рай... Здесь хорошо... Здесь люди особые... Надеждой от них веет...

Ксюше всегда интересно коротать время с Марией Николаевной. Она даже книги дает ей читать...

...Ксюша стояла молча и рисовала себе картину будущей жизни. Она родит Киприяну Михайловичу двух сыновей и дочь, потом выберут они в Енисейске хорошего учителя – гувернера и пусть занимается с детьми... А может, Марья Николаевна согласится... Нет! Мужчина – учитель лучше, особенно для мальчишек... Ну, а уж дочерью она сама будет заниматься...

“Что-то я размечталась! – в мыслях упрекнула она себя – ...Пока это только слова... А вдруг Киприян Михайлович передумает... Хотя на слово он тверд... Может самой придется, через год – другой, за котомку – да домой, а я уже мысленно и детей нарожала, и гувернера нашла, и купчихой стала... Дура!... Ой, баба – дура... А, может, и не дура? Дождусь октября, погляжу, что за казак Киприян Михайлович... Хотя год уже гляжу и не насмотрюсь...”

Она вздрогнула. Ей показалось что Киприян Михайлович слышит ее, безмолвную, слышит не ушами, а сердцем. Он по-прежнему стоял рядом с

ней и молчал, обдумывал что-то важное и интересное. Потом снова перекрестился и сказал:

– Ты, Ксюша, не сомневайся... Одному в таких местах жить несладко... Тут или сопьешься, или с тоски иссохнешь... Я – то против хандры смог устоять лишь заботами... И зимой, и летом – служба... А поженимся, думаю, хандру как рукой снимет. Двое – это уже вдвое больше, чем один... Вдвоем жизнь по-другому пойдет... А дети пойдут – уже по третьему...

– А что это вы, Киприян Михайлович рассуждаете, как будто уже семью держали?

– Да не держал я... По другим вижу... Вон, родни полсела... У них и беру пример...

Ксюша всем сердцем теперь ощутила, что он говорил правду, что такой человек, как Киприян Михайлович, ее не подведет. Не станет над ней глумиться, да и никому не позволит. И в душе все прочнее крепла надежда...

– Ладно. Пойду-ка я на крыльцо... Посмотрю на Грибанов мыс... Может, дымок показался... Где у нас бинокль?

Он вышел на крыльцо и сразу ткнулся головой в висячую тучу зудящих комаров.

– Эти гнусы уже ждут... Ксюша, приготовь четыре накомарника... Мне, Кытманову и Кривошапкину... Возьми те, которые со шляпами... Да и себе сотвори, чтобы комар носу не подточил, – крикнул он улыбаясь. – А ну-ка поищи деготь...

Ксюша уже успела обрядиться в цветастую кофту да длинную ситцевую юбку. На зов Киприяна Михайловича шла мягкой торопливой походкой, встряхивая слежавшиеся шляпы.

– Ладно, не трясись... На голове распрямятся, если комары не сомнут.

Киприян Михайлович одел шляпу, откинул с лица сетку и взглянул в бинокль. Перед его глазами проплыл Кабацкий, потом малый Енисей, потом песчаная коса, и, наконец, вдали закачался Грибанов мыс. А за мысом, в стеклышках, черный дымок. Купец оторвался от окуляров и посмотрел в ту же точку чистыми глазами. Под дымком виднелось движущееся светлое пятно палубы парохода. Оно почти сливалось с водой и иногда блистало медью в солнечных лучах.

– Ура! – радостно закричал купец. – Ксюшенька, а ну взгляни. Вон он, мыс обходит.

Он протянул ей бинокль.

– Смотри, вон туда, далеко... Это верст двадцать.

Ксюша неловко поднесла его к глазам, крутила головой, пытаясь найти в двадцативерстной дали долгожданный пароход.

– Не могу я попасть на этот мыс, – горестно сказала она хозяину. – Мельтешит перед глазами вода, а парохода не вижу.

– Да ты сначала так посмотри... Видишь, чуть подается вправо?

– Вижу.

– Это и есть Грибанов... А еще правее – черное пятно дыма... Это пароход... Теперь – в бинокль.

– Вижу, вижу, – обрадовалась Ксюша. – Да это он... Я его в Енисейске видела, когда на воду спускали – народу было уйма... Еще Кытманов шампанское разбил. Как вы думаете, – опустив бинокль, она посмотрела на Киприяна Михайловича – сколько тут ходу?

– Пожалуй, по течению часа через два будет...

– Народ уже замаялся в ожидании... Комары будто со всей тундры сюда слетелись...

– Иди, Ксюша, распорядись, пусть приказчики на чай да на баранки не жадничают. Проверь все ли на столы готово. Надо гостей кормить нашими таймырскими закусками.

И она, по-хозяйски осматривая столы, направилась к приказчикам. Ксюша шла среди гуляющих, то и дело показывая рукой в сторону Грибанова мыса и приговаривая: – Смотрите-ка, дымок!

Вверх полетели накомарники, слышались крики «Идет!»

Киприян Михайлович, выйдя из дому, направился к крутой деревянной лестнице, ведущей с высокого угора прямо на песчаную косу, где сидели на пустых бочках около десятка бородатых сезонников, еще не успевших загореть под редким северным солнцем.

– Здорово, мужички! Засиделись без дела да без водки?

– Здорово, хозяин! – дружно ответили лодочники. – Долго ждем... Запал проходит. – как всегда заперечил краснобай Стенька Буторин. – Дрожим, как лошади перед скачками... Хотя бы медовухи дали для успокоения.

– Ты, Степан, не баламуть. Праздник начнем, тогда и гульню разрешу. А сейчас дело надо сделать.

Он окинул стоящие на сухом берегу две четырехвесельные и одну двухвесельную лодки и добавил:

– На этих пойдете... Сразу – в малый Енисей, и там ждите пароход... Как только приблизится к вам за версту, сразу на весла – и на фарватер... Четырехвесельники по бокам, а двухвесельная – сзади, за кормой... И гребите что есть силы... Поняли?

Мужики молча кивнули, и лишь неугомонный Стенька Буторин снова спросил у Сотникова:

– Киприян Михайлович! А мы за ним поспеем? Колесо – не чета нашим веслам.

– Успеете... По двести пудов рыбы на веслах выгребаете, а порожняком – и пароход обгоните... Смотри: мужики все крепкие, как дровосеки... Покажите свою силушку нашим гостям, а я в накладе не останусь...

Они, зная твердое слово купца, поняли, что на празднике он их не обойдет, даст погулеванить от души.

...Пароход, приближаясь, увеличивался на глазах. Теперь уже и стар, и млад застыли на высоком берегу, пытаясь разглядеть пыхтящую дымом невидаль. Поравнявшись с Кабацким, он протяжно хрипло загудел. Вспугнутые стаи птиц взлетели над островом и уходили за протоку в тундру. Три лодки устремились наперерез пароходу. В накомарниках, обливаясь потом, гребцы, как по команде, дружно опускали и поднимали весла. Их мощные тела будто срослись с лодками. С судна, увидев гребцов, сбавили ход, приветствуя лодочников все тем же хриплым гудком. А они, войдя в азарт, быстро достигли стрежня, и теперь шли рядом с пароходом, медленно перебирая веслами. На палубе стояли немногочисленные пассажиры. Почти на самом носу, как впередсмотрящий, выделялся своей мощной фигурой хозяин Александр Петрович Кытманов, рядом Туруханский начальник, щуплый Михаил Федорович Кривошапкин, а чуть позади – осанистый пристав Иван Никитич Юрлов да тщедушный уездный благочинный Прокопий Егорович Власьев.

В это время ударили колокола Свято-Введенской церкви. Над Енисеем, поплыл малиновый звон. Звонарь Иван Горкин, стоя на колокольне, изредка посматривал на приближающийся пароход и с упоением выдавал такой каскад звуков, будто звенели не семь, а семьдесят колоколов... Стоявшие на носу пассажиры прекратили отмахиваться от надоедливой мошкеры, перекрестились, очарованные этой небесной музыкой. Прокопий Егорович подошел к Кривошапкину и зашептал на ухо:

– Ну, звонарь – от Бога! Такого и в Енисейске нет! Эдакой симфонией даже неверующего в церковь зазовет... Божественные звуки! Кажется, само небо посылает их.

Он еще раз перекрестился.

Михаил Федорович, слушая церковный перезвон, думал о своем. Этнограф по призванию, попав на государеву службу, он тяготился ею. Много времени забирает казенщина, для науки свободной минуты нет. Не раз писал прошение губернатору об отставке, на что тот отвечал отказом, ссылаясь на его богатый служебный опыт и деловитость. Не хочет губернатор понять, что душа, Михаила Федоровича другим наполнена. Уезд большой, поболее каких-то Германий или Франций: на тысячи верст раскинулся с юга на север и с запада на восток. И люди разделены друг от друга сотнями верст, а вокруг их или дремучая тайга, или бескрайняя тундра, где человеку легче мерзлого мамонта найти, чем своего живого собрата. Царская казна не всегда щедра к таким, Богом забытым, местам. Вот и мучается Михаил Федорович от бессилия, помочь людям. Идя в низовье на «Енисей», вместе с приставом побывал он в Плахино и в Сопочке, в Хантайке и в Потаповском в Сидкове. Осмотрел строги, беседовал с ссыльными и, с сезонниками. Сокрушается он, видя, что провианта на станки завезли мало, лабазы пустые. Почти сотня малых купчишек не управляет с завозом товаров на своих лодках - ильменках да еще и торгует в три – дорога через перекупщиков. Если бы не братья Сотниковы, Киприян да Петр, то, наверное, тундра опухла бы с голоду. Сметливые купцы – вперед глядят! Даже казенные хлебозапасные магазины снабжают хлебом. Вслед за паводковым льдом первыми по Енисею идут сотниковские баржи, потом парусники да лодки из Минусинска, Енисейска. А товар везут на любой вкус: чай китайский, сахар воронежский, мука томская, ружья тульские, бисер чешский. А уж самовары – залюбуешься!...

“Теперь надо их надоумить, – соображает туруханский начальник – чтобы зафрахтовали пароходы Кытманова... У него дешевле казенных. Да и товары страхуются. Это не баржи, которые и на мель могут сесть, и пробоину ни с того, ни с сего получить...”

Его окликнул Александр Петрович.

– Вон видите, какой дворец стоит?

– Вижу.

– Это сотниковский дом... Он почти что с мой пароход... Я по его заказу рубил в Енисейске, а потом приплавляли плотами по реке.

– Далеко смотрится с Енисея... Губернаторский в Красноярске выглядит хуже... А этот, что царский дворец.

Кытманов смахнул со щеки комара. Он-то знает этот дом до последнего чулана. Сам в тайге лесины подбирал, помогал Киприяну Михайловичу чертежи готовить, чтобы все в доме было к месту, все под

рукой. Лучшие енисейские плотники да краснодеревщики приложили свое умение!

Крыльцо тесовое с четырьмя резными колоннами, а над ними мезонин для сушки собольих и песцовых шкур. Шесть окон смотрят на Енисей, играя лучами незаходящего солнца и вызывая резь в глазах у пассажиров идущего к причалу парохода.

Крыша на городской манер крыта железом с низким вальцом, чтобы снег не задерживался. А под крышей, кроме мезонина, четыре комнаты, зала, кухня, два чулана, лавка да баня. В левой части живет Киприян Михайлович, а в правой – брат Петр. Три печки-каменки обогревают этот дом в зимнюю лютую стужу, а по весне и двух хватает.

– Он в Енисейске еще один дом строит... Жениться думает... Может, видели там на взгорье, у женского монастыря дом рубят... Это Киприяна Михайловича...

Церковные колокола стихли, и снова предупреждающий гудок сообщил о подходе парохода к берегу. Засуетилась команда. Пассажиров попросили уйти с носа, чтобы не мешать при швартовке.

Пароход, сипло и длинно давая гудки, медленно подкрался боком к барже, чуть потеснил ее и замер, отключив от двигателя колесо. Один из матросов проворно спрыгнул с судна на баржу и, перебежав по ней на берег, остановился у кнехта.

– Завести швартовые! – крикнул в рупор капитан. И с парохода, поцирковому ловко, прямо в руки ожидавшему матросу был брошен конец. Он обвил им вросший в вечную мерзлоту кнехт и стал выбирать канат на себя, подтягивая судно к берегу. Потом накинуд еще несколько колец швартова и застопорил петлю.

– Отдать кормовой, – послал команду капитан.

И до встречающих донесся скрежет лебедки, потом лязг бегущей по желобу цепи и всплеск воды от упавшего в воду якоря.

Первым, как и полагалось по чину, по сходням, сошел Кривошапкин, низко поклонился ожидавшим его людям, потом трижды облобызал Киприяна Михайловича, поднял вверх сложенные ладони и крикнул:

– Здравствуйте, люди добрые!

Вынырнувшие из толпы дети почтовика Герасимова подбежали к Михаилу Федоровичу и протянули ему букет цветов. Тот присел на корточки, поцеловал сначала девочку, потом мальчика и сказал:

– Спасибо, малявки!

Затем выпрямился и достал из кармана разноцветные карамельки.

– Вот вам гостинец за букет! А зовут-то вас как?

Дети, энергично отмахивающиеся от комаров веточками тальника, вдруг застыли при виде карамелек, застеснялись и, опустив головы, молчали.

– Ну, что же вы такие несмелые? Как вас величают?

Слышались возгласы из толпы: – Говорите! Говорите! Будьте посмелей.

Дети, услышав словесную поддержку, подняли головы, а мальчик, стоявший ближе к Кривошапкину, прошептал:

– Ее зовут Маша, а меня – Миша.

– Молодцы! А цветы-то сами рвали при таком комаре?

– Сами, сами! У нас они рядом с почтой растут – дуэтом выпалили осмелевшие дети.

Теперь снова все смотрели на сходни, по которым спускался Александр Петрович. Они скрипели и прогибались под восьмипудовой тушей золотопромышленника и судовладельца. Он медленно переставлял ноги, успевая окинуть взглядом стоявших на берегу людей... По их лицам пытался узнать, как восприняли они приход первого парохода. Знают ли они, кто построил этот пароход, и в какую копеечку он обошелся для него, Кытманова? На лицах виднелись и восхищение, и любопытство, и недоумение, но только не вопрос “во что обошелся этот пароход.” Людей, имеющих копеечный доход, такие мысли не посещают. Пожалуй, лишь Киприян Михайлович мог в уме прикинуть себе, сколько ушло золотых рублей на это чудо техники.

А Александр Петрович Кытманов весь путь от Енисейска до Дудинского только и думал о том, как лет через пять – десять, его мощные пароходы вытеснят с Енисея все парусники и ильменки и будут ходить сначала до Гольчихи, а потом, через льды, и до самого Петербурга доберутся. Он уже прикинул, где надо построить добротные пристани и деревянные причалы, сколько придется установить створов и бакенов, сколько обслуги надо содержать от Енисейска до Дудинского. Думал об этом, стоя на палубе и отдыхая в каюте, и даже во время обильных обедов и ужинов. Хватит у Александра Петровича и ума, и таланта, и денег! Вот только уголек бы найти в тундре. И тогда уже никто и ничто не остановит Александра Кытманова в его жажде разбудить этот дикий край гудками его красавцев – пароходов. Он остановился на последней ступеньке трапа, будто выбирал в толпе, кого же первого обнять. И только ступил на землю, как сам попал в объятия Киприяна Михайловича. Его темный однобортный пиджак, белая манишка и узкие с манжетами брюки почти слились с фракком купца. И только дугой свисающая золотая цепочка от карманных часов то сияла на солнце позолотой, то исчезала, зажатая телами двух мужчин.

Киприян Михайлович ощутил какую-то невообразимую мощь, идущую от енисейца, и уловил густой запах цветущих роз.

– Рад тебя видеть, Александр Петрович, на нашей холодной земле.

– Спасибо! Только, уж какая она холодная! Жара хуже, чем в Енисейске, – рассмеялся судовладелец. – Смотри, вон у господина Кривошапкина недавно сорванные ромашки уже успели пожухнуть.

– Ничего, Александр Петрович, будем нюхать твои духи «Чио–Чио–Сан», – ответил туруханский начальник. – Китайские розы нынче в моде.

– Ну, как дошли? – вклинился в разговор Сотников.

– Дошли, с Божьей помощью... С такой посадкой, как у «Енисейска», шли осторожно... Двести ходовых часов... Правда, на мель напоролись в Курейке... Ну, слава Богу, выбрались... Надо гидрографам промеры в сомнительных местах делать... Много отмелей на реке...

Их разговор прервал залп из пяти ружей со стороны дома Сотникова. Все подняли глаза на облако дыма, закрывшее часть купеческого дворца, будто там занялся пожар. Киприян Михайлович сквозь пелену увидел стрелявших и подмигнул Кривошапкину и Кытманову:

– Прошу прощения, господа, пушек не держим, а вот из ружей пострелять, мы горазды... Охотники все же...

– Я тебе, Киприян Михайлович, отолью и подарю сигнальную пушку... Будешь выстрелами каждый мой пароход встречать, – фамильярно похлопал Кытманов его по плечу. – Я ведь открыл эпоху пароходства на Енисее, а там, гляди, и Ледовитый покорим... Водой Енисейск свяжем и с Петербургом, и Владивостоком... И пойдет наш лес сибирский во все концы света на пароходах Александра Петровича Кытманова... Жить хочется для такого будущего...

Жители села по-тихоньку теряли интерес к приехавшим: все, вроде, люди, как люди, только свеженькие... А вот пароход!... Он удивлял их своими размерами, постоянно дымящей трубой и черномазыми кочегарами, иногда появлявшимися на вымытой до блеска палубе. Матрос, пришвартовавший судно, стоял в стороне с мужиками и объяснял им, чем пароход отличается от парусника.

– Видите, вон, слева, колесо! Там плицы воду гребут под себя, и пароход плывет. Слышали, когда подходили:”Шлеп! Шлеп!“

– А почему колесо вращается? – вопросительно взглянул на матроса приказчик Дмитрий Сотников.

– Внизу, в трюме, стоит паровая машина с огромной топкой, которая жрет уйму дров и угля... Вода кипит, переходит в пар, а пар под

давлением через поршни вращает колесо... Тяжелее всех – кочегарам. Всю смену с лопатой в руках, а жара от топки, как в пекле...

– Да, несладкая эта пароходина, а красивая с виду, будто игрушечка, – не унимался все тот же Дмитрий.

– Сладкая-несладкая, а паруснику – не чета. И скорость, и груза берет в два – три раза больше – защищался матрос...

...Последними покинули пароход пристав Иван Никитич Юрлов и благочинный Прокопий Егорович Власьев. Отец Никодим облобызался с Власьевым, а Юрлов прижался щекой к руке священника.

Сотников жестом пригласил гостей к лестнице, ведущей на усыпанный ромашками угор Енисея, и первым взшел на ступеньки. За ним кучно двинулись Кривошапкин, Кытманов, Юрлов и благочинный с отцом Никодимом. Вездесущие ребяташки, предвкушая продолжение чаепития со сладкими пряниками и баранками, прытко поднимались прямо по косоугору рядом с лестницей и торопились занять места за столами с яствами. Проворные сотниковы приказчики вместе с казаками из питейного дома уже успели накрыть длинные столы полотняными скатертями, расставить деревянные расписные миски да чашки, разложить ароматные рыбные закуски, румяные хлебные караваи, лоснящиеся на солнце тушки копченых гусей. Трое девиц разделявали свежую рыбу и бросали в большие котлы с кипящей водой. Дым от костров тянулся вверх, потом изгибался буквой «г» и плыл в сторону Енисея, захватывая с собой стаи задыхающегося комара. Когда гости отдышались после крутого подъема, а селяне заняли места у столов, из дома Сотникова вышла Ксюша, грациозно неся перед собой пышный каравай с посаженной на нем хрустальной солонкой. Остановилась, низко поклонилась гостям и подала хлеб – соль Кривошапкину.

– Милости просим, высокие гости, к нашему столу.

Михаил Федорович поклонился, поцеловал в щеку Ксюшу, бережно отломил кусочек хлеба, и макнул в соль, кинул в рот. Александр Петрович с интересом разглядывал каравай:

- Такой красивый хлеб и ломать жалко.

На румяной корке каравая был изваян пароход и надпись: «Милости просим в Дудинское».

– Это же целая картина из хлебного теста... Кто же у вас такой мастак?

Ксюша зарделась, стоя перед великаном Кытмановым. Но тут нашелся Киприян Михайлович.

– Как кто? Ксюша! Она у меня на все руки... Да, вы, попробуйте, каков хлебец на вкус... Вот тогда и восхищайтесь, – засмеялся Сотников.

– Ладно, жаль ломать такую красоту, а надо для полной оценки, – и судовладелец, осердясь на народный обычай, бережно держал в своей мощной ладони горбушку. Теперь ошипанная коврига пошла по кругу, уменьшаясь в весе, и, вскоре, осталась одна солонка. Когда и гости, и хозяева, кому досталось, насладились вкусным хлебом, Михаил Федорович оглянулся, строго посмотрел на перешептывающихся людей, требуя тишины, и начал:

– Уважаемые граждане! Сегодня мы являемся свидетелями исторического события! Впервые за Полярный круг прибыл пароход – чудо мореплавания, доставивший в ваше село пассажиров, почту, товары. Этот пароход построил на свои деньги Александр Петрович Кытманов, а привел его сюда капитан Николай Григорьевич Бахметьев. Рейс был не из легких, но мы теперь убедились, что мощные пароходы смогут ходить на Север... Пройдет немного лет и Таймырская тундра наполнится гудками судов, спешащих до Гольчихи или до самого Санкт – Петербурга... И оживут енисейские берега новыми станками и городами, заводами и фабриками... И будет наша губерния жить и процветать во благо России...

В воздух полетели накомарники, послышались крики «Ура!».

– А теперь, дорогие гости и хозяева прошу всех к столу – жестом пригласил Киприян Михайлович.

...Народ застучал о стол мисками и чашками, требуя долгожданного угощения.

Ксюша окликнула приказчиков.

– Ну-ка, братцы, шевелитесь! Уха поспела, пора подавать...

Казачки с мутными четвертями быстро двигались вдоль столов. Кривошапкин, выждав, когда миски задымились ухой, а медовуха запенилась в кружках, выжал из горла всю мощь своего голоса:

– Господа! Тост-за государя и его семью!

Михаил Федорович понимал, что это общепринятый, стандартный, бездушный, но самый короткий тост. Его должность начальника Туруханского края требовала таких слов, хоть и вызывала у людей равнодушие. Но они поднесли ко ртам наполненные кружки и выпили каждый за свое. Кытманов и рядом стоящий пристав Юрлов равнодушно отмахивались платочками от комаров, не реагируя на тост.

– Господа! Комар – комаром, а за государя выпить надо – укоризненно кинул им Кривошапкин.

Киприян Михайлович, отпив несколько глотков, обежал глазами стоящих у столов, высматривая Ксюшу.

«Ах, вон она где! Пригубила квасу, а скривилась, точно водку выпила» – обрадовался он. Сотников намекнул ей взглядом и жестами, что надо сделать. Через несколько минут Ксюша уже возвратилась с двумя накомарниками. Один из них, Сотников протянул Кривошапкину, второй – Кытманову.

– Надевайте, господа, пока лица не опухли от комара... А вы, господин Юрлов, простите... Вам не предусмотрели... Ну завтра, что-нибудь придумаем... Хотите возьмите мой... – И он снял свой накомарник.

Лицо Юрлова лоснилось на солнце, будто он потел сильнее других, а комары тыкались в него и отлетали.

– Благодарю! Не надо! Мне гувернантка Мария Николаевна, добрая душа, прислала с чадами отца Никодима деготь... Видите, лицо блестит?... Теперь терпеть можно... А то ведь прямо в рот залетали...

К столу подошел капитан «Енисей» Бахметьев. Статный, в белоснежном, военного покроя, кителе с блестящими пуговицами, с висящим на поясе в золоченых ножнах кортиком, полученным им за храбрость в Крымской кампании. Он производил впечатление человека необычайной силы и мощи. Остальные, пожалуй, кроме Кытманова, выглядели тщедушными перед этим великаном. Даже Киприян Михайлович в их компании казался худым и нескладным.

Он на правах хозяина, посадил Бахметьева за стол и сказал:

– Ну, Николай Григорьевич, за ваш приход... За пароходного Колумба Таймыра!

К капитану потянулись руки с кружками. Сотников вопросительно взглянул на него.

– А ваши матросики могут принять водки за удачный рейс?

Капитан вытер платочком усы, сунул его вовнутрь, за борт кителя и, чуть подумав, ответил.

– Пожалуй, могут свободные от вахты... У нас машина работает круглосуточно... Я распоряжусь. – И он поманил пальцем своего помощника.

... Несмотря на утомительную жару и комарье, селяне веселились до позднего вечера. Люди потеряли счет времени, убаюканные хмельным весельем. Те, которых медовуха уже успела обездвигить, просыпались, медленно сползали с угора к воде и плюхались в прохладный Енисей. Потом сушились у костров и снова потчевались водкой.

А Стенька Буторин, уже проспавшийся и хмельной, снова рассказывал матросам, как ходил на пароходе:

– На паруснике спокойней и надежней... Главное, что рыбу не пугает... А ваш паровик, как кузнец молотом о наковальню... Стук – грек... Вась зверь в округе разбегаются, не то что рыба... А дыму! Будто тайга горит...

– И рыба, и зверь привыкнут... А человек тем более... Я под стук паровика крепко сплю... Зато в каютах тепло и электричество скоро будет, – отпарировал матрос. – Это не парусник...

– Как ты говоришь? Э-э-элтричество... Что это такое?

– Деревня ты, мужик... Это, когда вместо свечей стеклянные лампочки будут гореть... Понял? Не керосинки... Ни дыму тебе, ни стеарину, а светло как днем...

– Да ты уж, матросик, не заливай... Мы тоже не лаптем щи хлебаем... Кое-что повидали в жизни... Но твоего элтричества не знаю. Давай-ка лучше еще разок тяпнем... Может, и вправду, в глазах посветлеет...

Стенька повернул голову и осоловелыми глазами уставился в стоявшего на разливе казака.

– Эй, служивый, освежи-ка души нам с матросиком, чтоб комар подох...

Они чокнулись кружками, залпом выпили, закусили копченым гусем и стали доверительней друг другу.

– Ты-то кем ходишь? Штурвальным, что ли, али шкипером? – Стенька просто не знал других названий, кроме капитана, рулевого да шкипера. – Я на лодке веслами гребу вместо колеса И руль у меня на веслах... Чуть потабаню правым или левым – и лодка развернулась... Один и гребу, и рулю... А ты-то какое дело правишь?...

Парень показал ему руки с забитыми углем ногтями. Вздущиеся по тыльным сторонам рук вены светились сквозь кожу небесной синевой. Стенька стал от удивления поглаживать ладонью бороду и непонимающе глядел на матроса.

– Что-то я, малый, тебя не понимаю... Ну руки, как руки, будто на веслах долго сидел... Ладони вздутые. А ногти? Почему ногти черные?

– Кочегар я... Слышал о таком?... С котлом я управляюсь... С лопатой... А котел – это сердце парохода.

Матрос похлопал себя ладонью по левой стороне груди.

– Котел погаснет, и эта махина становится корытом... Разве что по течению ее может нести...

Рыбак сконфужено смотрел на матроса стекленеющими глазами и виновато моргал, будто просил прощения.

– Ты уж прости, браток, не разглядел,... что ты сердце... А я думал, что ты только швабру в руках держишь до мозолей да швартовы отдаешь... Недотепа я в этих делах... Давай еще по кружечке...

А на другом конце длинного стола восседала приехавшая и местная знать. Кроме пристава Юрлова, никто не увлекался водкой. После медовухи пили чай маленькими глотками вперемежку с курением трубок и беседовали о назревших делах.

– Надо, Михаил Федорович, подумать о фельдшере... Тундра на тысячи верст и нет лекаря... Шаманы еще кое-как лечат тунгусов, а пришлые люди – кто во что горазд... Мрут от пустячных болезней... А моровая язва какая приключится! Тогда всем конец... Особенно страдают крестьяне низовского и затундринского обществ... Надо губернию тревожить, – настаивал Сотников.

– Писал уже не раз. Сам был трижды у губернатора... Сетует, что денег нет... Казна пуста... И по школе вопрос ставил... Жди, говорит, лучших времен.

Киприян Михайлович почесал за ухом прямо через сетку накомарника:

– Когда же эти лучшие времена настанут? Может, вообще, оставить этот кусок российской земли, которую мы, казаки, по крупинам собирали в кучу, чтобы расцвела империя под двуглавым орлом? Как вы думаете, Михаил Федорович?

– Оставлять ни в коем разе нельзя, Киприян Михайлович! Только оставим, тут сразу англичане будут... Они еще в далекие времена в Мангазею хаживали за пушниной... Хорошо, что царским указом был наложен запрет для иноземцев... А то бы и до нас достали...

Александр Петрович по-прежнему сидел в раздумье, но после слова «англичане» встрепенулся, выпрямил свою мощную спину и постучал слегка кулаками по столу. Посуда задрожала, заколебалась налитая в чашки медовуха.

– Если они пронюхают про уголь и про медь, полезут сразу через льды... У них пароходы мощные... Начнут заключать концессии... Но пока жив Кытманов, ноги тут их не будет... Мы и сами с усами...

Он улыбнулся, расстегнул пиджак, расправил плечи и добавил, глядя в глаза Сотникову:

– Если мы с тобой об угольке дотолкуемся, тогда и школа, и фельдшерский пункт будет... И Дудинское городом станет... Енисейск затмит... Пристань надо соорудить и для пассажирских, и для грузовых

судов... Тут и отстой, я смотрю, хороший будет у Кабацкого... Верно, Николай Григорьевич, - обратился он к капитану.

– Да! У Кабацкого всегда затишье, когда на фарватере беляки гуляют... Остров волну гасит...

Благочинный Власьев вслушивался в разговор купцов и норовил вставить свое слово.

– Священник тоже нужен разъездной для отправленья всяких богоугодных дел и пришлым, и тунгусам.

– Тут, я думаю, церковь найдет деньги для своего духовника, – поддержал Сотников Власьева. – Так что, Прокопий Егорович, ищите деньги на сруб, на жалованье и самого священника... Надо нам крепкого Боголюб, как отец Никодим, чтоб не сбежал от холода... И оленей ездовых надо держать.

Кытманов больше не участвовал в разговоре. Его мысли были где-то далеко, в незнакомых ему Норильских горах. Ради этого он, человек дела, и приехал на Таймыр. Его мало интересовали дела, о которых говорили собеседники. Он в воображении рисовал свое видение развития этого края, в котором нашлось место и школе, и больнице, и пароходам, и заводам, и фабрикам. Он знал, что только разработкой залежей угля и медной руды можно привлечь субсидии правительства. Но коль это дело дорогое, то правительство может дать «добро» на ближайшие сорок девять лет частным компаниям, чтобы те сделали всю «черновую работу» от изысканий до строительства заводов, а после окончания договорного срока прибрать запасы к государевым рукам, как было с Демидовым на Урале, на Алтае. А надеяться, как наивный Кривошапкин, на казну – не надо. Крымская война вытянула последние копейки...

Крепостное право отменили... Тысячи крестьян заполонили города... Ищут работу... Иноземцы, как пишут газеты, строят заводы и шахты в Донбасе, на Урале... Свои капиталы вкладывают... Не боятся прогореть... Видят, как капитализм на паровых машинах едет по России... Вот и он, Кытманов, одним из первых в Енисейской губернии уловил стук английского паровика, пригласил англичан строить пароходы...

Он себе цену знает, Ругает нередко сам себя за промашки, а всю Россию за тугодумство... Англия и Америка уже наводнили океаны своими пароходами... Бункеруются суда то на островах, где угля вдоволь, то на углематках, стоящих по маршруту движения пароходов... А мы еще только реки осваиваем. Да и паровики из-за границы возим, хотя братья Ползуновы первыми паровоз изобрели... Стыдно ему бывает за матушку Россию.

Так думал золотопромышленник и судовладелец, не вмешиваясь в разговор туруханского начальника с Сотниковым.

...Солнце уходило к горизонту. От дома Сотникова удлинялась долгожданная тень и ее темного покрывала уже хватало, чтобы прохладой хоть чуть-чуть ублажить гостей, сидящих за столом.

– Слава Богу, тенек навис, а то уже и квас холодный не помогает – вышел из раздумья Кытманов, вытирая усы, покрытые росинками напитка.

– Потерпи, Александр Петрович! Скоро банька поспеет... Еще раз пот сгоним... Видишь дымок пошел из каменки – показал рукой Сотников на вьющийся над крышей дома шлейф сизоватого дыма...

...А народ гулял. Слышались песни, звуки жалеек, удары бубнов с колокольчиками. У самой воды, на толстом чурбане плотники боролись на руках с матросами. Рядом стояли четверти с водкой и ведро с квасом. Победителя потчевали водкой, побежденного квасом. Двое матросов сняли с судна фисгармонию, поставили на песчаной косе и над рекой поплыла песня о Ермаке. Пели так слажено на два голоса, что регент церковного хора Иван Пантелеевич Хворов тяжело вздохнул, услышав песню.

– Мне бы эти голоса в хор – вся тундра бы заслушалась.

– Ты, Иван Пантелеевич, среди моих приказчиков поищи... Может, найдешь голосистых... Приобщи их к Богу... Воровать меньше будут да и тебе прок – посоветовал ему Киприян Михайлович. – Пусть славят Бога хоть песней, коль делами не могут.

Пристав спросил разрешения у Кривошапкина и расстегнул ворот кителя. На вздувшейся шее виднелась красная широкая полоса.

Было по-прежнему безветренно. Обслуга суетливо носила в деревянных ведрах воду из реки, доливала в кипящие расписные самовары и небольшими металлическими крючьями шевелила тлеющие угли через спрятанные под днищем колосники.

...На пароходе зажгли сигнальные огни. Палубные вахтенные, развернув удочки, ловили сорогу, а чумазы кочегары в машинном отделении пили холодный дудинский квас из ведра, наполовину опущенного на веревке в воду из иллюминатора.

Слышалось шипенье пара, бульканье горячей воды и поскрипывание тяжелой баржи. Над селом светлый день переходил в светлую ночь. А на берегу по-прежнему гудел веселящийся народ.

Продолжение следует

Виктор Самуйлов

Родом из Тверской области, по профессии военный летчик. Сейчас работает на трассе газопровода. Печатался в альманахе «Полярное сияние», газете «Заполярный вестник», журнале «День и ночь», в коллективном сборнике прозы «Стая». Живет в Норильске.

ЗНАК РАВЕНСТВА

Январь 2001. Таймыр

1

Гошка очень любил и гордился своим Батей. Первым словом для Гошки, верно и полно, выговорилось слово «Батя». Подполковника Орехова в гарнизоне, да и в штабе дивизии и даже в округе, и даже высокие чины из Москвы: все звали Батей. Забывались и подчинённые, конфузились от чётко горланеного – товарищ Батя. Забывались и высокие чины, и они смущались: вместо хотя бы «Сергей Иванович», опять же – Батя!

Но Гошка не смущался, косолапил навстречу пропахшему солярой, мазутом, прогорклым дымом, табаком, «Шипром», водкой отцу, тянул ручонки, радостно взвизгивал: «Батя, на меня!..» И уж подлетая под высокий потолок, визжал от души так, что отец тряс седым ёжиком, крутил крепкой головой, басил: «Не в меня, не в меня визгунок, оглушил совсем!..»

Гошка знал, что появился на свет в день большого события. Поднимая стакан за здоровье сына, «поперечный» Батя гаркнул на всю приграничную округу: «Великий человек умер – великий человек родился!». Случилось такое знаменательное событие в 1953 году. Великий человек умер в Москве, родился Гошка, провозглашённый великим, в отдалённом гарнизоне, на востоке, у границы с Китаем. И с самого малого уразумения Гошка знал: он появился на свет для великих дел. Так хотел его героический Батя, а что Бате втемяшилось под седой ёжик, выбить это оттуда было сложно. Друзья, сидя на тесной кухоньке, слушая очередные провозглашения будущих свершений великого Гошки, орущего в связи с режущимся шестым, и раньше срока, зубом, только посмеивались. Батю они понимали: три девки не прибавляли древнему казацкому роду славы. «Зассьхи... геть отселя!..», - вот и вся любовь сурового комбрига до женского пола. И супругу свою, красавицу Светлану, любил он лишь ночью, обжигая горячим шёпотом: «Сына давай, казака мне...».

Неимоверно возрадовался Батя появлению первенца. Рывкнула его тридцатьчетвёрка, окуталась сизым дымом, круганулась, высекая искры гусеницами из бетонного плаца у штаба дивизии, и пошла грохать, сотрясая окрестности, танковая пушка, расцвели туманные бутоны на зелени далёкой сопки. А сопка та оказалась на сопредельной китайской стороне. Не тот прицел взял, хмельной от радости и пятидесятиградусной рисовой водки, опять же – китайской, «косоглазой», командир дивизии, герой Советского Союза, полковник Орехов.

Гошка растёт, а Батя – комбат теперь, и лишь на сына надежды. Катает парень стреляные гильзы от крупнокалиберного пулемёта по полу, гремит ими, лязгает, сшибая ряд вражеских солдат свинцовой пулей от той же гильзы, на Батю посматривает. А у того уж ёжик не топорщится, нет его почти: блестит белая лысина, выпрела под танковым шлемофоном, глаза мутно и непонимающе смотрят на Гошку: «Ничего, казак, ничего, мы ещё в седле...».

Запомнились с тех далёких лет Гошке эти слова, белая Батина лысина, посеревшее лицо, запах соляры, дымной гари, «Шипра», водки и лязг стреляных гильз, разлетающихся по полу от удара свинцовой, тяжёлой пули. Это запомнилось Гошке так хорошо, как будто кто-то пришлёпнул нарисованную яркими красками картину на стену. Прикрой глаза, чуть сердцем вздрогни и, пожалуйста... Остальное Гошка или не хотел припоминать, или мал был, память ещё слабенькая, не удержала и испуга тёмных, больших глаз мамы к вечеру. Сестрёнки, как мышки, тихо шуршали бумагой, щёлкали карандашами в своём углу в большой комнате, в

малой спали родители. Гошка несмышлёнышем был, но сейчас-то он взрослый и может признаться: пожелай, вспомнит он всё: и тяжёлый шаг по деревянному крылечку, и гулкие стуки дверью, грохот ведра в тесном коридорчике, и виноватое лицо дяди Васи в дверном проёме, Батино обвисшее тело на нём. Мама и десятилетняя, старшая Галя стягивают с папы сапоги, расстёгивают, выпутывают обвисшее, громоздкое тело из ремней. Да помнит он! Все помнит. Как наяву и через годы... грозный Батин рык, рывок с кровати и грохот падающего на пол тела: как подрубленный дуб – могучим стволом о оземь, руки- ветки – врозь. «...Суки, продали, мы кровь... они...».

Помнит Гошка тепло мамино тело. Она сидит на лавочке, держит Гошку на руках. Вечерний воздух чист и звонок. Над сопками розовеет закат, мама отгоняет стебельком кипрея комаров. Сестрёнки носятся с другими детишками по траве в догонялки, слышны тугие шлепки мяча, мужские возгласы, смех. Мама прижимает Гошу так крепко, что он, пискнув, выскальзывает из её объятий на истёртую у лавочки траву, бежит к ребятишкам, его сбивают с ног, он орёт. На миг воздух вздрагивает от громкого, до рези в ушах, рёва, Галя подхватывает мальчишку на руки, гонится за младшей, Людой. И Гошка уже заливиисто смеётся, тянет ручки, пытаюсь схватить Люду за голубой бант. Совсем темнеет, зажигаются фонари на столбах, светятся огни в домиках гарнизона, урчит мотор дивизионной дежурки. И он затих вдалеке: поехали менять караул на далёкие артсклады, скрытые в граните сопки. А семья сидит на лавочке, Гошка опять у мамы на коленях. Сидят ещё долго, чутко прислушиваясь к ночной тишине. Тихо. Совсем тихо. Огромное зарево на север, там большой шумный город, Владивосток. Все же поднимаются, идут тихонечко, друг за другом в дом, уже в коридоре, пыльном и громоздком, густо воняет перегаром, потом, ваксой, и тут же запах соляры, зноя, пыли...

За день парень всё ж устал в своих детских хлопотах, спит мальчишка беспокойно, видится ему страшный, трёхголовый, зелёный змей, который носится по воздуху, нападает на его папу, а тот машет огромным мечом. Потом видит Гошка своего папу на красновзвёздном танке, башня поворачивается за змеем: бах, бах! – и змей исчезает в дымном облаке. Гошка довольно улыбается, и теперь он ничего не видит, просто спит, посапывая курносый носом, раскинув полные ручонки...

2

А где-то горюет маленькая Катька. Катьке уже пять лет, она родилась раньше Гошки, но живут они в одно время, и там, где она живёт, ещё не наступила ночь, но дело уже к вечеру. Она сидит на тёплом бревнышке, озабоченно смотрит на большую корзину. Корзина перевернута вверх дном и придавлена камнем, под ней пищат цыплята. Камень надо снять, цыплят посадить в маленькую корзину и отнести в дом, поставить в тёплый закуток у печки, отгороженный доской. Но камень тяжёл, и Катька думает, как с ним справиться. Вообще не ей бы волноваться о цыплятах, а Верке, которая на два года её старше, но та умоталась к подружке на два дома дальше по улице и заигралась. Мамка с коровами припозднится, папа бригадир, и вообще придёт, когда Катька спать будет. Есть ещё и старший брат Лёнька, но он считает не мужским делом возиться с какими-то курами да цыплятами.

Катька тяжело вздыхает, смотрит на солнышко, оно довольно высоко, ещё жарко, и, наверное, рано цыплят нести в дом, но девчонка извелась от безделья, да и тревога за непутёвых сестру и брата гложет сердце. Попадёт им от мамы, Катьку все хвалят: хозяйственная и работящая, и всякая добродетель Катьку преследует. Верка же хулиганка и лентяйка, только и достоинство, что учится хорошо, она закончила первый класс и теперь нос задирает, пойдёт скоро во второй. Ей купили новых тетрадок и новую ручку и карандаши. А книжки старые, Ленькины, и на Катьке все старое, донашивает Веркино. Но это дело понятное, хозяйское, транжирой Катька никогда не будет, жалко, что младше её нет никого, добить до тряпок одежду некому. Девчонка-то она аккуратная, платьица, майки и трусики у неё не рвутся и не пачкаются каждый день, как у Верки. Но по правде, трусики Катька не одевает, так же, как и соседу Ваське, её ровеснику, они и не требуются. У мальчика всё прикрыто драными на коленях, на заду в заплатах, серыми, сатиновыми шароварами. Катьке же приходится майкой сестриной прикрываться. Коротка майка Катьке, все наружу. Верка хоть и старше на два года, ничуть не крупнее младшенькой, говорят, пошла Верка в маму: чёрненькая, крепенькая, глазастенькая. Катя - в папу, светлого, голубоглазого, двухметрового великана, домовитого и обстоятельного.

Посидев на камне и измучившись в заботах о цыплятах, Катька подхватила, и побежала к Ваське, тот, весь в грязи, ползал по краю лужи и старался запустить в воду корабль в виде трухлявого, остро обломанного куска доски, посередине он воткнул пруттик, на него надел лист бумаги, и получился парус, сверху Васька привязал кусочек тряпки – это флаг. Рядом с ним валялась куча всяких деревяшек: неудачные корабли и мокрая бумага от

парусов. Катька подбежала в тот момент, когда ветерок дунул в парус, и кораблик бочком заскользил на середину лужи. Васька, размазывая грязь по лицу ладошкой, довольно выпрямился и встретил Катьку осторожным вопросом:

-Глянь, какой корабль, как настоящий! Ты такого и не видела.

Девчонка хотела сказать, что и не такие ей встречались, настоящие, в «Букваре» у Верки, но передумала: Васька обидится и не поможет.

-Не видела, - подтвердила она робкую надежду соседа.

-Во! Я ж говорю...

Договорить он не успел. Ветерок дунул сильней, досточка перевернулась, и кораблик застрял, он мачтой задел за дно лужи. Катька жалостливо посмотрела на Ваську. На ней кроме майки ничего не было, а Васька как-никак был в штанах.

-Я достану, - она смело шагнула в лужу, сразу же по щиколотку съехав в липкую грязь на дне. Преодолевая отвращение и страх уколоть ногу, Катька полезла на середину, в самую глубину лужи, подхватила досточку, повернулась и, оскользнувшись, осела в воду, закричав, она взмахнула руками, попыталась встать и уж тут всем махом, растопырив руки, задрал голову, упала лицом в воду, подывая, она быстро засемила на карачках к берегу. Васька испуганно смотрел на ревущую Катьку, с неё текло грязно и черно. Белесые волосы слиплись косичками по всей голове, чистая синяя майка, хоть и выгоревшая, напоминала половую тряпку.

-Всё из-за тебя!.. - причитала Катька, - меня мамка побьёт, я цыплят бросила... их ястреб склюёт... хорь украдёт...

-Пойдём, посторожим, - безропотно согласился Васька, - а майку можно постирать, - он посмотрел на свои шаровары вида ничуть не лучшего Катькиной майки.

Девчонка вмиг успокоилась, предложение соседа ей очень понравилось, главное – цыплят устроить, а с майкой она разберётся. Васька парень упрямый и то, что так получилось, даже очень хорошо. Они, взявшись за руки, побежали на подворье к Катьке.

3

В Далёком Восточном гарнизоне луж не было, если б и нашлись таковые, никто Гошке туда лезть не позволил бы. В пять лет парень шеголял в настоящих, с ремнём, брюках, ботиночках и рубашке с пуговицами. Лишь в редких случаях удавалось Гошке надеть шаровары, майку и побегать наперегонки с Бобиком, живущим в будке за забором, кособоко торчавшим вокруг домика майора Звонарёва, который так же, как и его папа, командовал танковым батальоном. Но Звонарёв, в отличие от папы, приходил со службы рано, степенно гулял со Славиком, ровесником Гошки по футбольному полю, ходил с ним на речку и к морю, ходил в лес. Гошка ничуть не завидовал. Майора Звонарёва никто «Батей» не звал, а Славку дразнили «звонарём» и папенькиным сыночком. Но однажды Гошка услышал от Славика, что и у него есть дразнилка – «Батончик». Гошка очень обиделся, даже заплакал, спрятавшись за старым сараем. Выплакав обиду, он решил яростно сражаться против этого прозвища. Но ни отчаянные наскоки на обидчиков, ни даже драки не спасли его от клички. Лишь с возрастом сменилось ласкательное «батончик» на «батон». Внешне Гошка в юные годы напоминал сдобный продукт: пухленький, глазастенький мальчик. Единственная фотография тех времён сохранилась у Гошки: стоит он с огромным букетом цветов, испуганно уставился в объектив фотоаппарата. Ему подали этот букет, показали на пожилую женщину: это твоя учительница. Гошка лишь на секунду посмотрел на маму, а когда намерился идти к учительнице, испугался. Стояло четыре седых женщины, смотрели они на Гошку и улыбались, а тут этот фотограф подбежал, вот и получился парень с глазами, переполненными ужасом. Чуть бы попозже навел свою «лейку», когда одна из них, смеясь, подошла к Гошке и подхватила его вместе с букетом на руки: «Ну, что, растерялся, герой?»

Школа находилась в гарнизоне, недалеко от их дома, через дорогу перейти, мимо стадиона за длинные продуктовые склады свернуть, и красивое кирпичное двухэтажное здание. Окна большие, крыльцо высокое, большой сад с яблонями, по периметру территории деревья: маньчжурский орех, почти как грецкий, но и молотком скорлупу не расколоть. Бархатное дерево, черная береза. Потом Гошка все эти деревья изучил и взрослым часто о них вспоминал.

Гошка в школу по утрам вставать ленился, но сестрёнки тормошили его, трясли, и, не успев оглянуться, стоял парень уже у дверей своего класса, первого «А». «Батончик» учился даже хорошо, Галя неотступно следовала за младшеньким, не обделяла она вниманием и сестёр. Мама прибалывала, вечерами подолгу сидела у окошка, бездумно взглядывая на далёкие сопки, прислушиваясь к звукам на улице. Батя приходил домой поздно, от ужина отказывался, долго плескался под умывальником. Летом он брал полотенце, мыло, шёл на

речку. Гошка с тоской смотрел на отца, но попроситься в сопровождающие не решался. Батончик на речку ходил со Звонарём и его папой, уже подполковником, заместителем командира дивизии. Звонарь слегка задавался, но всё же понимал, что сыном героя Советского Союза быть много почётней, много выше, чем даже сыном комдивизии, и даже из округа сыновья, само собой, ниже рангом, чем Батончик. На прошедших учениях «синие», которыми командовал Батя, в пух и прах разнесли зелёных, которыми руководил сам командующий, целый генерал. И этот генерал на торжественном совещании вручил Бате часы, которые тот сразу же подарил Гошке: «Носи на здоровье, пока есть такие командующие, в таких механизмах недостатка у нас не будет!».

Однажды в свободный день Батя с утра долго и задумчиво смотрел на Гошку, и уже когда Батончик, измаявшись под неусыпным взглядом отца, хотел смыться на речку, поманил его пальцем: «Собирайся!». Гошка удивлённо застыл: куда? зачем? Батя нахмурился, но и растерянность мелькнула в его блеклом, остром зрачке. Он оглянулся на маму: «приоденься попривличней, но чтоб и не как на парад..., ну, в общем...». Мама укоризненно покачала головой. Через полчаса Гошка, держась за папину руку, вышагивал по пыльному каменистому большаку в сторону рыбацкого посёлка, раскинувшегося по сопкам, окружающим небольшой заливчик. Солнышко уже высоко вознеслось, и его лучи сквозь густую листву осококой, строгим рядом сопровождающих большак, крепко припекали идущих Батю и Батончика. Отец благодушно посвистывал, поправляя на плечах небольшой рюкзачок. Там позвякивало, глухо стукались консервные банки с тушенкой, шпротами и икрой. Мама, выставя всё это на стол, вопросительно смотрела на отца. Тот лишь пожал плечами: «Надо!». А Гошка и рад: надо так надо!

Придорожные лопухи, припорошенные пылью, тяжело млели в вязкой тени, свисая кожистыми крылами до земли. Гошка выломал из тальника саблю и наотмашь рубил их, полосуюя листья сочными бороздами. Батя неодобрительно кряхтел и в какой-то момент проговорил: «Не дело, парень, над природой изгаляться!». Гошка отшвырнул палку и поинтересовался: «А чего с ними..., чего на них..., вон их сколько!»

- Не устал?

Батончик радостно замотал головой.

- Ну, хоть тут молодец, - Батя задумался. Некоторое время шли молча, потом он остановился, они уже вышли почти к заливу, дорога в посёлок крутнулась вправо. Море скрыто было за кустами и деревьями, и лишь монотонный шум доносился из-за них. Гошка нервно перебирал ногами. Моря он никогда по настоящему не видел, лишь из окна поезда, бегущего по рельсам вдоль большого залива, когда они ехали в отпуск в далёкую Воронежскую казацкую сторону. И если в гарнизоне забраться на водокачку, тоже видать огромное, серебрившееся таинственной необъятностью, синее, а вдаль серо-зеленое покрывало. Сейчас Гошка обмирал сердцем в предвкушении встречи. Папа раздвинул кусты, помог Батончику пролезть сквозь высокую траву.

- Пить хочется. - Батя стал на одно колено, хрустнув мелкой галькой, и плесканул на лицо водой, зачерпнув её ладошкой из небольшого омутка. Стремительный ручеек вырвался по галечной осыпи из провала леса, крутнулся тут, оставив прозрачный бочажок, и исчез опять в нависших тёмным пологом деревьях. «Ух! - Батя затряс головой - Хлебни, только тихо, не застудись». Гошке пить не хотелось, но из солидарности с папой он сунул ладошку в воду, - Ой...!

- Что?! - засмеялся отец, - я же говорю - лёд! Горная речушка. Смотри, вон рыбёшки, форель. Надо б сходить, поудить. Гошка всё же брызнул себе в лицо, слизнул с пальцев воду. Батя сел на камешек:

- Присядь. - Гошка устроился рядом. Пахло густо и терпко, щебетали птицы, стрельнула за мошкой форель. Гошка камешком спугнул стайку.

- Ну что ты, сынок, всё шибануть побольней стараешься?

- Кого? - удивился Гошка.

- Кого! Ну, есть ли польза, что ты лопухи лупил или камнем в рыб бухнул. Мы сейчас к дяде Коле придём, так ты не позорь меня. Куда полезней смотреть на неё и любоваться, что она такая есть живая, красивая, глазу и душе утеха.

Гошка посмотрел по сторонам, в кустах перепорхнула сойка, оглушительно затрещала, Гошкина рука потянулась к камню.

- Ты и кошек гоняешь, наверное?

- Нет, кошек мы не трогаем, кошка с нами живёт, она хорошая....

- А птица чем плоха? Ей много труднее: та же кошка съесть может... В дождь, ветер, детей кормить надо, мошек, червячков ловить, искать, от таких, как ты, беречься.

Гошка представил на миг все эти напасти, а птичка такая маленькая. Жалко ему сойку стало, пусть трещит.

-Дядя Коля рыбак и охотник, он этим живёт, но никогда, слышь, никогда лишнего не возьмёт. Только для проживания нужное количество.

-А сколько нужно для проживания?

Батя насмешливо смотрел на Гошку:

- Хороший вопрос, сын! Можно сказать, самый главный в жизни. И если ты сможешь на него ответить, считай, ты – мудрец и самый счастливый человек на земле.

Наверное, Батя не смог ответить на этот вопрос, да и Гошка..., и по сию пору решает, сколько и чего ему нужно, чтоб и не обидно было и чтоб сытно... всем.

4

Катька же с Васькой успешно справились с цыпятами: отнесли их к печке в закуток, она покрошила им яйца, налила в блюдце водички, - и пошли к колодцу стираться. Воды в долблёной колоде хватало, была она тёплая, сновали в её толще разные козявки. Васька ткнул пальцем: «Смотри какие, а мы её пьём...».

-А ты не пей!

-Жених и невеста!... - раздался ехидный Веркин голос. Она тихо подошла сзади и стояла, следя за ними. Васька немного засмутился, так как оказался без штанов, совсем голый, и к тому же он только что посикал под сруб колодца.

-Ха, ха! – Верка запрыгала вокруг них. – Жених и невеста...!

-А ты цыплат не стерегла..., -закричала Катька, - тебе мамка задаст!

-А я скажу, что вы в луже купались!

Васька набычился. Мамки он ничьей не боялся. Схватил пук старой ботвы и ринулся на Верку. Та попыталась увернуться, зацепилась ногой о корыто и полетела в борозду: земля в ней залита водой, и Верка вмиг извозила школьное, новое платье, которым она ходила хвастаться к подруге, однокласснице Райке. Верка глянула на себя. Душераздирающий рёв вознёсся в самые голубые выси, к белым облакам. Катька, схватившись за горло, заорала ещё пуще. Васька, подхватив грязные штаны, ринулся к калитке, девчонки за ним.

-Это всё ты...ы...! Я и твоей мамке скажу...у...! Это ты меня толкнул, - орала Верка.

Васька чесал вдоль улицы к своему дому, мелькая голой попой, девчонки неслись за ним. Пацан заскочил во двор, захлопнул калитку, накиннул шеколду, заглянул в дырочку.

-Что! Съели?! – отдуваясь, проговорил он. Девчонки стояли растерянно, осматривая себя. Катька, выставив круглый живот, держала майку в руке, Верка, растопырив руки, смотрела на подол крепдешинового, синего, в белый горошек, платья. Бок платья и рукав заляпались мокрым песком, белый горошек в этих местах потускнел.

-Давай, постираем, - предложила Катька.

-А как мы его погладим? – осведомилась Верка.

-Мы его постираем, посушим и ровненько сложим, оно само до первого сентября погладится.

Верка согласно кивнула головой, стукнула два раза голой пяткой в калитку:

- Выходи, пузан! Всё равно мамке скажу, что ты с голой жопой по деревне бежал.

Васька схватился, было за шеколду, но передумал: с двумя девками ему не справиться:

-Погодите у меня! Я Ваньку позову, мы вам покажем....

Но девчонки уже были далеко: вечерело, а им ещё надо было застирать и платье, и майку, и всё обсушить. Облазив все закоулки, девчонки так и не нашли мыло.

-Пойдём на ручей, - предложила Катька, - там глина синяя, она мылится хорошо.

Ручей протекал прямо за огородами Терёхиных. Васька, приоткрыв калитку, следил, куда тронулись девчонки. Дел важных у него особенно не предвиделось, и он осторожно, хоронясь за высокой травой, пошёл за ними. Васька только подобрался к кустам ивняка у ручья, как за ними опять раздался рёв Верки. Пацан выглянул из-за кустов. Катька держала намыленное глиной платье, с него текла грязь и всё оно стало одного цвета – серого.

-Ты не плачь! Я сейчас его выполоскаю, - Катька начала пластать платье по воде, по ручью поплыла муть, белый горошек стал проявляться, - вот смотри, ещё немного и чистое будет.

Поддёргивая заскорузлые шаровары, вышел из кустов Васька:

- Я сейчас мыла принесу, у нас в бане лежит, мамка вчера Батину праздничную рубашу стирала, он её пьяный изгваздал под трактором. Додумался, паразит, трактор ремонтировать, хотел за водкой на усадьбу ехать. Так и уснул в мазуте, под трактором.

-Отстирала?

-Отстирала.

-Неси мыло!

Через полчаса довольные ребятишки сидели на лавочке, болтая ногами, и поглядывали на развешанное по изгороди бельишко: - Платье синенькое и горошек беленький, - восторгалась Катька, и моя майка чистая, а твои штаны лучше всех!

Конечно... Васька был недоволен: мыло выскользнуло из Катькиных рук, и как они его не искали в быстрой воде, не нашли.

-В озеро уплыло, - констатировала пропажу Верка, - даст тебе мамка.

-А я не скажу!

- И мы не скажем, - толкнула Катька сестру, - правда, не скажем?

- Правда..., - нехотя согласилась та.

-Ты вот когда школу кончишь, кем будешь? – Верка обратилась к Ваське.

-На «Победе» буду ездить, директора завода возить.

Верка презрительно посмотрела на Ваську!

- На «Победе»... Ты до педалей не достанешь. Я вот училкой буду. У нас мужик учитель. А самые хорошие учителя – это тётки. Зойка в городе была, там в школе все учителя тётеньки: молодые, красивые, самогонку не пьют и не дерутся указкой. Васька с Катькой заморожено слушали Верку:
- Я тоже в городе буду жить. Куплю себе румынки, плюшевую жакетку и шляпу с пером и бантиком.

Васька подавлено молчал. Возразить ему нечем, в городе он ещё не был. Дядя Миша, который на «Победе» раз прокатил его с мамкой к озеру, - и всё его путешествие. Потом они ушли купаться, а Ваську оставили машину сторожить. Но об этом мальчишка вспоминать не любит. Папка напился и гонял мамку по деревне, кричал, что убьёт и её, и ёного хахалю, и «Победу» сожгёт. Всё обошлось, папка неделю болел, мамка его опохмеляла, и по голове гладила, говорила: «Мой дурачок...». Сейчас всё хорошо. Дядя Миша приезжает на верхний конец села, к бабе Соне. Васька бегал туда, но дядя Миша мальчишку не заметил, хоть Васька и крутился у него под ногами. Ну и ладно, ну и пусть, Васька вырастет и до педалей достанет, сам будет рубчатую баранку крутить....

Катька сестру слушала вполуха. Её заботили домашние дела. Не выдержав, она прервала Верку:

- Сейчас попрохладней стало, надо огурцы полить.

Верка отмахнулась! - Лёнькина забота, мамка ему наказала, он большой, здоровый.

-Ага... Где тот Лёнька! Может, на озере купается, может, на конях катаются.

-Ну и пусть ему мамка поддаст.

Катька захныкала, - всё равно огурцы поливать надо, они с картошкой зимой вкусные.

-Ну и поливай, - рассердилась сестра, - я учительницей буду. В магазине или на базаре куплю всего много. Не буду ничего поливать, в чёрной юбке буду ходить и в белой кофте.

Катька слезла с лавки и пошла в огород. На срубе колодца лежала старая, ржавая банка. Девчонка, шмыгая носом, набирала в корыте воду и, осторожно переступая через листья и длинные огуречные плети, шагала между грядок, поливала под листья, в ямки, воду. Где-то замыкали коровы, заблеяли овцы.

-Стадо с поля гонится, - забеспокоилась Верка.

- Счас тебе мамка задаст, и за платье получишь, и за огурцы. Катьку она не побьёт, а тебе даст, - заехидничал Васька.

Верка спорить не стала, мелькнув худыми лопатками, хлопнула калиткой. Васька, стянув с жерди штаны, задумчиво помял материал: сыроваты, - поёживаясь, натянул их, потом, воровато оглянувшись, набрал пыли в руку и хотел уже посыпать Веркино платье, но та, с треском распахнув калитку, вылетела на улицу, схватила майку и платье и умчалась назад. Васька еле руку успел отдёрнуть. Ну и ладно, всё равно попадётся, задавака!...

Батя с Батончиком опять вышли на дорогу, пропустили дежурный автобус, пылящий на пирс к двухчасовому парому. Постояли с подветренной стороны и, подождав, пока по кустам, деревьям и траве уляжется пыль, бодро пошагали вперед. Но не дойдя метров сто до околицы, свернули на чуть заметный просёлок, прошли они совсем немного, кусты орешника, ольхи, ивы раздвинулись, и Батончик даже присел: совсем рядом, шагни чуть – море!

Трава сбегала в крупный песок, замусоренный сухой морской капустой, побелевшими, битыми до бела волной и накатом сучками и веточками. Вода, лениво шипя, слизывала чуть пенистую линию прибоя, монотонно шуршала песком и мелкой галькой: шу-у, шу-у-у.... Пронзительно кричали чайки, стремительно падая в воду, они взмывали вверх, делали там замысловатый переворот и опять вниз-вверх, иногда, застывая у воды, вытянув голову вниз и махая сильно крылами: в клюве уже блестела рыбка.

-Корюшка подошла. Они детишек накормят, сами наедятся, а про запас не спрячут.

Гошка смотрел, смотрел, но не заметил, чтоб чайки рыбку несли куда-то, они её подбрасывали клювом и ...хоп!

-Они сами её кушают, не несут детям.

-Правильно, сейчас набьют брюхо, потом к гнезду подлетят и в клювики отгрызнут уже готовую пищу.

Гошка поморщился, но и правда, у чаек когтей на лапах не видать, рыбу держать нечем....

-Красиво?

-Здорово! – согласился Гошка. - Купаться можно?

-Можно. К дяде Коле дойдём, там и покупаемся. Мы с ним воевали, он меня из танка вынес. Уже всё..., ахнуть должно было, не побоялся, опять полез. Меня спас, а ему полбашки снесло. Перебивается кое-как.... Разуйся, пробежи по песочку, воду попробуй.

Гошка скинул китайские тапочки из белой, от пыли посеревшей парусины, снял носочки, отдал их папе, а сам осторожно ступил на песок. Он оказался неожиданно прохладен. Если честно, ни мама, ни сёстры Гошке разуваться не позволяли и уж тем более, ходить по сырому. Но тут он мужественно шагнул ещё и, чуть продавливая утрамбованную прибоем землю, пошёл вдоль берега. Узкая полоса песка была чиста. Чуть под берег много самого разного, интересного лома прибито волной: ракушки красивые, куски пенопласта, обрывки веревок. Гошка всё это начал собирать, рассматривать.

-Пошли, пошли, успеешь. Как водичка?

Мальчишка покосился на папу, сунул ногу в набегавшую волну: - Ой! Холодная!

-Не может быть! Штормило то давно, и самое лето, жарынь, совсем тебя бабы изнежили.... Шагаем, вон и домик, лодка на месте, сети сушатся, и сам из-под ладошки на нас взглядывает.

Дядя Коля их действительно ждал, бородатое лицо его, круглое, чёрное, крепкое, излучало искреннюю радость:

- Батя с Батянчиком! Ну, наконец-то крестника повидаю! А то: мал, мал, - смотри, казак какой, ты его от девок береги, щёчки-то пухленькие да розовенькие, Батончик, а не Батянчик.

Гошка надулся.

-Ты не журишь, паря! За Батяню повоевать надо, а чего ж хотел, сразу и в герои? Э..., нет! Место под солнцем не просто даётся.

Гошка решил, что дядя Коля навоевался и теперь он заслуженный герой, лучшего места под солнцем, казалось мальчишке, не могло и быть. На высоком бугре, среди пятка корявых дубов, черёмухи, орешника, покосившаяся тёмная изба. В одну сторону, в глубину бухты, километра за полтора – пирс в море выдаётся. Блестят крышами длинные, приземистые строения – склады. По сопке вверх взбегают домики посёлка, белеют среди зарослей. По берегу чёрными тушами бугряются перевернутые лодки, сетки развешаны. У пирса гукает паром, лязгают стрелами сейнера. В загородке у дяди Коли хрюкают поросята, по улице бродят куры, большой старый пёс лениво вылез из-под крыльца, подошёл к отцу, лизнул ему руку. «Привет, Кабыздох!».

-А почему Кабыздох? – удивился Гошка.

-Спать захочет, упадёт среди дороги, не объехать, не обойти. Ты не смотри, что ленивый с виду, он и кабана один берёт, о козе и говорить нечего.

Гошка ничего не понял, но почувствовал в большом, лохматом псе какую-то опасную, смертельную силу. Пёс на мальчишку – ноль внимания, покрутился на месте, подошёл к куриному корыту с травяной, вперемешку с рыбой, сечкой, захрустел, зачавкал. Дядя Коля сердито покачал головой:

-И что за вред! Своего – полный таз наварено, нет – подай чужого.

Кабыздох немного оставил в корыте, отпил водички из битой, чугунной сковородки, и страшно позёвывая острыми клыками, полез под крыльцо.

-Смотри-ка, - заметил папа, - чуть оставил.

-Это как закон, до последнего не обирает....

Дядя Коля с папой переглянулись, засмеялись.

-Ну что? На бережку посидим, или в дом пойдём?

-На берегу, на берегу! – запрыгал Гошка.

У самой воды крепко врос в песок корявыми столбами большой навес. Под ним длинный, скоблённый ножом по толстым, щелястым доскам, стол. С одной, с другой стороны – истёртые лавки. Вокруг навеса песок истолчён ногами вперемежку с высохшими рыбьими головами, хвостами, панцирями крабьих ножек и красными усатыми мордами чилимов. Что это и от кого, Гошка узнал позже. Многому он научился тут..., хоть и гостевал у дяди Коли не часто.

У одного края навеса сложена была печка. Старый рыбак, сдвинув серый с прозеленью берет на затылок, насовал в широкий зев сушняка, поджёл и побежал, чуть прихрамывая, к воде.

-У меня всё готово. День сегодня особый, не сомневался, что придёшь! Мы тогда заново родились.

Дядя Коля вытащил из воды большой садок: на деревянных обручах сетка, - там плескалась рыба. Папа подставил ведро: раз, раз, - шлёпнулись туда две большие, растопыренные плавниками рыбы:

-Это треска, - пояснил дядя Коля, - нам с неё печёнка треба.

Потом он достал какую-то головастую каракатицу, - это бычок, жирну...щий, навар хорош, деликатес! Ну, а основной продукт – пеленгас, - он подал Гошке большую, трепещущую, серебристую рыбу, парень её едва удержал, схватив за жабры, больно уколовшись, он с испугу даже глаза закрыл.

-Тащи на стол, терпуга, окунька добавим, а дальше как разохотимся....

В это посещение избушки на берегу, Батончик натерпелся всего: и страху, и обиды, и отвращения до тошноты, когда дядя Коля колотушкой бил рыб по голове. Гошка и есть уху не хотел, но уж так вкусно хрустели зелёным луком боевые друзья.... На столе стояла деревянная чашка с едкой зеленью, «чимча».

-А это, - пояснил дядя Коля, показав на толстые, жирные куски рыбы, плавающие в рассоле, - «хе», - корейское блюдо из селедки. Ешь, молодец, это всё корейские дрючки. Я тебя и тушоной собачатиной сейчас угощу....

Батя, искоса наблюдавший за сыном, увидев, как у мальчишки расширились зрачки, вдруг заливисто рассмеялся:

-Всё! Всё! Ой, не могу! Не пугай парня, а то не затащить его сюда боле.

-Если нашего роду, никуда ему не деться.

От сытного обеда мальчишку сморило, и папа отнёс его в домик. Там он уложил Гошку на широченный топчан у тёмной стены, - спи, потом, к вечеру, на кладбище сходим.

Он укрыл его старой шинелью, пахло от неё табаком, дымом и чем-то ещё таинственным, непонятным. Гошке представилось, что лежит он в блиндаже после трудного боя, подбили танк немецкий, нет, лучше два, а может и пять.... И он, вот как папа, Герой Советского Союза, на груди у него яркая, острая звёздочка. Гошка зажал её рукой, она кольнула его в ладошку, не больно совсем, но кольнула.... Проснулся Гошка сам, в руке он зажал ржавую пробку от бутылки, никакая это не звёздочка. Он сел на кровати, осмотрелся. У окошка стоял тяжёлый, с толстыми ножками, стол. Клеёнка в широких квадратах ярко белела в сумраке полутёмной комнаты. Чуть ближе к двери осадисто присела печка, сложенная из кирпичей, цвет она имела белый, как и положено печке, но по бокам и сверху пода разрисована смешными рожицами. Тут был и чёрт с рогами, и сковородка на огне, а на ней куча чертенят выплясывала. Сверху их здоровый молодой мужик, в смешной шапке, без ушей, как кастрюля, держал длинный кнут в одной руке, в другой, за хвост, подлетевшего к потолку рогатого чёрта со свиным пяточком. Интересно....

Над кроватью на гвоздиках висело ружьё. Гошка потрогал его пальцами – настоящее. Под потолком, по всем стенам шла широкая полка, занавешенная ситцевой занавеской, возле печки шкаф от пола до потолка и небольшой столик. Всё там заставлено чугунами и кастрюлями, на шостке висели ухваты и сковороды.

Обследовав комнату, Гошка открыл дверь, вышел на крылечко, солнце клонилось к сопкам, но было ещё высоко. Море серебрилось вдаль ослепительными бликами, даже и смотреть неловко. Вдруг под крылечком что-то завозилось, и на свет божий вылез Кабыздох, отряхиваясь и позёвывая. Гошка обмер, пёс искоса посмотрел на мальчишку, вильнул хвостом, подошёл и ткнул Гошку мордой в грудь. От неожиданности тот сел на крылечко. Вильнув опять хвостом, пёс, рявкнув по ходу на шебуршистого петуха, распушившего на него перья, потрусил по тропке к берегу. Гошка, решив, что его таким образом пригласили следовать примеру, пошёл к морю. Дядя Коля и папа сидели за столом, увлечённые разговором, Гошку вначале не заметили, но Кабыздох напомнил о себе таким же толчком морды в бок папе.

-Ну, зверюга, - засмеялся тот, - чуть с лавки не спихнул.

Мужики выглядели вполне счастливо, лица их подобрили, глаза масляно блестели. Дядя Коля снятый берет, натянул опять на затылок, но Гошка заметил, что сзади голова у него голая, но не так, как у папы, не блестит, а буграми и шишками, красная и очень некрасивая.

-Садись, чилимчиков пошелуши, - дядя Коля подвинул кучку красных, усатых закорючек ближе к краю стола, - хвосты ломай, самая вкуснятина, как семечки, бери ножки крабовые, салатик из морской капусты, здоровее сарая будешь, а то и правда, нежен ты, как я погляжу, - сердито посмотрел на папу, - чего же ты, Батя! Казак растёт, а ты его на баб кинул.

Папа улыбнулся:

-Успеет заматереть, надо, чтобы душенькой нанежился, не оскоруж с детства.

-Не оскоруж, не оскоруж.... Давай-ка, Батя, за смену нашу махнём, вон за них и на кладбище по свету сходим.

Гошка лушил чилимов, ломал крабы ножки. Мясо отдавало сладостью, но если прихватить щепоть чимчи, получалось вкусно. Мальчишка, обжигая рот приправой, запивал из кружки юшкой, приправленной перетёртой тресковой печенью.

-Вкусно? – подмигнул дядя Коля, - Вкусно! – сам же и согласился. - Так бы и жить, парень! – повернулся к отцу, - бросай, Батя, свои танкетки, да сюда. Чего дурить, никому мы не нужны, если сами не полезем.

-Вот в том и дело... Да нет, ты не прав, Николай.

По-видимому, разговор на эту тему вёлся не первый раз, мужики понимали друг друга с полуслова, не повышали голоса в споре, а лишь рассуждали, прислушиваясь больше к себе, чем к партнёру.

-Как их назвать? Дураками? Нет, они не дураки. Есть, наверное, какая-то колея, попадёт в неё даже и хороший человек, и всё! И попёр, и повёз.... Что ж ты сделаешь против этой махины один? Не так подумаешь, а не дай бог скажешь, уже и враг народа, в психушку или вообще....

-А не надо, Батя, бороться, не надо по колее переть. Выйди из неё, отойди в сторону, осядь где-нибудь: ты, за тобой другие, с кем они будут воевать, и кто... за них. Не надо ничего говорить.

-Может, и прав ты, Николай. Только на кого девок бросишь, его, - отец кивнул на Гошку, - одеть, приобуть, накормить, выучить, в люди вывести.

Они посидели, помолчали.

-Мда...Дядя Коля поставил остатки ухи Кабыздоху. Тот, шумно брызгая, начал хлебать, выкусывая и подбрасывая куски рыбы, - любви нам не хватает, вот хоть к этой животине. Обложи её распорядком. Посади на цепь, о как взвоят.... А мы сидим на коротком поводке..., и воем.

-Ну ладно, Коля, берём приварок, Кабыздоха на хозяйстве оставляешь, поди.

-Нет! Не было случая, чтоб кто хоть гвоздь взял, и не закрываюсь. Пошли, помянем ребят....

6

...Попало почему-то Катьке. Верку мамка лишь поругала, а Катьку даже шлёпнула ладонью по мягкому месту, не больно, конечно, но обидно. И Катька, измаявшаяся в заботах за большой день, ударилась в рёв. Полезла на печку, причитая и ревя:

-Я за всё старалась, огород поливала, цыплят стерегла, кошку кормила, а вы ни спасибо даже, - и ещё пуще заливалась.

Мама Нюра, чувствуя свою вину перед младшей, толклась по дому: «Хоть немного раскидаю заботы и уж приголублю Катьку».... Но пока доила корову, кормила кур, поросят, грела к приходу мужа, и ребягню накормить, ужин, Катькины причитания стихли. Она заглянула на печку: дочурка, свернувшись калачиком, уже сладко посапывала, размазав по лицу слёзы, извозила грязными ладошками щёки. Вздохнув, мама Нюра укрыла дочурку старым ватником: «Хлопотунья..., ну спи!».

Попало Катьке за Верку, той поддавать – себе дороже: существо вредное и злопамятное, начнёт вредить, ничем не проймёшь её. Ни брата, ни батьку, - никого не боится. Реветь то мастерица, но уж потом жди шкоды. И если за руку не схватил, напрочь откажется. «И в кого такая бузика?», - вздыхала мама Нюра.

Поужинали все вразнобой. Верка опасалась заслуженной трёпки, хоть и спрятала платье опять в комод, выпила кружку молока с хлебом и быстренько забралась на полати. Без Катьки было скучно, но будить сестру не решилась. Катька хоть и младше её на два года, но ростом ничуть не меньше, а если разъярится, то Верке с ней не сладить. Повздыхав о том, как ей спихнуть на сестру историю с платьем, Верка уснула. Лёнька и вообще есть не стал, на озере печёной рыбы и ракушек наелся.

Мама Нюра села к столу, ноги, тело, - всё ныло, тянуло низ живота тягучей болью. Город далеко, бабок-повитух нет, вот сами и придумали, как от нежеланного избавиться. Полежать бы, но это лишь на том свете. Тревожно на душе! Где её Петро? Затихла деревня. Лишь на колхозном дворе корова мыкает, наверное там. А чего ему, кобелю двухметровому, доярки молодые, молоком парным поеные. Мама Нюра смахнула невидимую муху с чашки шей, накрыла холстиной хлеб, сковороду с картошкой, и охая, держась за поясницу, вышла во двор. Постояла. Послушала: взбрехала где-то собака, вроде у Люськи Кузнецовой, может, туда пошёл. Раздались тяжёлые шаги, кашель, стукнула калитка, пхнула огоньком самокрутка, осветив крупноватый нос, большие губы.

-Живой? Заждалась!

-Чего ждать, спи, я на ферме перекусил.

-Для кого ж я грела?

-Не пропадёт. Ты завтра давай-ка на покос, клевера убирать начинаем.

Петр прошёл, пригнувшись в дом, обдав Нюру зноем, потом, табаком, ей хотелось прижаться к нему, могучему, сильному. Хотелось, чтоб он придержал её уставшее тело, хоть сказал бы что доброе. А то, на покос... Не больно говорлив, ласков у неё мужик, но и руку ни разу на неё не поднял, да и голосом, словом не обидел. Вздохнула, - пусть уж так..., - а то вот приласкал, мучайся теперь, не девка уже, силы не те. Проверив, закрыта ли животина, пошла спать и она. Муж уже крепко посапывал, привалившись к стене. Прилегла и она, осторожно укрылась одеялом, подвинулась к мужу. Большое его тело жарко дышало, она поплотнее подвинулась к нему. Хорошо... Надо Катьке с утра наказать, чтоб цыплят на новое место переставила, да чтоб нашла кладку, курица квочет: сидит где-то, под сараем, наверное. Верку приструнить: чтоб огород не забывала поливать, и морковку хоть немного прополоть; Лёнке яму под картошку начать копать, место найти....

Катька проснулась раньше всех. Она лежала, прислушивалась. Тикали ходики, зашебуршала, заскреблась под печкой мышка. Кошка, гревшаяся у девчонкиного бока, подняла голову, послушала, муркнула и опять уснула.

-У, соня..., -Катька потрепала кошку за ухо, - иди, мышь лови! - Но та лишь перешла на другое место, ближе к трубе, где сложены были старые валенки. Катька намяла бока на кирпичках, хоть и прикрытых старым тряпьем: дрыгаясь во сне, она разгребла его и теперь лежала на голых кирпичках, укрытая ватником, под головой старый чунь. «И чего они так долго спят? Петухи вон пропели, а им хоть бы что. А Батя бригадир, ему первому в деревне вставать». Катька шевельнулась, громко чихнула, кошка, видно было в сумраке сладко потянулась, прыгнула ушами, прыгнула на лежанку, потом на пол. «Вот и хорошо, сейчас мамка встанет, корову надо доить, папку кормить». Ещё раз громко чихнув, Катька полезла с печки. Вышла на кухню, и мама, сразу же зашептала ей дневное задание. Катька замахала руками: - Знаю! знаю!...цыплят перенесу, квочку найду, - и помчалась на улицу, присела у крыльца. Голяшки обожгло росой, - ой, холодно! – всякое желание хозяйствовать у неё пропало. Она бегом помчалась в дом, кинулась на полати, откинув лоскутное одеяло, юркнула поближе к тёплой, разомлевшей Верке. «У-у..., - передёрнулась Катька, - полежу, погреюсь, холодно». Она слышала, как тяжело скрипели половицы под ногами отца, как о чём-то они говорили на кухне с мамой; потрескивали в плите дрова, вкусно пахло гретой картошкой со шкварками. Оставят нам, с молоком вкусно....

Разбудила её Верка. - Хватит спать! Мамка сказала, тебе морковку полоть, вон уже солнце где. - Верка отмытая, причёсанная, выплясывала перед полатами.

-Мамка мне этого не говорила.

-А когда б она тебе успела сказать, ты спала.

-И не спала, она наказала цыплят перенести и квочку найти. А тебе и морковку прополоть, и весь огород прополоть, а Лёнке воды в долблёнки налить и яму для картошки выкопать.

Верка озадаченно притихла. Потом съехидничала, - Лёнка рыбу удить на озеро пошёл. Червяков в старом навозе накопал, а я ему помогала. И он самую большую рыбу мне поймает.

-Ну и пусть. У него большие рыбы не ловятся, одни сопливые ерши, - Катька сердилась на сестру за вчерашнее.

-Ерши тоже большие бывают.

-Не бывают, - Катька решила ни за что сестре не прощать: она платье испачкала, а Катьку наказали ни про что.

-Пойдём есть. Нам картошки со шкварками оставили, по полкружки молока, по половине краюхи хлеба.

Катя посмотрела на оттопырившийся живот Верки. - Не ври! Мамка по полной краюхе и по полной кружке молока оставляет. Ты выпила, ты брюхо набила.

Верка злобно сощурила глаза, - А может, это Лёнька или папка?

Катька вскочила и вцепилась в волосы Верки, - я у них спрошу....

Девчонки возились некоторое время, Катька всё ж одолела сестру, та захныкала, - отпусти, я больше не буду-у.... Катька, вполне удовлетворённая победой, пошла есть картошку. Кружку Верки и её краюху брезгливо отодвинула, - подавись, обманщица!...

Сестра, совершенно не обращая внимания на сердитый тон Катьки, составила на пол кружку с молоком, положила сверху кус хлеба и накрыла всё это кастрюлей, - потом съем. Катька доскребла картошку, облизала деревянную обкусанную ложку, посмотрела её на свет, полюбовалась на красненькие цветочки по когда-то лакированному, коричневому фону, - красиво! – засунула ложку черенком в щель казёнки, пошла к рукомойнику, сполоснула кружку. Оставшийся кусок краюшки посыпала солью и помчалась в огород. Заинтригованная Верка за ней.

Солнце уже подсушило росу, но ещё не пекло. Катька оторвала две стрелки лука, свернула их пучком и засунула в рот, начала жевать, прикусывая хлебом. Верка демонстративно отвернулась, - не вкусно.

-Вкусно! – Катька зачерпнула банкой из колодезного ведра воды, запила, опять начала вкусно чавкать. Верка не выдержала, через минуту и она смачно, с хрустом пережёвывала зелёный лук, заедала хлебом, запивала водой. Когда Катька собрала на ладошку крошки хлеба и забросила их в рот, появился Васька, в неизменных шароварах, в линялой майке, он, с такой же солёной краюхой хлеба пролез к ним, отодвинув доску в заборе.

-Мамке скажу, - заявила Верка.

-А вы сами тут лазаете, - увидев, как трапезничает Верка, Васька заперезживал. Идти домой не хотелось, но у девчонки всё так вкусно получалось, что пацанёнок изошёл слюной. Не выдержав, он обратился к Катьке, - оторви лучку.

-Домой иди, свой есть, - отодвинула сестру старшая.

Васька повздыхал, повернулся, чтоб идти домой. Верка, вполне удовлетворённая, крикнула ему, - возьми два пёрышка вон с той, с маленькой луковицы, - подумав немного, добавила, воду бери из корыта, у вас своё колодец есть.

Тут уж Катька не выдержала, она черпнула банкой из ведра, подала Ваське.

Сбрасывая крошки на землю, Верка запрыгала возле них, - жених и невеста, жених и невеста....

Катька ринулась на сестру, но та прямо по морковной грядке сиганула к забору, пролезла в щель, и горляня во всё горло, - жених и невеста..., - побежала к подружке.

-И чего она такая вредная? – Васька отломил хлеба, подал Катьке, - на, мне много, я картошку со шкварками ел, молоком запивал.

Катька спорить не стала, оторвала пёрышко лука, - она не очень вредная, она не в нашу породу....

7

Кладбище Гошка, увидел впервые. Если кто в гарнизоне умирал или несчастней случай, клали гроб на машину и увозили куда-то. Вначале, правда, гроб стоял в доме офицера, туда все шли молча друг за другом, опустив головы, выходили с другой стороны, облегчённо вздыхая, переговариваясь. Потом немного шли до выхода, до КПП, где полосатый шлагбаум поднимался: тянул его за верёвку солдат с повязкой, и лишь потом быстро уезжала машина и два автобуса с народом. Вот теперь Гошка увидел, куда ездила машина с умершим, и где эти гробы закапывались. Кладбище густо заросло всяким кустарником, трава вытянулась в рост взрослого человека. Они прошли мимо свежих холмиков и направились к высокому бугру. У его подножия виднелось несколько торчащих самолётных винтов, на лопастях тускнели таблички с выбитыми буквами и цифрами.

-Ни за что ребята сгинули, - проговорил дядя Коля, раскладывая на бугорке газету и выкладывая куски рыбы, ставя бутылку.

-Так не бывает, - отец смахнул пот с лица, - так не бывает, друже. Мы помним, он будет помнить....

Много, много лет спустя, Григорий Орехов, на «Шестёрке», зоне, узнал от старого ээка, что случилось тут, и что за кладбище он посетил тогда с папой и дядей Колей. Во время корейской войны, налетели американские самолёты на аэродром. И ни один наш не успел взлететь: поггли, разбомбили эскадрилью дальних бомбардировщиков. Сказать, что ни за что погибли люди? Может и так....

Гошка тогда очень устал, он уже не бегал по кустам, а сидел у папиного бока, мечтая, как он упадёт в свою кровать, зароется в тёплое одеяло и уснёт, крепко-крепко. И мальчишка действительно уснул. Он проснулся на топчане у дяди Коли, долго лежал, удивлённо всматриваясь в тёмный потолок, по нему ползла муха, заглядывая во все щели. Что мухи кушают? Она ведь вкусное что-то ищет. Гошка долго следил за ней, потом, устав водить по потолку глазами, опять уснул. Проснулся от громкого лая, урчания машины. Парнишка выбежал на крылечко, гарнизонный дежурный автобус подкатил со стороны посёлка. Кабыздох угрожающе растопырил передние лапы и оглушительно рявкал, не выпуская посыльного офицера из автобуса. От моря поднимались дядя Коля и папа, одеты они были в штормовки и большие сапоги.

-Кому понадобился старый, седой полковник? - загремел Батя.

-Вас в штаб дивизии, - крикнул из машины посыльный, так и не решившись спуститься на землю, хоть Кабыздох и отошёл к домику.

-Ну и псюга..., - покачал он головой, - баллон зисовский перекусит.

-Это он может, особенно если ненашенский, и не к месту появится, - улыбнулся дядя Коля. - Ну что? Забирайте рыбку и катите. А ты, дружок, не забывай старого солдата, - он потрепал Гошку по голове, - расти, сынок. Вот тебе трофей. Он подал мальчишке пять штук больших, однобоких камбал: - Мамку угости, пусть пожарит, вкусней нет рыбы.

Дома Гошка взахлёб рассказывал о море. Какое оно красивое и большое, о Кабыздохе, таком большом и сильном, что его боится даже страшный секач - кабан. И в школе он рассказывал и о кладбище, где вместо крестов стоят лопасти самолётов, только почему так, он ответить не смог.

-Ха! - Звонарь скорчил презрительную рожу, - а я вот узнаю! На следующий день Гошка подождал соседа у калитки. Но тот, накупившись, шёл впереди и ничего не говорил. Гошка не выдержал: ну, узнал? Звонарь лишь приобавил шагу.

-Ну, узнал? - преследовал Гошка соседа.

Тот остановился, бросил на землю портфель, в глазах стояли слезы, - нам знать не положено, мы ещё маленькие, - крикнул он, подхватил портфель и побежал, к школе.

-Не положено, так не положено, - удивился Гошка. Интерес к винтам на кладбище пропал в этот же день. Новые события заслонили....

Дивизия перевооружалась на новые танки Т-55. Папа который день не ночевал дома. В школе даже девочки спорили по поводу дальности стрельбы и точности попаданий с ночным прицелом. Бегали на железнодорожную станцию смотреть, как разгружаются новые машины. Башни у них похожи на выпуклый блин. пушки длинные. зенитные пулемёты торчали вверх. Гошка слышал, как Звонарёв смеялся: «Батя, рожай ещё парня! С этого орудия до Пекина достанешь!». Отец лишь головой покачал: «Дозвонишься...».

После Нового года семья Звонарёвых погрузилась на студебеккер и уехала. Гошка наблюдал с крыльца, как Славка носил узлы, книги, подавал их младшей сестрёнке. Гошка подошёл к забору, крикнул Славке: «Вы куда уезжаете?» Тот вобрал голову. Погрозил кулаком: «Не твоё дело!».

Гошка вернулся в дом, спросил у Лены, больше никого не было, - А чего Славка мне грозит? Та испуганно оглянулась - Говорят, их папка нашему предложил по китайцам выстрелить из нового танка, даже по их самому большому городу. А наш сказал об этом в особом отделе, и теперь Звонарей высылают, куда Макар телят не гонял, и их папка всего взводом будет командовать. Говорят, что как верёвочке не виться, а конец будет: не надо на других звонить. Ленка приложила палец к губам: - Ты только молчи, это я на кухне подслушала, у тётки Зины, а та у замполитихи узнала....

Ленка, длинноногая девочка, на два года старше Гошки, ростом она даже среднюю, Надю, догнала, хоть и моложе ее на два года. Нос у Ленки пуговкой, лицо в веснушках, волосы рыжие, растрёпанные, глаза зелёные. И не сидит она на месте ни минуты, всё обо всем знает, и всем хочет помочь. Гошке от Ленки не отбиться. Лишь Галя его спасает от этой рыжей напасти, как зовёт её тётя Зина. Супруга старшины батальона Гвоздева. Хуже приходится смыслёной и строптивой Наде. От Ленки отвязаться, не обращать на неё внимания или полезть с ней в драку, а если тягаться с Ленкой по всяким проказам и придумкам, то будешь бит и наказан со всех сторон. Гале пятнадцать лет, она сильная и

красивая, в маму, волосы белые, глаза синие, брови чёрные, Надя в папу, и видом, и характером: готовый тебе Батя в юбке. Опять же так кличет её тётя Зина. Ленка, говорят, в прадеда, приказчиком в мануфактурной лавке служил. Выжига и разбойник был, не приведи господи, на каторге сгинул, почти как революционер, экспроприировал своего хозяина.

А вот Батяничок ни в маму, ни в папу, дразнят его Батончиком, а он даже отбиться никак не может от этого прозвища. И собак всех в гарнизоне боится, лишь Звонарёв Бобик не гавкает на Гошку, а теперь Бобика увезли, и проходу нет от местных собак мальчишке, как чувствуют его страх, гавкают, заливаются, за пятки норовят укусить. Все нервы Гошка извел, без палки в гарнизон не выходит. Но собаки тоже не дуры, в этом случае они близко не подходят, издали брешают. Если б не старшие сестры, туго Гошке пришлось бы и в школе. Он не самый слабый в классе, если по честному бороться, может и самый сильный, только не умеет подножки ставить и исподтишка нападать. Ему говорят: - Повернись, у тебя спина в мелу, - и раз Гошку на пол. Мальчишке обидно, слезы душат. В таких случаях он ищет Галю, та его приласкает, угостит, если есть, конфетой, а у Гали всегда для Гошки конфета найдётся. Но учился мальчишка легко. Ему даже на уроках неинтересно сидеть. Все задания Гошка четвёртый раз слышит: с Галей проходил, с Надей, с Леной, теперь сам. Анна Ивановна, седая, статная женщина, говорит Гошке, что его можно уже в десятый класс перевести и вместе с сестрой на одну парту посадить. Но и сетует, что испортили мальчишку старшие сестры: всё знает, на уроках скучно, рисует в тетрадке или книжку библиотечную читает. Хорошо, мальчишка усидчивый и не хулиган, плохо, что добрый, все к нему идут за подсказками и списыванием. Гошке, наверное, от Бати попадало бы за неразворотливость и отсутствие бойцовской злости, но парень лучше всех закончил второй класс и даже мог бы, наверное, вровень с младшей, с Леной учиться. Ленка так быстро соображала, что иногда забывала начало мысли, и Гошка подсказывал сестре: та обычно тараторит, тараторит, потом спохватится, что не туда поехала, вернётся назад и опять не туда. Учителя за голову, хватаются, пытаюсь Ленку к правильному ответу подвести. А всё дело в том, что сестру надо уметь слушать. Гошка умел. И если что-то важное случалось в гарнизоне, переводить Ленкину трескотню звали Гошку. Парень точно передавал мысль девчонки, и все удивлялись, до какой степени Ленка наблюдательная. Однажды она милиции помогла поймать вора, который на маленьком гарнизонном рынке украл у бабки Дуси пучок редиски. Украл Васька Зуев, сын Зуйка - кочегара, украл в отместку бабке, она его без билета не пустила в кино. Ванька очень разобиделся на бабку, а теперь грозит отомстить и Ленке, и Гошке. Может, и отомстил бы, но Вася Лосев, парень Галки, киномехаником подрабатывает - не поступил в мореходку во Владивосток - показал Ваньке крепкий кулак: «Получишь банок, тронь только». Вася самый сильный и красивый парень в гарнизоне, а может и на всём побережье, он двадцать пять раз подтягивается на перекладине, на руках в стойке поднимается на клубное крыльцо, имеет тельняшку, клеша и ремень с блестящей бляхой. На ней якорь, на ремне выжжено раскалённым гвоздём: « Не забуду мать родную Вася Л. ».

Гошка, конечно понимает к чему такая надпись у Васи на ремне, Лосев вырос с бабушкой. Папа у него и мама плавали на сейнере, ловили рыбу. однажды сейнер не вернулся, Гоша хоть Лосева и понимает, но такая надпись ему не нравится, при чем тут мама, и не забуду.... Мама у Ореховых очень красивая, только бледная и молчит всё время, дышит тяжело, часто лежит на кровати, подолгу глядит в окошко. Гошка маму любит, но почему-то боится с ней оставаться один. А девчонки хоть бы что, шьют что-то, вяжут, смеются; Папа как-то сказал: «Ты маму не обижай», - и вздохнул тяжело. Теперь от него водкой не пахнет, и домой он приходит вовремя. Два раза ходили они к дяде Коле. Гошка уже большой осенью в третий класс пойдет, а может и в четвертый. Новый директор сказал: «Нечего такому парню зря штаны протирать с несмышленишками», - вот так. Папа с дядей Колей ходили далеко в сопки, нашли там корень Жень-Шень. Целый день жил Гошка в домике один. Ему было чуть страшно. Кабыздох никак не хотел оставаться по хозяйству, убежал в тайгу, наверное, гонять кабанов или коз, и Гошка сидел в лодке, дергал на удочку рогатых бычков и выпускал их в воду. Ловил он их с одной стороны лодки, а выпускал с другой, думал их будет поменьше, может, окунь-терпуг схватит или красноперка зацепится. Но бычки, наверное, плавали, где им заблагорассудится, и чтоб это проверить, Гошка

привязал большому бычку за хвост красную нитку. Не успел он выкинуть рыбину, как она, с красной ниткой, снова села на крючок. Выходит, Гошка полдня одного и того же бычка вылавливал. Мальчишка обиделся, бросил удилище и пошел собирать ракушки.

Продолжение следует

Анатолий Савинов

Работает на Норильском медном заводе. Публиковался в газете «Заполярная правда», в альманахе «Полярное сияние», в коллективном сборнике «Стая». (2001 г) Живет в Норильске.

Станция дурных снов.

Глава 1

Когда уезжаешь из города в одну пору, а возвращаешься в другую, всегда становится немного не по себе, словно не туда попал. Словно сел не в свой поезд и хочется вернуться на станцию и ехать, и ездить долго, пока не попадешь в нужное место в покинутое время, потому, что там осталось что-то, чего не хотелось бы менять. Из деловой поездки в Новосибирск Андрей вернулся значительно позже, чем предполагал. Дома его никто не ждал, а потому он решил навестить друзей. Он долго стоял во дворе, смотрел на потемневшие за лето окна, на бросающие листья, по ветру листья, деревья и не узнавал всего этого. Тягостное чувство чего-то непоправимого, все изменяющего саднило в душе. И вроде бы все по-прежнему, за исключением осени, и все не так. Пожилая женщина как-то особенно строго ругает своего то ли внука, то ли позднего отпрыска. И бродячая собака, развалившаяся у подъезда, еще более облезлая, чем раньше. Уж если вокруг все изменилось настолько, то чего ждать от себя. Андрей не в первый раз уезжал по делам из города, но возвращался с таким настроением впервые.

Вадим Ледин - живописец (очень тонкая и настолько же нудная натура) и его жена, красивая плюс, ~ теперь великая редкость, - умная женщина, жили в небольшой квартирке на окраине города. Место это - тихое и располагающее к творчеству, - выбрала Наташа. Сам Ледин лишен всякого практицизма, что никак не повлияло на него, как живописца. Таланта, по мнению большинства знакомых (профессионалов), у Вадима тоже не было. (Зато амбиций не занимать). К слову сказать, Андрей никогда не питал к нему особенно дружеских чувств и единственной причиной по которой он многие годы старался поддерживать отношения, была Наташа, увы, не отвечавшая ему взаимностью. Нет, она, конечно, любила его, но не той любовью, какой Андрею хотелось... Она искренне видела в нем друга, брата и не оставляла никакой надежды на большее. Банальнейшая ситуация... Тем не менее, Андрей верил, что когда-нибудь.. (А говорят: "Надежда умирает последней". Врут!) На звонок дверь никто не открыл. Сие слегка озадачило Андрея. Обычно, кто-то обязательно находится дома, по крайней мере, днем. Он позвонил еще раз... Результат тот же. В это время из соседней квартиры вышла старушка.

- Что, не открывает? Да ты звони, сынок, звони, дома он. Давеча слышала, бутылки по полу катались. Вот мужики, только жена за порог так они либо б... водят, либо горькую пьют. Мой вот, точно таким был.

- Подождите мамаша. А куда его жена делась?
- Я почему знаю? Только не видно неделю, оттого и думаю; ушла она от него.
- Не должно этого быть. Может в больницу попала?.. - скорее обращаясь к себе, нежели к старухе вслух произнес Андрей.
- Когда жена в больнице, мужик не запивается, а померла б, так похороны были.
- Что? А... Ну да. Логично... спасибо мать.
- Не на чем.

Старуха ушла, а Андрей с силой постучал в дверь, да так, что она сама неожиданно распахнулась.

Стоило переступить порог, чтобы понять; Наташи действительно давно нет дома. И не пресловутый холостяцкий беспорядок привел к такому выводу, он, хотя и

относительный, но присутствовал. Скорее нечто мистическое, а именно; тяжелый и вязкий дух одиночества. Точно такой же блуждал в квартире самого Андрея. Он от него и бежал, стремясь подолгу оставаться в домах друзей. А чего в таком случае ожидать от холеричного Ледина?

Пройдя в гостиную, Андрей увидел Вадима лежащим на диване. Несколько минут он стоял неподвижно и смотрел на это рыхлое тело, неизвестно когда успевшее превратиться в одряхлевшую тушу и оскорбительная жалость охватывала его душу. Хорошо зная Вадима, Андрей понимал: если так и дальше дела пойдут, тот долго не протянет. Слава богу, до сего момента жив и, весьма, здоров, да настолько, что стены сотрясаются от храпа.

- Спит? "свинтус", - возмутился Андрей и, подойдя к окну, отворил форточку. (В комнате стоял невыносимый запах спиртного перегара и немытого человеческого тела). Вместе со свежим октябрьским ветром помещение сразу наполнилось звуками улицы. Гудки автомобильных клаксонов. Автомобильные гудки, визги играющих во дворе ребятишек, лай ничейных собак, все вместе ~ это, казалось, вдохнуло в жилище жизнь, превратив его

в таковое из склепа.

Решив, что будить Вадима не имеет смысла. Ушедши на кухню, Андрей отправился на кухню, и принялся, было хозяйничать там. Но едва пустил из крана воду и загремел грязной посудой, как в дверях появился хозяин.

- Наташенька, родная, ну где же ты пропадала? - закричал он. Глаза "разуй", алкоголик хренов, - ответил ему гость.

- Ты кто?

- Домовой. Не похож, что ли?

- А... Андрюха... А у меня несчастье вот. Наташка пропала.

- Не мудрено. С тобой и тараканы знаться не захотят. Ты посмотри на себя.

- Да причем здесь мой внешний вид? Я тебе говорю, Наташка куда-то исчезла

- Ну и что? Не ты первый, не ты и последний от кого жены сбегают. Стоит ли из-за этого "морду лица" терять?

- И ты туда же... - Вадим устало бухнулся на табурет.

- Куда?

- Куда, куда... Раскудахтался. Со всеми вместе. С ментами, например.

- А ты в милицию обращался?.. Ну, брат... Совсем гордость потерял.

- Какая гордость?! У меня жена без вести пропала, а он говорит «гордость».

- Погоди. То есть как - "без вести"?

- А вот так. Я в мастерской был, а когда пришел ее дома нет. И хоть бы записку, какую оставила, так нет же...

- Вы что поссорились?

- Да ты что! Мало нас знаешь? За двенадцать лет ни одной размолвки. С нею же невозможно поссориться.

- А что если ты нашел таки лазейку к тому месту, где бабы свою стервозность прячут?

- Андрюха! Я с ума схожу. Можешь ты понять? Не до шуток мне.

- Не могу. У тебя его никогда не было, ума этого, не можешь, значит, и сойти.

- Издеваешься?

- Она куда-нибудь собиралась идти, в магазин, например?

- Да нет, в общем...

- В "общем" или не собиралась?

- Не собиралась.

- И никаких подозрений, умозаключений? Ведь о чем-то ты думал? Соображал?

- Да конечно. То есть, нет. Я представить себе не могу, что с ней случилось. Не мучай меня, пожалуйста.

- Какого, ты разнылся, словно баба? - Андрей на несколько секунд задумался, после чего спросил: - В какое отделение заявление подавал?

- В наше... Четвертое.

- Слава богу, хоть это помнишь. Ладно, трезвей пока, а мне немного подумать нужно, уладить кой-какие дела. Приду завтра, к вечеру.

Накинув на плечи курточку, Андрей вышел...

Глава 2

Никаких дел у Потехина на сегодня запланировано не было, просто без Наташи Лединский дом утратил свою притягательность и более того - стал невыносимым. Но и к себе идти также не возникало желания. Андрей бесцельно блуждал по улицам города и, незаметно для себя, приблизился к дому, в первом этаже которого располагалась мастерская скульптора Даниила Слепцова. Когда-то вместе учились, даже дружны были, но девять лет назад пути их разошлись. Андрей стал офисным дизайнером, и работа приносила ему солидный доход. Даниил не смог простить такого предательства по отношению к "высокому искусству".

До встречи с Лединым, Наташа была его страстной почитательницей, и поговаривали, кто знает, возможно, именно память об этих сплетнях руководила подсознанием, а оно, в свою очередь, привело Андрея сюда. Едва переступив порог мастерской, Потехин с некоторой завистью отметил, что бывший друг не терял эти годы даром. Помещение приличных размеров сплошь заставлено законченными и находящимися в стадии доводки произведениями Слепцова. В углу стоял еще не тронутый мастером трех кубовый блок черного лабрадорита, (наверняка привезенного прямо с Каменного брода). По меньшей мере, три скульптуры выполнены из этого первоклассного материала. Но Андрея, привлекли и повергли в изумление сами работы...

Вот старик согбенный; осторожно, словно боясь переломиться, он наклонился за чем-то к земле да, так и "окаменел". А рядом молодая женщина: ее каменное платье чуть приподнято только что налетевшим ветерком и она спешит одернуть его, стыдливо зираясь. В углу, укутанная черным целлофаном, еще одна работа. Пленка покрыта тонким слоем пыли. Любопытство взяло в Андрее верх над щепетильностью по отношению к чужим тайнам, в особенности творческим, и он аккуратно приподнял целлофан. Под ним скрывалась незаконченная скульптурная композиция; девушка, оседлавшая что-то бесформенное, вззирающая в неведомое, по-видимому, ужасное, так как мраморное девичье лицо изуродовано гримасой страха и боли. В этом изваянии Андрей, хоть и с трудом, узнал Наташу... Не теперешнюю, а ту, которую он увидел двенадцать лет тому назад. Даже выражение лица, что придал ей Слепцов, и грубость недообработанного камня не в силах оказались умалить необычайную притягательность - красоту девушки. И тут Андрею стало понятно, почему Даниил так и не смог простить ни Наташу, ни Вадима. Ведь эта работа должна была стать основной в его дальнейшей творческой жизни...

- Что вам угодно? - раздался за спиной Андрея скрипучий женский голос.

- Простите, могу я увидаться с господином Слепцовым? - слегка вздрогнув от неожиданности, и медленно поворачиваясь на голос, спросил он.

Обладательницей "дверного" скрипа оказалась не старая еще дама с величественной осанкой и аристократической бледностью в лице.

- Боюсь, не получится. Даниил Моисеевич всю ночь работал и сейчас отдыхает. Желаете что-либо передать? - ответила она.

- Да нет, собственно, ничего. А когда его можно будет увидеть?

- Сложный вопрос. У него выставка скоро, оттого очень занят. Приходите в выставочный павильон, что в институте культуры, на следующей неделе, там он наверняка сможет уделить вам какое-то время.

- А выставка персональная или?

- Ну, разумеется персональная. - Видно было, что даму удивило невежество Андрея в вопросах расстановки личностных приоритетов. Хотя, чему тут удивляться? Бросив мало прибыльное, как показалось, занятие скульптурой, он утратил связь с бывшими товарищами и коллегами. Единственным звеном, еще как-то сближающим Потехина с миром чистого искусства, оставался Ледин. Да и то благодаря Наталии...

«Вот тебе и неприступная Наташенька. Интересно, на кого она променяла своего незабвенного Вадика? Посмотреть бы на то, что по ее мнению лучше не только мужа, но и тебя Потехин» - выходя из мастерской Слепцова, думал Андрей.

- Кто это был? - едва Андрей покинул мастерскую, выйдя из соседней комнаты, спросил Даниил, обращаясь к горделиво глядящей на него администраторше.

- Понятия не имею, он не назвался и ничего не передал.

- Ну и черт с ним. У тебя осталось там, что-нибудь?

- Ты ведь пару часов как принял, совсем загнуться хочешь?

- Не бойся, я еще тебя переживу. Дай, не жмись.

- Не дам! Посмотри на себя... Бледный стал, как вампир и руки дрожат. Скоро инструмент держать не сможешь.

- Боишься остаться без работы?

- Конечно, боюсь и еще как боюсь. Мне уже далеко не двадцать лет в содержанки никто не возьмет. Сдохнешь, на что жить стану?

- Не дашь дозу - точно помру. Кто прикасался к этому?! - неожиданно свирепо закричал скульптор, указывая на незаконченную работу.

- Этот, что приходил ~ несколько растерянно ответила женщина.

- Ты ему позволила, сука?

- Нет, нет, он сам, я не успела ему помешать, - скороговоркой, не на шутку испугавшись, следя за приближающимся со сжатыми кулаками боссом, пролетела она, отступая к выходу из мастерской. Но тот, спохватившись, вдруг, обхватил руками голову и заплакал.

Сквозь слезы он снова стал просить наркотик. Администраторша посмотрела на Даниила, и во взгляде ее скользнуло нечто, похожее на материнское чувство, которое тут же погасло. Выйдя из мастерской и через минуту вернувшись, она протянула Слепцову шприц, наполненный прозрачной жидкостью.

- На и сегодня больше не проси...

- Поможешь?

- Нет уж, уволь.

- Когда-нибудь я так и поступлю.

Сделав инъекцию, Даниил заметно повеселел и даже ущипнул администраторшу за сосок поддерживаемой бюстгальтером груди.

- Фу, что за пошлые выходки? - казалось, что она уже забыла, о происшедшем и голос вновь приобрел былую уверенность.

- Да ладно тебе, тоже мне - девочка - ответил на замечание Слепцов и, подойдя к укрытому черным лабрадориту, прильнул к нему щекой, потом, будто лаская, потрогал руками.

А тем временем Андрей, идя по набережной, глядел на проходящие по реке теплоходы, и предавался воспоминаниям...

Было великолепное, редкое в этих краях лето. Казалось, что солнце совершенно потеряло голову от любви к людям и земле. Дожди хотя и частые, но шли в основном ночами, а с утра снова чистое, словно девственница небо и сияющее светило. Как-то у Андрея выдалось

несколько свободных деньков и он пригласил Вадима, вместе с женой, прокатиться по реке на небольшом пассажирском теплоходе. За владельцем небольшой пароходной компании, его недавним клиентом, числился весьма значительный долг, и тот с удовольствием, в счет этого долга, на время, предоставил Андрею свою собственность. Судно недавно из ремонта и еще не было поставлено в график ...

- Вадим, ну что ты копаешься? Человек такси вызвал, деньги уплатил, - бранила мужа Наташа, видя, как тот нехотя собирает свои вещи.

- Ничего, не обеднеет. А и разорится, не велика беда. Ты знаешь, каким он должен был скульптором стать? Куда там разным Вучетичам, Мухиным, да и Бартольди. Наверное, если говорить о Слепцове, так он Андрюхе в подметки не годился. Вот пусть теперь и

раскошеляется, пусть страдает. Не ради искусства в себе, так хоть ради того, кто, в отличие от него, остался верен своему назначению.

Наташе не раз доводилось выслушивать подобные излияния самовлюбленности, безудержной самоуверенности со стороны мужа и, как всякая умная женщина, она вновь промолчала. Улыбнулась только, и в улыбке этой не было ни малейшего намека на веселье - зато грусти и сочувствия хоть отбавляй.

- Гений мой, - сказала ласково, - как бы там ни было, а заставлять чело века ждать просто некрасиво.

- Слушай, а может, ты одна поедешь, что-то мне не хочется. Я лучше поработаю.

- Вадим, да ты с ума спятил! Одно из двух; либо тебе на меня наплевать, или же ты настолько самоуверен, что готов доверить свою жену кому угодно, даже лучшему другу.

- И не то, и не другое родная. Просто очень хорошо тебя знаю. Доверяю. Тебе, а не Андрюхе, заметь. Ему я и семидесятилетнюю старуху не доверил бы, когда б не был уверен в ее добродетельности. Но если он и бабник, то только с согласия самих баб. Они ему на шею вешаются.

- Что ж... Коли шея крепкая...

- Чего-чего?.. Нет, я все-таки еду,

- Да так, ничего.

- Пожалуй, я все-таки поеду...

- Это уже хоть какое-то проявление благоразумия с вашей стороны. За диалогом, супруги не заметили, что не одни в квартире. Андрей стоял, облокотившись о дверной косяк, и внимательно слушал, ожидая, чем здесь все закончится. И когда Вадим все-таки выказал желание ехать, по лицу Андрея скользнула легкая тень.

- Ну что, ребята! - жизнерадостно окликнул он друзей, - вы решились? Время идет.

- Конечно, конечно Андрюшенька. Уже почти готовы. Ты просто не представляешь, какой ты умница, что решил выгнать нас из дома...

Услышав это "Андрюшенька", в свою очередь, нахмурился Ледин. Наташа тараторила не умолкая, но Андрей понимал, что ее сейчас мучает вопрос; "как давно он здесь и сколько успел выслушать", а потому сам пошел ей навстречу:

- Битых двадцать минут продержал такси у подъезда, десять минут просидел на лавочке там же и вот уже пол минуты стою здесь, вместо того, чтоб отдать приказ сниматься с якоря и бороздить могучие "океанские" воды. - Он чуть - заметно улыбнулся,

видя, как с лица Наташи сошел пунцовый налет беспокойства. «Эх ты, дурочка - подумал Андрей, - да я ради тебя самого беса стерплю, а не то, что Вадьку...»

Теплоход не был тем комфортабельным судном, какие показывают в заграничных видеофильмах, но и ржавой посудиною не назовешь. Обычный пассажирский теплоход, эпохи почтенного Леонида Брежнева. И имя у него подобающее, для того времени: "Целинник".

- Интересно, от какого слова оно произошло: от - "целина", или, что оригинальней, от - "целка"? - улыбаясь, спросил друга Андрей.

- Пошляк - ответил тот и с шумом втянул в себя речной воздух.

- Неужели ты не чувствуешь, как здесь чисто и легко дышится?

Андрей хоть и посмеялся, но в душе подивился на способность Вадима, даже в условиях нищеты сохранять свою невероятную чистоплотность. «Вот она «целина». И абсолютное отсутствие цинизма, а без одного брат, тебе никогда не стать великим» – подумал он и оставил художника наслаждаться одиночеством.

Спустившись на нижнюю палубу, увидел Наташу. Она по пояс свесилась с фальшборта и задумчиво следила за тем, как словно стадо верблюдов, убегали от носа теплохода волны. На песчаной косе, у берега, плескалась шумная ребячья стайка. Дети с визгом бросались на водяные горбы, и даже отсюда было видно, как поднятая со дна муть окрашивала их смуглые мордашки.

- Чего грустим? – Андрей, наконец, решился ворваться в ее грезы.

- Что ты, Андрюшенька, какая может быть грусть среди такой красоты? Я не грущу, так мысли всякие в голову лезут.

- Поделись.

- О нет! В лучшем случае ты сочтешь меня дурой, а то и вовсе неблагодарной.

- Какое счастье, Наташка, если бы ты была обыкновенной дурочкой, как миллионы баб на свете.

- Ну да. Вы, сударь не обратили бы на меня никакого внимания. Опять таки в лучшем случае. В худшем – позабавились, как с «миллионами» других баб и оставили бы с разбитым сердцем и полным подолом.

- Однако какая ты бываешь колючая. Прямо не подступишь.

- А ты черты не переходи и не уколешься.

- Да я и так, но все-таки что тебя обеспокоило?

- Ничего, - ответила Наташа, и слегка коснувшись его руки добавила, - не поймешь Андрюшка, хоть и хороший ты. Пойдем к Вадиму, а то неправильно получается – он там, а мы здесь. Еще приревнует.

Вадима на палубе не было.

- Куда это он подевался, ведь только что тут стоял, - скорее самого себя спросил Андрей. – Может, в каюту ушел?

«Неужто и правда ревность взяла? Не ожидал...»

- Вадим! – громко позвала Наташа.

- Да здесь, тут я, - высунувшись из-под брезента накрывавшего шлюпку, нехотя отозвался тот.

- Ты чего туда забрался? – набросилась на него жена. – Я может, уже с ног сбилась в поисках, а он сидит там, как маленький, прямо.

- Зачем зря говоришь, ведь вы только подошли? А забрался я туда, чтоб со стыдухи не сгореть.

- И чего тебе стыдиться? – вмешался в разговор супругов Андрей.

- Тебя.

- Меня?

- Вадим! Ты что такое говоришь? Как ты смеешь?

- Да! Тебя, себя, ее вот, - как бы не слыша жены, продолжал художник, - Вы только посмотрите на этот прекрасный корабль, как величественно он движется по руслу древней реки. Сколько в нем удобных кают, а какая команда ведет его?! И все это ради троих человечков, коим вздумалось поиграть в миллионеров. Подумайте! Три мужика и женщина пользуются всем этим, - Вадим развел руками, - а двадцать ребятишек на берегу довольствуются лишь грязной волной...

- Вадим, ты что выпил? - спросила Наташа.

- "Целина", - подумал Андрей и ушел к себе в каюту. День был окончательно испорчен.

Вечером, прогуливаясь по палубе, он услышал приглушенный разговор супругов.

- Ты знаешь, Вадька, я, когда подошел Андрей, там наверху, думала о том же, о чем и ты.

- Не сомневаюсь. Ведь именно за это я люблю тебя.

- А я тебя милый. Но, тем не менее, ты зря так обошелся с Андреем. Он этого не заслуживает. Утром обязательно извинись...

- «А я вас обоих, "целинники" вы чертовы» - не дослушав того, что Наташа говорила о нем, подумал Андрей...

Глава 4

Автомобильный сигнал вывел Андрея из вчера и вернул в день сегодняшний. Он, вдруг, совершенно ясно осознал, что Вадим прав: не могла Наталья так с ним посту пить, запросто взять и уйти - бежать. (Слишком честна). Уж казалось, чем он сам ей не пара: и ростом бог не обидел - аж метр девяносто выделил, ~ и внешностью, (хоть сейчас на обложку Плейбоя), о деньгах говорить не приходится, в общем - все есть, что бабы любят? Но никакие выгоды не заставили не то, чтобы уйти от Вадима, но даже "слегка" изменить. И он, Андрей, не кто-то там с улицы - добрых двенадцать лет знакомы.

-Эх, Потехин, Потехин... И умом, вроде, бог не обидел, а такой простой вещи сразу не понял. Что же произошло с тобой Наташка, где ты теперь?..

Уже по становящейся привычной, случайности, Потехин оказался на кривой и грязной улочке. Неподалеку в подвале одного из домов, построенных в эпоху советского монументализма, располагалось кафе в котором, по обыкновению, собиралась вся непризнанная "гениальность" города. Здесь можно встретить еще неизвестных или давно забытых художников, поэтов, музыкантов. Тут же слоняются бывшие интеллигенты, (а ныне бомжи) и другие пропойцы в ожидании подачи от нищей, но сердобольной богемной братии. В студенческие годы Андрей и сам часто бывал здесь. Но по окончании их - перестал. Как у многих, с возрастом у него произошла переоценка ценностей. Студенческая поговорка - "Лучше быть непризнанным гением, чем признанным идиотом" - обернулась формулой: "...хотя и то, и другое, в принципе, одно и тоже". Спустившись по крутым ступенькам и окунувшись в облака синего табачного дыма, он нашел, несмотря на прошествование лет, что здесь мало изменилось, разве бичей стало больше.

Не найдя в обеденной зале ни одного свободного места, Андрей прошел в бар и уселся на высокий стул перед стойкой. Бармен дядя Миша, главная достопримечательность этого места, а может и всего города, последний из настоящих, потомственных, трактирщиков, словно никогда и не покидал своего места, протирал грязным полотенцем граненые стаканы.

- Послушай, любезный! - по старинке окликнул его Андрей, зная, что именно такое обращение наиболее старику по душе.

- Чего тебе? - как бы нехотя, но что-то уж совсем быстро, отозвался тот, но, взглянув на посетителя, на его "прикид", как говорится, мгновенно изменился в лице, да и в голосе тоже.

- Что прикажете подать?

- Два в одном коньяку и чего-нибудь перекусить.

- Сию минуту будет сделано. Вы уж простите старика. Приличные люди сюда редко захаживают, а с этими голодранцами иначе нельзя - на голову сядут.

- Некогда и я таким же "голодранцем", как ты говоришь, был.
 - Так что ж с того? Был, не есть - по доходу честь.
 - Выходит, дядя Миша, любой негодяй с хрустящей мошной тебе дороже честного бедняка.

- Эх... куда ты загнул. Думаешь старый холуй перед тобой? Не брат. Бедняк бедняку рознь. Вот давеча художник один дружок твой заходил, "пустой" совсем, а человек хороший. Такому хоть в долг дать, хоть за так угостить всегда рад.

- Это что ж за дружок то?

- Да Вадька.

- А ты что ж, дядя Миша, помнишь меня что ли, ведь десяток лет прошло, как я сюда не заглядывал?

- Так как же мне вас не помнить, когда вы с дружками мне всю посуду да столы, помнится, переломали.

- А ведь и вправду, было такое, мы еще сбежали тогда и не расплатились.

- А ты не подлец. Другой бы в несознанку играть стал - "не я это мол, не было ничего такого" - еще и склеротиком старым обозвал, бывало такое, а ты нет, не отказался. На вот пей, паря. Я на кухню пойду, подгоню там, а пока шоколадом закуси.

- Спасибо, дядя Миша.

- Не на чем, паря.

Старик ушел и Андрей, глотнув коньяку, начал было опять в свои мысли уходить, но сипловатый мужской голос не позволил...

- Гля! Да это же сам Потехин, собственной персоной. Какими судьбами, Андрюха, прямо из Америки?

- Какой еще "Аmericи".

- Как какой? Северной. Говорят ты за бугор, то ли в "штаты", то ли в Канаду смылся.

- Чепуха.

Андрей смотрел на начинающего лысеть чудака и не узнавал» хоть почему-то был уверен - должен знать. Чтобы не обидеть, решил притвориться, будто помнит.

- Какие новости?

- Собственных - никаких, а чужих хоть отбавляй. Ты Слепцова помнишь? Он кажется, с тобой на одном курсе учился?

- Помню и знаю, - выставка у него на следующей неделе.

- Сволочью оказался. - Это еще почему?

- Вадьку Ледина помнишь?

- Немного - соврал Андрей и обратился во внимание, надеясь узнать что-то новое.

- Так вот Слепцов у Ледина хотел мастерскую урвать.

- То есть как "урвать".

- Ну, отобразь, экий ты непонятливый. В "союзе" с помещениями туго, драчки часто случаются. Ледин задолжал взносы, а Слепцов под эту марку решил его мастерскую захватить.

- На кой она ему, чулан этот, ведь у него аж двести с лишним квадратов?

- Чудак ты, паря, как говорит наш добрейший дядя Миша. Лишних квадратов не бывает. К тому же, у них там личные счета. Я его на днях видел.

- Кого, Слепцова?

- Да нет, Ледина.

- Говорил чего?

- Да так... Жаловался на нищету и водяру глушил. Глаза, тоскливые, как у побитого щенка. А ты, я смотрю, фартовым заделался. Новый русский? Может, угостишь ради встречи?

- Нет проблем, вот только дядя Миша придет.

- Во! Сразу видно - человек. А то "Слепца" как-то встретил, даже руки не подал.

Как же - член "союза", за границу два раза ездил.

- Но ведь он классный ваятель, кажется?
 - Какой там! Лепила. Просто знает, когда и кому в зад смотреть.
 - Ну, на это тоже талант нужно иметь.
 - Конечно. А еще хребет из резины и собственную мыловарню.
 - Мыловарню?..
 - Ага. Под каждого начальничка мылиться никаких денег на покупное мыло не хватит. Кроме того, он на игле сидит и вполне плотно.

- Врешь?!
 - Как говорит один мой знакомый: "зуб даю". Я тут на него маляву накатал, чтоб не заносился сильно, а то гордый видите ли...
 Андрею внезапно стал противен этот человек, тем более сколько -нибудь значимых новостей он так и не услышал.

- Знаешь что? Пожалуй, я не буду тебя угощать.
 - Как это... Почему?
 - А не хочу. Не нравишься ты мне.
 - Вот так всегда, стоит только правду сказать, как люди отворачиваются. Бедная Россия, что с тобой будет? Кругом сволочь одно и дураки. Беспринципные твари, сволочь теперь в чести, а порядочные люди...

За стойкой раздвинулась ширма, и вошел дядя Миша, неся на уровне плеча поднос с тарелкой, на которой дымилась жареная телятина.

- Во, паря, кушай. Повар по моему заказу, специально для тебя приготовил.

- Спасибо дядь Миша. Послушай, - приложившись к мясу, обратился Андрей к бармену, кивая в сторону отошедшего незнакомца, уже подсаживающегося к другому посетителю, - кто такой, что-то я его никак вспомнить не могу.

- Да и не обязательно паря, дерьмовый человечиска. Кричит, что все продались, а сам бы рад был да не нужен никому. Вот и ходит, сплетни собирает, разбогатеть мечтает.

- Это на дерьме то?

- Так дерьмо, паря, самый ходовой товар. Важно только из-под кого его вы гребешь.

- Да, дядя Миша, а ты не так прост, как может показаться.

- "Сенькью" на добром слове.

В это мгновение бармена вызвали клиенты, а Потехин наконец-то, принялся всерьез за телятину.

Глава 5

Оставшись после ухода Потехина с собою наедине, Вадим домыл посуду, и решил принять ванну. Но едва наполнил ее до половины, как раздался звонок в дверь. Накинув халат, он подошел, и спросил;

- Кто там?

- Милиция, - последовал ответ.

Ледина словно током ударило. Он принялся лихорадочно шарить рукой по замку, но мокрая она соскальзывала. Наконец удалось. Дверь распахнута.

- Что?! Вы что-то узнали?

- Во-первых, здравствуйте, господин Ледин. Вы разрешите мне войти? - сухо ответил светловолосый лейтенант, примерно одинакового с Вадимом возраста.

- Да, да ... Конечно.

- Проходите. Извините, я только приведу себя в порядок.

- Хорошо. Но, если можно, поскорей, у меня мало времени.

- Я мигом. А вы пока располагаетесь - уже из спальни предложил хозяин. Торопливо натягивая тренировочные штаны и футболку, неуклюже заправляя ее, Вадим лихорадочно пытался предположить причину визита милиционера.

- Я готов, - окликнул он гостя, неспешно прохаживающегося по гостиной и рассматривающего картины, развешанные по всем стенам. У одной он задержался дольше, чем у других. - Это моя последняя работа - пояснил Ледин.

- Ваша жена? - спросил лейтенант, кивая на картину,

- Да.
- Отчего-то кажется, что здесь она не похожа на себя. По крайней мере, если судить по фото, которое вы нам дали.
- Понимаете? Живопись несколько отличается от фотографии, даже художественной. Если б вы знали Наташу, ну хоть немного, не сказали бы так.
- Наверное, вы правы - художнику видней...
- А тут правы вы. Потрудитесь все-таки разъяснить мне цель вашего визита, если это возможно. Ведь не желание увидеть мои картины привело вас сюда?
- Разумеется. Суть вот в чем; мне поручили вести ваше, то есть вашей жены, дело и в нем много неясного.
- Что именно вам не понятно?
- Да вот, - лейтенант достал из кожаной папки документы и, перелистав страницы, показал Вадиму его заявление. - Тут вы написали, будто вернулись из мастерской в два часа ночи и не застав дома жены, сразу же обратились в милицию. Так?
- Ну.
- Вот здесь и кроется неувязочка. До отделения от вашего дома ровно двенадцать минут хода, а в заявлении значится три часа сорок минут. Выходит, вы потратили больше полутора часов, чтобы дойти до участка?
- Так я не совсем чтоб сразу в милицию. Я сперва, вернулся в мастерскую, а уж потом - Зачем вы вернулись?
- Жена часто среди ночи навещала меня там. Знаете, то ей скучно станет дома одной, то ужин мне принесет...
- Значит, поначалу вы решили, что разминувшись с ней?
- Именно.
- Тогда почему не написали этого?
- Послушайте, кстати - как вас величать?.. Так вот Виталий Владимирович, я не специалист в области написания заявлений в органы и если что упустил в том не моя вина.
- Напрасно кипятитесь, господин Ледин, я не стану скрывать от вас... Дело это не такое простое, как может показаться на первый взгляд. Мы проверили все адреса, которые вы нам указали и ни по одному из них вашей жены не нашли. Она никому не звонила, ни где не появлялась с той ночи и есть серьезные опасения на счет ее судьбы.
- Вы хотите сказать...
- Именно это я и хочу сказать. Обстоятельства вынуждают нас подозревать всех, так или иначе контактировавших с пропавшей, в том числе и вас.
- Меня?! Не хотите ли вы сказать, что я сам замешан в ее похищении.
- Откуда вы знаете про похищение, я вам этого не говорил?
- Послушайте! Бросьте ваши штучки. По телевизору только и говорят, что о пропавших без вести. Похищают детей, девушек... Даже генералов и тех крадут. Куда по-вашему может еще деться человек? Мы с вами взрослые люди и я понимаю ваши подозрения, но будьте же благоразумны. За двенадцать с лишним лет мы с Наташей ни разу не поссорились... У меня нет мотива лейтенант. Так, кажется, у вас говорят? Не лучше ли применить ваше рвение, в более правильном направлении?
- Вы меня, пожалуйста, не учите и знаете что? Подпишите-ка этот документ, если вас не затруднит.
- Что за документ?
- Подписка о не выезде.
- Неужели вы и впрямь меня подозреваете в чем-то? - Давайте вашу бумажку. Поставив размашистую подпись, Ледин спросил:
- Стало быть, ее все-таки похитили? Но кто? Зачем?
- Мы пока не знаем, что с ней в действительности произошло, но серьезно занимаемся этим вопросом - ответил лейтенант.
- Если вы понадобится, я вас вызову, а пока прощайте.
- Найдите ее, очень вас прошу, Виталий Владимирович, - провожая милиционера до порога обратился Вадим, но тот вышел, так и не ответив.

Глава 6

Мысли, тяжелые, а подчас страшные до нелепости, не давали Андрею покоя. Было непонятно - то ли весть об исчезновении Наташи по настоящему достигла серого вещества, то ли коньяк превратил это вещество в кладовую кошмаров.

Навстречу, обнявшись, шли двое. Андрею показалось - парни, и он едва не выругался в их адрес, как вдруг у одного, случайно, заметил характерные холмики на груди.

- А вот Наташу нельзя с мужиком перепутать, сколько не выпей, – сблизившись с парочкой и преградив дорогу сказал он. В ответ услышал:

- Ну и вали к своей Наташе! - Сильной рукой парень оттолкнул Андрея в сторону, затем, обращаясь к подруге добавил, - шарахаются пьяные, а потом...

Дальнейшие слова Андрей не расслышал. Он продолжал волочить ноги по влажному от осеннего тумана тротуару, бормоча себе под нос что-то несурзное, (а может таковым оно трезвому человеку кажется. Потому, как непонятное.

Молодой человек, так грубо обошедшийся с Андреем, крепко прижимая к себе девушку, улыбаясь и разговаривая с нею, думал о своем. Что-то странное ему, вдруг, показалось в пьяном прохожем, и он никак не мог понять что именно.

- Ты ничего такого не заметила в том чудике? - спросил он спутницу.

- Виталька! Ну, ты можешь хоть рядом со мной забыть о службе?

- Нет, не могу. И тебе придется мириться с этим. "Работа у нас такая". Слыхала песню, небось?

- Слыхала. А ты ничего банальней не мог придумать?

- "Все Зин обидеть норовишь..."- нарочито хриплым голосом пропел Виталий.

- Прекрати, пожалуйста. Лучше про "Наташку-первоклашку" спой.

- Это не по моей части. Подожди! Кого он сказал, с мужиком не спутаешь?

- Вас, товарищ лейтенант. У нас с тобой что - свидание или ночное дежурство?

- Да погоди ты! Он сказал Наташу... Уж не... Такси! - закричал Виталий, бросаясь на проезжую часть и, как только машина остановилась, открыл дверь и обратился к девушке:

-Светка не обижайся, будь другом, но вечер отменяется.

- Вы, уважаемый, свинья распоследняя, и я вас больше знать не желаю.

- Не пори чепуху. Шеф довези без проблем, - бросил лейтенант водителю, уронил на переднее сиденье измятую в кармане купюру и пустился догонять уже скрывшегося из глаз Андрея.

Продолжение следует

ФОЛЬКЛОР НАРОДОВ ТАЙМЫРА

Казимир Лабанаускас

На Таймыре живет с 1970 года. Составитель серии сборников фольклора народов Таймыра. Публиковался в альманахе, а также в ряде научных изданий. Знает язык, духовную и материальную культуру енисейских ненцев. Живет и работает в Дудинке.

Соседи, ушедшие в нижний мир.

(Загадка в истории ненцев)

Каждый человек, который внимательно знакомится с историей ненецкого народа, не может пройти мимо такого сложного и до сих пор наукой нерешенного вопроса, как контакты предков ненцев в Заполярье с доненецким населением тундры, именуемым в ненецком фольклоре сихиртя. В статье о происхождении ненцев (журнал "Факел Таймыра" № 4,5 за 2000 г) отмечалось, что в начале формирования тундровых ненцев как этнической общности в лесотундре и тундре междуречья Оби и Таза к началу второго тысячелетия нашей эры ненцы активно заселяют тундру, где происходит завершающий период их формирования, сложение основных элементов культуры, в том числе и за счет ассимиляции доненецкого населения тундры, т. е. сихиртя. От них ненцы переняли ряд элементов материальной и духовной культуры.

Однако, изучая ненецкие мифы и легенды, мы узнаем такие сведения о сихиртя, которые трудно понять и трудно правильно истолковать. Неизбежно возникает вопрос: кто такие сихиртя на самом деле?

Первые описания остатков жилищ сихиртя появились тогда, когда различные путешественники стали посещать Север. Они находили низкорослых людей с очень смуглыми плоскими лицами. Судя по описанию капитана Барроу (The navigation and discovery toward the river Ob, made by Master Steven Borrough in the year 1556. London. 1809), голландского мореплавателя Гюйгена ван Линсхотена (Нидерландская экспедиция к северным берегам России в 1594 - 95 гг.), судового лекаря П.М. Ламартиньера, промышленяли сихиртя исключительно охотой, причем в море выходили на челноках, "сделанных искусно из рыбьих костей и кожи; внутри кожа была сшита таким образом, что получался как бы мешок от одного конца челнока до другого; внутри такого челнока сихиртя были укрыты по пояс, так что во внутрь лодки не могла попасть ни единая капля воды" Сихиртя жили в землянках из китовых костей. Академик Иван Лепёхин, совершавший во второй половине 18 века путешествие по ненецким тундрам, писал: "Вся самоедская земля в нынешней Мезенской округе наполнена запустевшими жилищами некоего древнего народа. Находят оные на многих местах, при озерах на тундре и в лесах при речках, сделанные в горах и холмах наподобие пещер с отверстиями, подобными дверям. В сих пещерах обретают печи, и находят железные, медные и глиняные обломки домашних вещей и сверх того человеческие кости. Русские называют сии домовища чудскими жилищами. Сии запустевшие жилища, по мнению самоедов, принадлежат некоторым невидимкам, собственно называемым по самоедски "сирте" (Лепёхин И. Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства, ч. 4. СПб, 1805 год).

В нашем столетии появились новые находки в предполагаемых местах расселения сихиртя. В 1929 году В. Чернецов обнаружил на западе Ямала поселения древних морских охотников и связал его с культурой доненецких аборигенов тундры. Позднее были открытия Л. П. Хлобыстина (который производил раскопки и на Таймыре) и Л. П. Лашука. Летом 1986 года состоялась первая экспедиция Тобольского пединститута на западный Ямал. Были найдены осколки древней глиняной посуды, каменные отщепы, наконечники стрел, ножевидные пластины,

изделия из кремня, обломки костяных и металлических изделий, остатки костей моржа, белые позвонки кита. Остатки жилищ найдены на крутых прибрежных сопках. Экспедиция определила, что именно сопки служили жилищами древнего населения. В сопках с южной стороны выкопаны ниши, которые сверху перекрывались лесом и дерном. Жилище как бы встраивалось в сопку, почти не изменяя ее первоначального облика. В 1989 году проводилась еще одна экспедиция этого же пединститута на Ямал. На этот раз удалось обнаружить не только остатки жилищ сихиртя, но и каменотесную мастерскую. Только вот единственное, что удивляло участников экспедиции, заставляло их не только делать раскопки, но и углубляться в ненецкий фольклор - это полное отсутствие могильников. Было такое впечатление, что в изучении культуры сихиртя что-то не то, что-то не получается и не стыкуется. Ведь если жили люди, то они неизбежно умирали и должны быть где-то похоронены. Но могил сихиртя нет, а ненецкие легенды настойчиво твердят, что сихиртя ушли под землю, следовательно, их могил и быть не должно. Но это уже на грани мистики, и вряд ли советским археологам было удобно ориентироваться на такие представления. Да и вообще старались не касаться такой скользкой темы, как загадочный уход сихиртя в иной мир. Наоборот, было уделено больше внимания теме о том, кто могли быть сихиртя, и откуда они появились. На основе археологических данных выдвинуто предположение, что сихиртя были, прежде всего, охотниками на дикого оленя и рыболовами, кочевавшими в зависимости от времени года от границ тайги до морского побережья, где занимались также промыслом морских зверей. Их этнографический облик определяли такие детали быта, как глухая одежда у мужчин и женщин (типа ненецкой малицы или сокуя), землянки и жилища из китовых ребер, гарпуны с костяными наконечниками, кожаные лодки, употребление в пищу сырого мяса и рыбы. Название сихиртя переводится с ненецкого языка двумя значениями: 1) чуждающийся, избегающий людей, 2) имеющий землистый цвет лица. Язык сихиртя в какой-то мере родственен ненецкому. Известный российский этнограф Владимир Иванович Васильев, тоже занимавшийся этим легендарным народом, сделал следующий вывод: сихиртя - это "досамодийское население арктического побережья, представители культуры морских зверобоев и охотников на дикого оленя, существовавшие до конца первого, а в отдельных местах и до середины второго тысячелетия нашей эры, но оказавшиеся истребленными и поглощенными пришедшими с юга предками ненцев и других родственных народов" (журнал "Советская этнография", №1 за 1970 г). Предполагается, что в древности сихиртя были представителями уральской общности охотников и рыболовов, которые раньше других ушли жить в заполярные тундры.

Казалось бы, на этом можно поставить точку и не продолжать разбирать эту запутанную тему о сихиртя, если бы не давал покоя вопрос: хорошо, пусть сихиртя были охотники, рыболовы и морские зверобои - но почему они покинули земную жизнь и ушли в нижний мир? Неужели и мы должны пройти мимо этой неловкой и, откровенно говоря, тупиковой темы, обойденной молчанием официальной наукой? Давайте все же смело залезем в дебри мифологии, обратимся к самим ненцам, ибо они должны знать о сихиртя больше всех.

Как же сами ненцы характеризуют сихиртя?

Ненцы и сихиртя, видимо, долгое время были соседями, и в ненецких исторических преданиях и мифологических сказках сохранилось немало сведений об этом загадочном доненецком населении тундры.

Когда ненцы говорят о сихиртя, у них в голосе всегда появляется настороженность. Некоторые из них говорят о сихиртя как о сильных шаманах категории выдутана, (такие шаманы могли лечить тяжело больных, предсказывать будущее, прокалывать себя копьём или хореем). К сихиртя нельзя навещать просто так - можно умереть. Даже олени обходят те места, где есть подземные жилища сихиртя. Эти люди низкорослые, необщительные по той причине, что занимаются колдовством. Согласно ненецким легендам, у сихиртя есть озеро, в котором плавает таинственный предмет (по современной терминологии - неопознанный объект категории НЛО), населенный злыми духами. Отправляясь на

охоту, эти духи выбрасывают из озера луч света и по нему двигаются. Поймав обычного человека, духи съедают его вместе с оленями и собаками. Но иногда ненцы могут встречаться с сихиртя и возвращаться домой невредимыми.

Сихиртя невысокие ростом, коренасты, крепки. Когда-то сихиртя много в тундре было, а сейчас совсем мало, они ушли под землю, в сопки, хотя их и теперь можно видеть на земле. В их пещерах до сих пор находят латунные и медные чашечки и бляшки. Встречаясь с ними, ненцы иногда получают подарки - изделия из неизвестного металла (при этом возникает вопрос: откуда в тундре металл, тем более неизвестный, откуда руда для его выплавки?).

Женщины-сихиртя считаются красавицами, потому что нарядно одеты. Их одеяния украшены изделиями из тускло поблескивающего металла, бубенцы на рукавах издают мелодичный звон. Раньше в некоторых местах ненцы были женаты на женщинах-сихиртя. Правда, есть предание, в котором попытка ненца жениться на девушке-сихиртя кончилась неудачей.

"Когда-то в начале века в районе современного поселка Новый Порт на Ямале жил ненец рыбак с матерью. Они жили около сопки. Рыбак часто поднимался на сопку и в шутку стучал по земле, говоря: "Старик сихиртя, отдай дочь в жены, а то разрушу твой дом!" Однажды он пришел домой, лег на постель, и чуть было не уснул, как кто-то говорит, слышно, на улице: "Где ты? Я пришла!" Ненец испугался и не ответил. Входит девушка - маленькая, но красивая. Говорит: "Меня отец послал, чтобы ты не разрушил дом" Ненец все не отвечает, только смотрит. А на шестах для подвешивания котла висел осетр. Девушка как увидела его, так убежала. Больше не приходила. Ненец свой чум перенес подальше от сопки"

Вот таковы сведения о таинственных сихиртя, которые можно услышать от ненцев.

Но, оказывается, с сихиртя могут контактировать и знать что-то о них не только ненцы.

Интересно познакомиться и с контактами русских с сихиртя. Такой контакт описан в повести Г. Темкина "Лунный лист" (журнал "Вокруг света", № 7, 8 за 1989 год). В этой повести события происходят где-то на севере полуострова Канин. К двум русским рыболовам приходит незнакомая девушка по имени Пуйме в меховой одежде и зовет одного из них пойти в свое жилище, где при смерти лежит ее дедушка. Один из рыболовов, врач по профессии, соглашается осмотреть больного. Вместе с Пуйме он долго идет по болотистой тундре, потом попадает в какую-то каменистую местность, где за водопадом находится пещера - жилище сихиртя. В пещере, оказывается, лежит старый сихиртя-шаман. Возраст у него более ста лет, и все это время он жил и живет уединенно, стараясь подальше держаться от ненцев. Он лечил людей, молился ненецкому богу-нуму, кормил духов и хранил так называемое Священное Ухо. Но теперь старику пора умереть и отойти к тому же нуму. Его дело продолжит Пуйме, уже хорошо знающая шаманское дело. После смерти дедушки она останется одиноко жить в пещере, поскольку убеждена, что долг сихиртя - лечить людей, молиться и охранять Священное Ухо. Ее не пугает одиночество, так как она знает, что у ненцев иногда рождаются маленькие белолицые дети из-за того, что кровь сихиртя смешалась с кровью ненцев. Эти дети могут потом стать истинными сихиртя, посему Пуйме не надо опасаться, что ее шаманское искусство исчезнет бесследно.

Русскому врачу не удастся вылечить старика-сихиртя. Но в тот момент, когда он берет руку старика, чтобы проверить пульс, погружается в странное, фантастическое видение. Перед ним разворачивается картина города-крепости Нери страны Игма - цитадели счастливейших и мудрейших жрецов и правителей-гипербореев, избранных богами, возвышающихся над другими народами силой духа и знания. У них белая, как снег кожа, волосы цвета полуденного солнца, властная осанка, они могут подниматься на небо при помощи огненной колесницы. Жизнь в стране Игма полная счастья и благополучия...

Но вот картина резко меняется. Возможно, уже прошли тысячи лет, и стране Игма приходит конец. Город Нери объят пламенем, рушатся дворцы, дрожит земля,

небо окутано густым смрадным дымом, и нет больше солнца. Кипящие волны, как ненасытные акулы, набрасываются на берега страны Игма, отгрызают от суши кусок за куском - и жителям Игмы нет никакого спасения. Лишь немногие из них остались на небольших островах. Вокруг бушуют огромные волны океана, как будто хотят проглотить и те последние острова. Но океан постепенно начинает стихать, вода остывает, и все водяное пространство покрывается ледяным панцирем. Над белым безмолвием опускается полярная ночь. Сами острова и прилегающие к ним прибрежные земли становятся холодной и неудобной тундрой. Теперь те немногие оставшиеся жители бывшей счастливой страны Игма - континента, поглощенного великим, уже ставшим ледовитым, океаном - стали называться сихиртя. В их жизнь прочно вошли голод и холод, поскольку достать себе пропитание в тундре не так-то просто. Сихиртя покидают острова и продвигаются на юг, в материковую тундру, терпя невероятные страдания, погибая от голода и болезней. Проходят еще сотни лет. В тундре появляются предки ненцев - незванные соседи сихиртя. Последним приходится прятаться в укромных местах, дабы сохранить величайшую святыню народа сихиртя - Священное Ухо (видимо, какой-то фрагмент огненной колесницы или ее копию, в которой находится некая субстанция нечеловеческого разума) ...

На этом прекращаются видения врача, волей судьбы попавшего в пещеру сихиртя. Он выходит из пещеры, чтобы вдохнуть свежего воздуха и видит нечто трудно объяснимое. Под горой виднеется озеро, на воде которого плавает желтый округлый лист. Он занимает почти треть водяной поверхности озера. Врач видит, как Пуйме, сидя в лодке, семь раз объезжает вокруг этого желтого листа, а потом подплывает к берегу, выходит из лодки и возвращается в пещеру. Врач узнает от нее, что вода в озере мертвая, рыбы нет, а тот плавающий желтый лист и есть Священное Ухо. Оказывается, Пуйме хотела с ним поговорить, сообщила о предстоящей смерти бабушки, но Священное Ухо уже давно не разговаривает с сихиртя, а только слушает...

Врач, так и не сумев спасти старика-сихиртя от смерти, возвращается назад. Но его не покидают воспоминания о тех фантастических видениях, в которых, возможно, отразилась древняя история народа сихиртя - потомков мудрейших гипербореев страны Игма, ушедшей на дно Северного Ледовитого океана. Со временем в руки врача попадает атлас средневековых карт и, к своему удивлению, он видит, что зона от полюса и примерно до линии Северного полярного круга изображена как материк, разделенный на четыре сегмента реками, вытекающими из большого внутреннего озера. На землях, изображенных севернее Скандинавии, начертан такой текст: "Здесь обитают пигмеи, рост их около четырех футов, и в Гренландии их зовут скрелингерами." Вероятно, они жили в легендарной Гиперборее - северной стране с мягким климатом и развитой цивилизацией...

Таким образом, получается, что те сихиртя, с которыми соседствовали ненцы, представляют собой племя, которое деградировало под жестокими ударами судьбы, но которое происходит от некой высокоразвитой цивилизации, возможно, переселившейся из иных миров на землю, в страну Гиперборею, но не сумевшей выжить в условиях земли. Можно предположить, что верховные правители этой цивилизации отбыли обратно на огненных колесницах в свой мир. (Нечто похожее было и с древнекитайским правителем Хуан-Ди, который, процарствовав целое столетие, сел в космический корабль и улетел к своей звезде). А потомки гипербореев (рожденные, по всей вероятности, от космических пришельцев и женщин земного происхождения и посему имевшие отталкивающую внешность - карликовый рост и белые глаза, от которых, по мнению ненцев, веет бездной), навечно остались на земле, потеряли славу мудрейших и счастливейших и со временем из-за соседства с ненцами (а, может быть, и по другим причинам) перестали существовать на земле.

Все это выглядело бы, может быть, правдоподобно, если бы сведения о сихиртя не были бы осложнены еще более умопомрачительной фантастикой. В 70-х годах мне удалось записать две мифологические сказки от известных ненецких сказителей Василия Дмитриевича Яра из поселка Воронцово Усть-Енисейского

района и Нака Ноновича Ядне, оленевода тухардской тундры. Из этих сказок вытекает, что сихиртя вообще не являются жителями земли, то есть, живут не в мире земных людей, а в нижнем мире, куда, по мнению ненцев, уходят души умерших.

В сказке "Младший сын старика-ханта" (В.Д. Яр) мы видим одного бедствующего мальчика, которого отец выгнал из родного чума по той причине, что он не умел правильно разгадывать сны. Мальчик находит где-то в тундре незнакомый чум, в котором живут слепые старики. Оказывается, они слепые не потому, что таковыми родились, а потому, что их глаза украли какие-то существа, живущие в подземном мире. Однажды вечером, когда старики уснули, мальчик отодвинул в сторону железный лист, на котором в чуме раскладывают огонь, и увидел, что там чернеет вход в какую-то дыру, уходящую вглубь земли (видимо, это был туннель для перехода из одного мира в другой, такой же, который описан в книге Раймунда Моуди "Жизнь после смерти" и по которому человеческая душа покидает земной мир). Мальчик смело входит в эту дыру и через какое-то время оказывается на поверхности незнакомой земли. Он видит три чума, входит в средний из них. Там находится хозяин-сихиртя, а глаза стариков лежат на железной тарелке и сверкают серебром. Мальчик спрашивает: "Хозяин-сихиртя, почему ты украд глаза моих стариков?" Сихиртя отвечает: "Я потому их украд, что на моей земле нет духа-покровителя. Они здесь мне нужны как духи" Тогда мальчик берет глаза и прячет за пазуху. Уходя, говорит хозяину-сихиртя: "Впредь не воруй человеческие глаза! Это грех!" Далее мальчик по тому же туннелю выходит в тот мир, где живут слепые старики, и возвращает им глаза.

Во второй сказке, которая называется "Двое детей Сэв Сэр" (Н.Н.Ядне), два мальчика, заблудившись в тундре, оказываются у песчаной сопки, в которой есть пещера. Дети входят в пещеру и видят, что у костра сидят старик и старуха сихиртя. Старик на конце дровяка опаливает одну куропатку. Дети говорят, что мы заблудились, а теперь есть хотим. Но, оказывается, сихиртя не видит пришедших, не слышат и не понимают человеческой речи. Получается, что дети встретились с сихиртя не в земном мире и предстали перед ними не человеками, а некими духовными существами, контакт с которыми в мире сихиртя невозможен.

Но есть другая мифологическая сказка (записанная от того же сказителя Василия Дмитриевича Яра), в которой ненец, оказавшись, в мире сихиртя все же мог с ними контактировать. В сказке, правда не говорится, что ненец попал именно в нижний мир, но, судя по обстановке, он был там.

"Жил ненец с матерью около большого озера, у них были олени. Как-то ненец пас оленей возле сопки и увидел: сидит девушка-сихиртя и шьет. У нее красивый нож для кройки шкур. Ненцу понравился нож, и он стал подкрадываться. Он заметил, как девушка исчезла, словно растворилась в воздухе. В следующий раз это же повторилось.

Через какое-то время возвращался этот ненец на свое стойбище. Но от усталости он решил остановиться и подремать. Потом слышит, что кто-то его будит. Смотрит, рядом стоит молодой парень. В его нарты запряжены не олени, а мамонты. Парень позвал за собой. Поехали к сопке, вошли в пещеру. Там сидят старик, старуха и та девушка. Старик велел накормить гостя. Парень принес огромную рыбу и разделал. Ненец все на нож смотрит. После угощения опять уснул и, когда проснулся, то увидел, что уже находится на своем стойбище.

На следующий день пошел на то место, где раньше видел девушку-невидимку. Нашел нож и взял с собой. Старики видели"

В этой сказке обращают на себя внимание две важные детали: первая - способность сихиртя появляться в мире людей и снова уходить в подземный мир, вторая - езда не на оленях, а на мамонтах. Это ясно свидетельствует, что ненец оказался в ином мире, где произошла его встреча с сихиртя.

Какое после всего этого можно сделать заключение?

В конечном итоге получается, что сихиртя, просуществовав на земле с времен мифической Гипербореи и быв долгое время соседями ненцев на земле, окончательно ушли в иной, подземный мир. Теперь для них поверхность тундры является верхним

миром, своеобразным небом. В нижнем мире жизнь вывернута наизнанку. Люди боятся ночи, сихиртя - дня. Люди пасут живых тундровых оленей, сихиртя пасут мамонтов, а ездят чаще всего на собаках. Люди живут на земле, сихиртя - под землей, хотя иногда выходят на поверхность земли ночью или в туман. Люди боятся сихиртя и неохотно рассказывают о них, сихиртя, соответственно, прячутся от людей. А вот что заставило, и кто заставил сихиртя уйти в подземный мир, так и остается загадкой. Хотя ненецкие предания и говорят, что когда-то была какая-то катастрофа (гроза, удар молнии, расколовший землю, потоп) и сихиртя попали под землю, но это мало убеждает. В результате катастрофы сихиртя могли погибнуть окончательно, но этого не произошло. Сихиртя продолжают существовать. Возможно, и сегодня в каких-то укромных уголках тундры происходят таинственные контакты ненцев с сихиртя, мелодично звучат колокольчики на парках красивых женщин-сихиртя, как бы поющие нескончаемую песню о трагической, но удивительной судьбе народа сихиртя - соседей ненцев.

Оксана Добжанская

Родилась в 1967 году в Киеве, закончила Новосибирскую Государственную консерваторию и при ней аспирантуру, по специальности этномузыковед. С 1989 года занимается изучением музыкального фольклора народов Таймыра. Составитель ряда фольклорных сборников, кандидат искусствоведения. Живет и работает в Дудинке.

Нганасанские легенды, рассказанные Ниной Дентумеевной Чунанчар (Усть-Авам)

Хенсира сойбаму¹

Давным-давно, в старое время в нганасанском роде Камень был большой, сильный шаман. Как-то собрал он людей своего стойбища в один чум и стал шаманить. После камлания говорит:

- Сказал мне бог, что буду я самым большим шаманом. Но для этого мой бубен нужно обтянуть человеческой кожей.

Люди насторожились, зашумели:

- Где мы найдем человеческую кожу? Кто захочет, чтоб с него для бубна содрали кожу?

- В нашем стойбище живет девушка-сирота. У нее нет родственников, и некому ее защитить. Если мы убьем ее, и кожей ее обтянем бубен - никто не будет мстить за нее, - отвечал шаман.

- Но у нее есть жених! - сказали жители стойбища.

- Это ничего. Вы его в тундру отправьте на неделю. Скажите парню, что у нас закончилось мясо, привяжите несколько пустых саней, и пусть едет на охоту. Пускай не возвращается, пока все сани мясом не заполнит - так скажите ему, - посоветовал шаман.

Так люди и сделали. Парню сказали:

- Мяса в стойбище нет, наш шаман хочет свежего мяса. Ты у нас хороший охотник, поезжай на охоту.

Отправился парень на охоту.

На следующий день девушку-сироту убили. Ее удушили веревкой, ободрали кожу, и кожей этой обтянули шаманский бубен. Прогрели бубен над костром, и зазвучал он звонко и раскатисто.

Шаман сказал:

- Я буду шаманить на высокой сопке неподалеку от наших чумов. Поднимусь на вершину сопки, там буду бить в бубен и камлать. Все люди услышат мой бубен и соберутся на его звук.

Отвезли шамана к сопке, он вместе с помощниками поднялся на ее вершину. На самом верху начал шаманить, бить в бубен, подпрыгивать, и двое помощников удерживали его сзади за цепи. Звонкий голос шаманского бубна стал слышен по всей округе, во все стороны звук его разносится. Люди приходят и приезжают отовсюду целыми семьями, дивятся новой неслыханной силе звука.

С тех пор сопку эту называли Хенсира сойбаму, а шамана стали считать очень сильным.

Прошло несколько лет. Однажды люди стойбища аргишили в сторону Камня, к горам Бырранга. Остановились в горах. Шаман решил поохотиться в одиночку, пешком отправился в горы. Шел-шел он по горам, и оказался в незнакомом ущелье. Направился вдоль по ущелью, и вдруг услышал впереди тихий голос: "коук-коук". Прислушался он, удивился:

- Кто это, почему я никого не вижу?

Идет дальше, и снова тоненький голос спрашивает:

- Коук-коук, ты меня не видишь?

- Нет, не вижу, покажись, - отвечает шаман.

---

¹ Название высокой сопки в авамской тундре, на русский язык приблизительно переводится как "громкое звучание бубна".

Впереди показалась молодая обнаженная девушка. Она обратилась к нему с такими словами:

- Три года назад ты приказал меня убить, и кожей моей обтянул свой бубен. Видишь - я жива. Бог сказал мне, что, если ты меня сейчас догонишь, то станешь самым большим шаманом. Давай играть в догоняшки - я буду убегать, а ты меня лови!

Девушка побежала, шаман - за нею. Бежит-бежит шаман, со всех ног несется, а догнать девушку не может - она убегает от него все дальше и дальше. Распался шаман охотой, во что бы то ни стало хочет догнать девушку - и вдруг упал на дно глубокой ямы. Посмотрел наверх - там девушка стоит и говорит ему:

- Видишь, я тебя поймала. Отсюда тебя никто не вытащит, и ты теперь умрешь. Можешь кричать, хоть что делай - наверх сам не поднимаешься, и люди тебя не услышат. Не только сам ты умрешь, но род твой будет уменьшаться с каждым годом, пока не угаснет совсем, - сказала и исчезла.

Шаман умер. С тех пор его род Каменных Чунанчаров стал уменьшаться, таять, и людей этого рода теперь почти не осталось.

Так исполнилось проклятье девушки-сироты.

Хенсира сойбаму² - название высокой сопки в Авамской тундре, на русский язык приблизительно переводится как «громкое звучание бубна»

Огонь-санка

(Легенда о происхождении огня)

Давным-давно, когда только начинала зарождаться жизнь на земле, огня у людей еще не было. В то время жил старик-сомату³. У него была жена и единственная дочь семнадцати лет.

Однажды во сне старик услышал голос, который доносился откуда-то сверху:

- Хочешь, я дам тебе огонь? В твоём чуме станет тепло, ты будешь варить мясо, сможешь кипятить чай. Будет огонь - будет у тебя хорошая жизнь.

- Конечно, хочу. Дай мне огонь! - во сне отвечает старик.

- Я дам тебе огонь, и потребую за него дорогую цену, - сказал голос.

- Что за цена?

- У тебя есть молоденькая дочь, ее мне ты отдашь. Завтра утром, когда проснешься, отправь свою дочь собирать по берегу сухие ветки. Когда она уйдет, расскажи этот сон своей жене, и отправь ее из чума. Пусть сидит она в своей женской санке, накрывшись пологом и не выглядывая, до тех пор, пока не услышит из чума звон твоего бубна. Тогда только сможет твоя жена покинуть санку и войти в чум. Дочь свою, когда она принесет в чум ветки, ты убей. Потом разрежь ей живот и вытащи селезенку. От селезенки твоей дочери дерево разгорится, и появится огонь. На огне разогрей свой бубен и начинай шаманить, петь шаманские заклинания огню.

Старик тяжело перевел дух, а голос продолжал:

- После этого дочь свою похорони. Вместо нее сделай из дерева идола в виде женщины, укрась голову идола женскими украшениями, но парку для него не шей. Сделай специальную санку, в эту санку идола положи и укутай шкурами. Это будет твой шайтан, назовешь его Ту-конта - Огонь-санка. Когда у тебя появится огонь, начнут к тебе приходить люди - пешком и на оленях. Всем им давай горячие головни, в своих чумах пусть они разжигают огонь.

Проснулся старик, видит - утро настало. Сидит он грустный, поникший, сон свой вспоминает. Потом обратился к дочери:

- Дочь моя, пойдешь на берег реки, собери сухие ветви деревьев и принеси в чум.

Как только дочь ушла, старик рассказал свой сон жене и отправил ее сидеть в женской санке.

Сидит старик в чуме, ждет дочь. Вскоре она пришла, занесла собранные дрова и начала их укладывать. В это время старик убил ее, вытащил селезенку. Разложил из дров костер и только поднес селезенку к веткам - вспыхнул жаркий огонь. Удивился старик, обрадовался невиданному чуду. Начал шаманить и все сделал, как во сне ему

Сомату – тундровые энцы.

было сказано. Вырезал из дерева женскую фигуру, украсил ей голову и поместил в специальную Огонь-санку.

Все люди потом к старику приходили, брали угли для своих чумов. С этих пор у людей появился огонь.

Шайтана “Огонь-санку” старик потом передал по наследству своим родственникам, так как больше у него детей не было. Те стали передавать его по наследству от отца к сыну, из поколения в поколение. В роде Соваловых был раньше этот шайтан.